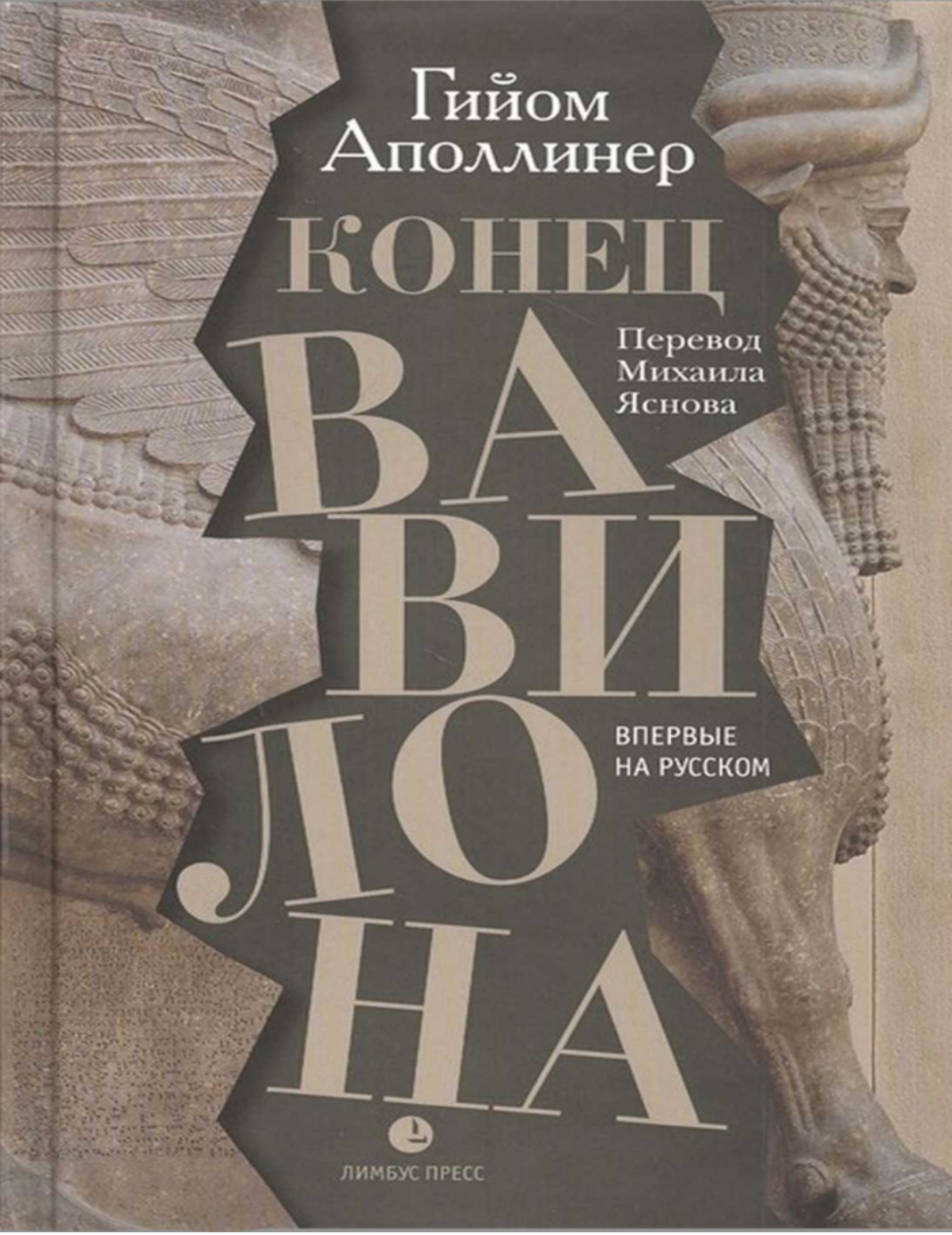
Гийом
Аполлинер
КОНЕЦ
ВАВИЛОНА
Перевод
Михаила
Яснова
ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЛИМБУС ПРЕСС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гийом Аполлинер (1890–1918) — не только великий французский поэт, но и блестящий прозаик, автор книг «Гниющий чародей», «Ересиарх и К°», «Конец Вавилона» и др., а также многих рассказов, «сказок» и историй, сохранившихся в рукописях или разбросанных по журналам. Сам Аполлинер неизменно подчеркивал, что считает для себя прозу не менее значимой, чем поэзия. Роман «Конец Вавилона», впервые переведенный на русский язык, рисует картины последних событий эпохи исторического Вавилона, показанных через судьбы персонажей, заимствованных автором из окружающей его действительности. Критики не раз подчеркивали провокационность и скандальность «Конца Вавилона», что, разумеется, привлекает дополнительное внимание к этому произведению.

- Гийом Аполлинер
- ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX
- Глава XXI
- Глава XXII
- Глава XXIII
- Глава XXIV

- Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

Гийом Аполлинер
Конец Вавилона

Guillaume Apollinaire
La Fin de Babylone
Первая публикация — La Fin de Babylone, Paris, 1914.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Гийом Аполлинер был удивительным писателем.

Имеется в виду не его поразительная проницательность, не его открытия, не его роль «завершителя» классического периода французской поэзии и пропагандиста нового лирического сознания. Речь о том, что почти все, написанное Аполлинером, — про него самого и только про него самого. Прежде всего, что понятно, — любовная лирика. В редких стихах оптимистическая, по большей части наполненная недосказанной меланхолией, а то и трагичностью. Проза поэта по природе своей — не исповедальная, но и в ней он нередко ассоциирует себя со своими героями и персонажами, то с драматическим пафосом, то с едкой иронией рассказывая о себе или о том, как он представляет мироустройство и свое место в культуре.

В новелле «Эстетическая хирургия» Аполлинер повествует о фантастической клинике, врачи которой совершают чудеса: фабричный надзиратель обзаводится здесь еще тремя глазами, политик — дополнительным ртом, полицейский — новой парой рук, а знаменитый натуралист просит пересадить ему на кончики пальцев глаза колибри, чтобы еще пристальнее изучать природу. Рассказчик иронизирует над ретивостью ученых, готовых видеть в физическом улучшении человеческой породы панацею от бед современной цивилизации.

Но — как это нередко случалось в писательской практике Аполлинера — сюжет оказался только поводом, чтобы вывести формулу для нового явления. Так под его пером появились в свое время орфизм и сюрреализм. Так на смену пластической пришла эстетическая хирургия.

Новое сознание, о котором Аполлинер размышлял всю свою творческую жизнь и которое в конце ее «сформулировал» в работе «Новое сознание и поэты» (опубликованной уже после его кончины)[1], требовало новой эстетики.

«Возникающее новое сознание, — писал он, — намерено прежде всего унаследовать от классиков твердое здравомыслие, убежденный критический дух, цельный взгляд на мироздание и человеческую душу… <…>

Исследование и поиск истины — как в сфере, скажем, этической, так и в области воображения — вот основные признаки этого нового сознания».

В то же время оно требует «невообразимой по изобилию свободы», это синтез искусств, это литературный эксперимент, и это — изумление.

«Именно благодаря изумлению, благодаря той значительной роли, какую отводит оно изумлению, новое сознание отличается от всех предшествующих художественных и литературных движений. <…>

Новое сознание — это сознание той самой эпохи, в которой мы живем. Эпохи, изобилующей неожиданностями»[2].

Эстетика, которую предлагает Аполлинер, лежит в русле объединительной идеи: это эстетика всего здравого в классической традиции и всего необходимого, чтобы отступить от нормы.

Явлением поэта буквально отмечено наступление столетия: осенью 1901 года увидели свет первые публикации — сначала стихи[3], потом статья, — и с этого времени отсчитывается существование в литературе Вильгельма Костровицкого, который через год, с публикации рассказа «Ересиарх», обрел литературную жизнь и судьбу под именем Гийома Аполлинера.

Его последнее по времени собрание сочинений (далеко не полное — в нем, в частности, отсутствует переписка) насчитывает четыре увесистых тома в самом престижном французском издании — «Библиотеке Плеяды», однако лирика и поэтический театр занимают всего лишь один из этих томов. Аполлинер был и блестящим прозаиком, автором книг «Гниющий чародей» (1909), «Ересиарх и К°» (1910), «Конец Вавилона» (1914), «Три Дон Жуана» (1915), «Убиенный поэт» (1916), «Сидящая женщина» (опубликована в 1920 году), многих рассказов, «сказок» и историй, сохранившихся в рукописях или разбросанных по журналам, и проявил в них себя мастером самых разных литературных жанров — от элитарных до ставших впоследствии массовыми. В прозе Аполлинер, как правило, исследовал и описывал прежде всего незаурядные движения души, неожиданные поступки, нередко приводящие к трагическим последствиям.

Говоря кратко, эксперимент Аполлинера-прозаика заключался в попытке продолжить, приблизить к современности, максимально разнообразить виды и жанры литературы и художественно их обосновать; его прозаическое творчество — это квинтэссенция грядущей беллетристики. Он оказался сродни Сезанну, чьим полотнам посвятил многие страницы своих критических изысканий и в ком усматривал ростки чуть ли не всех течений новейшей живописи.

«Конец Вавилона» «врисовывается» в этот перечень. Написанный не столько для того, чтобы просветить читателя, сколько для того, чтобы завлечь его в ловушку ложных обстоятельств, роман становится чуть ли не пастишем, пародией

на историю и на сам жанр, который он представляет — это текст, оживляющий эпоху декадентства, в котором под прозрачными псевдонимами выведены на сцену многие друзья и знакомцы Аполлинера.

Картины последних событий эпохи исторического Вавилона, показанные через судьбы персонажей, заимствованных автором из собственного окружения, создают трагикомическую реальность повествования. Критики не раз подчеркивали провокационность и скандальность «Конца Вавилона», что в свою очередь также привлекает внимание к этому приключенческому и интеллектуальному тексту.

«Конец Вавилона» — один из трех романов, вышедших в серии «История в романах» в 1913–1915 гг. («Рим Борджиа», «Конец Вавилона» и «Три Дон Жуана») и подписанных именем Аполлинера. Однако первый из них, как установили французские исследователи, был написан другом поэта писателем Рене Дализом. Роман «Три Дон Жуана» уже переведен на русский язык[4]. Теперь к нему присоединяется «Конец Вавилона», продолжая жизнь «русского» Аполлинера, прежде всего — Аполлинера-прозаика. Лирики уже воздвигли тот мост, который, подобно мосту Искусств, соединяющему правый и левый берега Сены, Монмартр и Монпарнас, соединил две поэтические культуры, обозначив возможные маршруты дальнейшего пути.

Михаил Яснов

Глава I
ОТБЫТИЕ ИЗ ЛЮТЕЦИИ

Проказы Виетрикса. — Известный галльский предприниматель. — Полихромия. — Забавы в Лютеции. — Философические пирушки. — Караваны финикийцев. — Первые кельтские вторжения. — Характер парижиев. — Дочь Эрина. — По Галлии. — Под дольменом. — Друид. — Их культ. — Оракул свастики.

Без особого восторга покидал молодой Виетрикс остров Лютецию, когда там шла подготовка к Празднику весны. Он любил этот родной для него пейзаж: эту извилистую реку, ее поросшие камышом берега, а вдали, на севере и на юге, два зеленеющих холма. Он любил столицу парижиев[5] и ее удовольствия. Однако отец был категоричен. Да и сам Виетрикс понимал, что его бесчисленные проказы требуют передышки.

Его отец был одним из самых богатых и уважаемых людей этой части Галлии. Под его руководством проворные ремесленники обучались искусно обрабатывать бронзу, олово, железо и золото. От Арморики до Савойи высоко ценились инкрустированные ножны и портупейные замки работы мастеров отца Виетрикса. Купцы из восточных краев, где обитали кельтские племена, и с южных гор, где нашли приют иберы, закупали у него товар крупными партиями. Да и модницы с острова и его окрестностей знали, где приобрести самые изящные украшения: колье, подвески или браслеты.

В Галлии только что появилось новое искусство — искусство полихромии. Бронзовые вещицы с инкрустацией имели приятный вид, от которого уже были без ума все местные богачи. Работы производились главным образом с красными кораллами.

Именно этими кораллами как предлогом воспользовался папаша Виетрикс, чтобы удалить от утех Лютеции своего отпрыска, чье присутствие, впрочем, совершенно не представляло необходимости для продвижения его дел. В самом деле, молодой человек вовсе не ощущал в себе жажды надзирать за отцовскими мастерскими, хотя, разумеется, ценил редкостное качество парижского искусства. Для себя и своих любовниц он предпочитал богатые и изысканные украшения, однако его природной склонностью была возвышенная созерцательность — механическая размеренная работа вызывала у него отвращение. Виетрикс предавался мечтам о странных и невероятных

предназначениях. Он принадлежал к тому поколению, которое тратит, а не копит.

При случае он мог воспользоваться оружием, схватиться с врагом врукопашную или загнать зверя на охоте. Он был крепок, высок, хорошо сложен и приятен лицом — с каштановыми волосами и светлыми глазами. Совсем недавно на равнинах, простирающихся за северным холмом, он в компании нескольких друзей истребил целое стадо горбатых жвачных. Однако куда более ему нравились ученые разговоры об искусстве, философии и литературе, для которых, увы, он не мог сыскать достойных собеседников. В обстоятельствах жестокой борьбы за жизнь, в пылу соперничества амбиций насущные дела мало кому позволяли подобные развлечения. И все же общество в Лютеции было одним из самых просвещенных.

Будучи страстным любителем ученых дискуссий, Ви-етрикс не упускал случая пригласить проезжих знатных чужеземцев к столу, где за трапезой затрагивались весьма серьезные темы. Эти философические пирушки, говоря по чести, обыкновенно заканчивались разгулом и оргиями, поскольку Виетрикс имел обыкновение приглашать на свои вечеринки некоторое количество беспечных молодых людей, а те старались увести разговор в сторону и прекрасно в этом преуспевали.

* * *

Итак, Виетрикс вынужден был покинуть добрых приятелей, шайку веселых выпивох, и, последовав приказанию отца, отправился на Йерские острова[6], где, как известно, прибрежные жители в большом количестве добывали кораллы. Как раз в это время в Лютецию прибыл многолюдный обоз финикийцев, с которыми долгие годы состоял в торговых отношениях папаша Виетрикса. Эти смуглые люди явились из Корнуайя[7], где находились богатые оловянные копи. Взяв груз, они рассчитывали через Галлию достичь берегов Средиземноморья, надеясь по дороге заключить какую-нибудь сделку с лигурийцами[8] или кельтами, постепенно продвигавшимися в сторону Рейна.

По Галлии из года в год все чаще рыскали высокие белокожие парни с длинными светлыми волосами и голубыми глазами — сыны кельтских племен, все ближе и ближе подступавших к владениям галлов с востока. Эти молодые люди были весьма образованы, знали толк в религиозной и светской поэзии. Кроме того, они были хороши в искусстве сатиры, сочиняя воинственные куплеты, которые воины должны были декламировать своим

противникам, прежде чем ринуться на них с копьем наперевес. Виетрикс, как и следовало ожидать, не упускал случая встретиться с ними, что вызывало недовольство галльских старейшин, подозревавших кельтов в тайной подготовке вторжения на их земли.

Сам Виетрикс не был чистокровным лигурийцем. Столько народностей уже сменилось на берегах Сены! Благодаря опасным трясинам, которыми была окружена Лютеция, ее положение оставалось надежным с военной точки зрения и в то же время выгодным — с коммерческой. В силу этого обстоятельства парижии словно бы жили здесь наособицу и уже повсеместно славились своими умелыми ремесленниками, художественным вкусом и довольно трезвым умом.

Итак, Виетрикс обнял прощальным объятием свою возлюбленную — рыжеволосую дочь Эрина[9] с глазами цвета морской волны, девчонку, волей неведомого случая попавшую в Лютецию[10]. Он, конечно, немножко любил ее; любил, потому что первым обуздал ее пугливую душу и склонил ее тело — это красивое тело ослепительной белизны — к затейливым наслаждениям. Однако любовь непостоянна. Итак, Виетрикс поцеловал ее в алые, как у спящего ребенка, губы, в бугорки ее крошечных грудок, простился кое с какими друзьями и занял свое место в караване финикийцев.

Багаж его был не тяжел: оружие да несколько конопляных туник. А главное, он позаботился прихватить в отцовском доме мешочек, набитый золотым песком. Такая валюта пользовалась большим уважением во всех странах.

Дорога оказалась не из легких. Обоз по большей части двигался вдоль рек, спускающихся к Средиземноморью. Но как-то ночью застигнутые грозой путники заблудились в лесу. Наконец они нашли приют под высоким дольменом, возле которого стояло круглое приземистое сооружение. Это было место проведения погребальных обрядов. Недавно здесь оказывались последние почести останкам какого-то вождя. Обозники кое-как расположились на ночлег.

В эту ночь Виетрикс спал беспокойным сном — его одолевали сожаления. Он вспоминал безмятежную жизнь в родном городе и печалился, что вел себя столь легкомысленно. Насколько уютен был отчий дом, настолько же отдых среди мертвецов был лишен уюта! Ни он, ни его товарищи не осмелились прикоснуться к съестным подношениям, оставленным для мертвых благоговейными [эука-ми. Ах, если когда-то он и стремился отправиться на Иер-ские острова, то теперь определенно раскаивался в своем заблуждении!

Наутро, едва проснувшись, обозники обратили внимание на незнакомца в длинном белом одеянии. В его руке блистал кривой золотой нож. Виетрикс уже не раз слышал, что кое-где в лесах установились новые обычаи, пришедшие с северных островов, — его маленькая возлюбленная иногда по вечерам рассказывала ему легенды о загадочных друидах. Безусловно, странный человек отправлял этот культ.

И верно, перед ними стоял друид. Виетрикс был рад познакомиться с ним. Жрец, чувствовавший себя здесь, в этом жертвенном месте, как дома, оказал всем знаки гостеприимства. Виетрикс удивился такой доброжелательности, он думал, что подобные погребальные церемонии и культ камней восходят к древней, скрытой от посторонних галльской традиции.

Однако друид дал ему объяснения. Он признает главенство за божествами огня, источников и лесов. Кто из людей, с каких угодно незапамятных времен, отваживался пренебрегать поклонением этим силам природы, милостивым и благотворным? Таким образом выходит, что это всеобщее наследие. В остальном священник признавал, что не вправе отвергать божества новых земель, в которые постепенно проникает его культ. Он был согласен даже с человеческими жертвами грозным божествам войны и любви. В его деле приходится приспосабливаться к обстоятельствам.

Виетрикса всегда интересовали необычайные жизненные ситуации, он был счастлив побеседовать с этим много-знающим и незаурядным человеком. В ходе разговора он в конце концов поведал жрецу о своем изматывающем странном недуге — ничто больше его не удовлетворяет. Хотя он и знает Лютецию как свои пять пальцев, теперь он сожалеет, что покинул город, и не может решить, следует ли ему сейчас же вернуться или все же пуститься в дальнейшие приключения.

Священник долго размышлял. Затем, заглянув Вие-триксу прямо в глаза, так сказал ему:

— Сын мой, судьба твоя не здесь. Терзания твои не смогут избыть себя среди того грубого и неотесанного народа, каким являемся мы, твои соплеменники. Позже, умудренный и опытный, ты вернешься к нам. Спасти тебя должна женщина. Кто она, я не знаю. Однако я вижу, что она рождена под сокровенным знаком, который я прочерчу кончиком своего ножа на этом священном камне. Смотри. Ты найдешь ее по этому знаку.

— А в каких краях, отец мой?

— Там, в теплых странах, в том краю, где каждый день сияет жаркое солнце.

— И я не остановлюсь, пока не повстречаю ее?

— До того ты не будешь знать покоя.

Сказав это, друид удалился. Виетрикс взглянул на начертанный им на камне знак. Это была свастика.

Виетрикс уже встречал прежде этот знак. Он видел свастику на некоторых весьма старинных украшениях и помнил, что, действительно, с этим символом связан какой-то религиозный смысл. Впрочем, традиция толкования этого символа, как и многих других, была утрачена.

«Моя судьба не здесь! Там, на Востоке… Женщина под священным знаком? Ну и? Да ладно! Стоит попробовать…»

Глава II
В СТОРОНУ ЗАГАДОЧНОГО ВОСТОКА

Финикийские корабли. — Марсель. — В домах терпимости. — Средиземноморские девушки. — Старый марселец. — История прекрасной Жиптис. — Пагубные последствия пьянства. — Продавец рабов. — Евнух в море. — Наказание рабыни. — Отплытие.

Жребий был брошен. Среди трех слуг из отчего дома, сопровождавших Виетрикса в путешествии, один пользовался его особым доверием. Виетрикс поручил ему сделать закупки на Иерских островах, доставить кораллы в Лютецию и предупредить отца, что его сын на судне финикийских купцов отплывает из Марселя на восток. Пусть не беспокоится! Рано или поздно он возвратится в лоно семьи. Единственное, о чем он просит того, кто даровал ему жизнь, — соблаговолить время от времени передавать ему с караванами через торгового агента в Тире несколько мешочков драгоценного золотого песка. Касательно всего остального, то во время своих странствий он позаботится о том, чтобы преумножить знания о ремеслах и искусствах, каковыми по его возвращении сможет воспользоваться папаша Виетрикс.

Два финикийских парусных судна и три большие галеры, входившие в состав маленькой эскадры, после похода в Гасконь требовали ремонта. Когда они огибали Армориканский мыс, на груженый оловом караван буквально обрушился сильнейший шторм и частично привел в негодность корабельную оснастку.

Командовавший морским караваном капитан Мира-баль, гигантского роста и довольно отталкивающей внешности, на самом деле оказался человеком мягким и обходительным. Взамен на некоторые услуги он предложил для продолжения путешествия юному Виетриксу свое собственное судно. Правда, похоже, такое решение не доставило большого удовольствия капитану второго корабля по имени Канабаль, косо смотревшему на чужеземца и даже не позаботившемуся оказать тому честь, пригласив к себе на борт. К превеликому счастью, Мирабаль, как старший по возрасту, был главой этой маленькой флотилии.

* * *

Несколько дней Виетрикс посвятил осмотру Марселя и его окрестностей. Этот фокейский город[11] уже был развитым торговым центром; к несчастью, его процветанию мешали внутренние распри. Лигурийцы, поначалу принявшие чужеземцев, теперь неодобрительно смотрели на их обогащение.

По вечерам, поужинав на набережной похлебкой с шафраном, которую так хорошо умеют готовить марсельцы, Виетрикс обыкновенно направлялся в нижние кварталы города, где располагались разнообразные кабачки, посещаемые моряками и портовыми. В одних собирались судовладельцы, судовые приказчики, капитаны, в других — матросы.

Там можно было увидеть девиц со всех концов света: из Восточного Средиземноморья; маленьких лигуриек, светлокожих, но темноволосых, шаловливых, смешливых и склонных к обману; смуглых, пылких и страстных этрусских девушек с тонкими чертами лица; привезенных с крайнего юга черных большеглазых рабынь, одновременно сияющих и мрачных. Блондинки были редкостью. Виетрикс, пока не очень привычный к подобным женщинам, испытывал по отношению к ним нечто вроде робости.

Хотя, как он полагал, в Лютеции он вкусил все возможные наслаждения, чувственные и бесстыдные южанки пугали его. Они казались ему представителями другой, далекой от его собственной, породы. Некое религиозное чувство как будто подсказывало ему не приближаться к ним. Однако ему нравилось, потягивая превосходные напитки, заставлять их подолгу плясать перед ним обнаженными.

Как-то вечером, в третьесортном заведении, посещаемом портовым сбродом, беглыми матросами и левантийскими грузчиками, у него произошло странное знакомство с жалким нищим, похоже, уже долгие годы жившим милостью содержательницы притона и ее девочек. Внимание Виетрикса привлекло его строгое печальное лицо, и он без колебаний пригласил старика распить с ним кувшин великолепного вина с берегов Роны.

* * *

— Увы, благородный чужеземец, — начал свой рассказ старик, — редко теперь встретишь столь приветливую физиономию, как твоя. Деловые люди — да приберет их к себе жестокий бог Гамм! — захватили все. В этом прекрасном солнечном краю не найти теперь наслаждения в спокойных мечтах. Чтобы жить, надо работать, извлекать выгоду, делать

дела, да мало ли что еще! В былые годы у нас не было другой заботы, кроме как, разгоняя кровь, время от времени объявлять войну нашим соседям. Еда, любовь — все было под рукой. Ах, зачем проклятые чужестранцы когда-то ступили на эту землю? Зачем мы разрешили им высадиться? И если какая-то доля вины лежит на мне — ты видишь, я за это жестоко наказан.

— Продолжай, почтенный старик, ты сильно заинтересовал меня.

— Тогда выслушай мою историю[12]. Царь Нанн, глава племени сигобригов, был самым могущественным правителем побережья. Сам я, мелкий царек, владел всего одним склоном и одним мысом, где росли оливы да виноград.

Нанн хотел выдать замуж свою единственную дочь, прекрасную Жиптис, с кожей белее морской пены и смеющимися глазами, Жиптис, на груди которой был след священного ножа. Что может быть прекрасней, друг мой, чем грудь девственницы? Девственницы! Увы! В здешних местах таких не встретишь.

В борьбу вступило множество претендентов. Я был одним из них. Исполненный юношеского задора, я, по правде сказать, растратил наследство своих предков. Проиграл не один урожай. Вот если бы мое скромное состояние могло округлиться за счет великолепных земель этого залива!.. Вдобавок я был влюблен в Жиптис.

Могу сказать, я достаточно ловко вел осаду. Душа юной девы была чище морской воды, что омывала мой мыс ясным весенним утром. Так что я стал воздерживаться от грубых шуток, которые охотно отпускали мои собратья. Но вовсе не потому, что не люблю вольные выражения. Напротив! Эти греки, со всей их утонченной речью, с их изысканностью, вредят галльскому духу. А мне просто не хотелось задевать ни ее уши, ни ее чувства. Тогда я даже сочинил изящный стишок, который, смею сказать, получил ее одобрение.

Единственным моим несчастьем было то, что я родился на склоне, где наливаются под солнцем тяжелые гроздья!

Жиптис никому, даже своему отцу, не открыла, кого выбрала себе в женихи. Возможно, она и сама еще не знала. Старый правитель, добрый человек, не испытывал ни малейшего желания торопить дочь. Та колебалась. Однако пообещала, что в день Праздника моря назовет счастливого избранника.

По обычаю в дом царя приглашали послов, капитанов судов или чужеземных богатых купцов. В остальном в то время подобные дворцы были куда менее роскошными и благоустроенными, чем наши постоялые дворы. Как раз в те дни прибыли люди с Востока. Они привезли ткани, образцы которых

преподнесли царю и его дочери. В благодарность Нанн пригласил на пиршество их старшего, отзывавшегося на имя Эуксен. Это был человек невысокого роста, некрасивый и неприметный. Оказавшись за столом подле него, я едва заметил его присутствие. По правде сказать, несколько глотков благородного золотистого сока с моего склона с самого начала отвлекли мое сознание от суетных случайностей этого мира.

Во время десерта Жиптис поднялась со своего места. В руке она держала чашу, ту самую, что один художник отлил по ее груди, так что нам было дозволено судить о точности исполнения. С девственных плеч соскользнуло прозрачное покрывало из тончайшего газа, из тех, что купцы с Востока преподнесли царю. Порой показывалась ее великолепная грудь, а под легкой тканью угадывалось стройное тело. Забыл сказать вам, что Праздник моря отмечают летом, в самую жару. Жиптис была столь прекрасна, это видели все, так что, отныне и впредь почитая себя ее законным обладателем, я даже испытывал некоторую ревность.

И действительно, юная дева обошла вокруг стола, оглядела всех соперников, претендентов на ее любовь, старавшихся принять самые выгодные позы, — она оглядела их всех и с пренебрежением прошла мимо. Потом приблизилась к тому концу стола, где скромно возлежал я. Остановившись передо мной, она медленно опустила золотую чашу, которую держала над головой. Ах, какой гордостью, каким довольством исполнилось в этот миг мое сердце! Я думал о разочаровании своих конкурентов, о своей увенчанной победой страсти, о моем мысе, о ее заливе!

— Принц Ласьота, — сказала она мне (таково было имя моего фьефа[13]), — прими эту чашу.

Я поклонился, подыскивая приличествующий случаю комплимент, и произнес какую-то самодовольную несуразицу.

Чертова идея!

По лицу юной девы пробежала едва заметная тень, и она отдернула руку.

— Возьми эту чашу, — снова начала она отрешенным и суровым тоном, — и передай ее своему соседу.

Моему соседу. Но это же мелкий греческий торговец! Я решил, что девушка ошиблась. Но нет! Ее поведение прямо говорило о том, что такова ее воля. Я повиновался, но рука моя дрогнула, и несколько капель золотистой влаги упали на одежду презренного.

А тот и не усомнился. Этот деляга тут же все понял. Он залпом осушил чашу, поднялся с места и твердым шагом обошел

вокруг стола вместе с отдавшей ему свою руку принцессой.

Так Эуксен, мой недруг и соперник, стал правителем здешних мест. Так здесь обосновались греки. Вот почему в приступе отчаяния я полностью растратил свое состояние на всякие безрассудства и погряз в этом месте! Ах, сколь прихотлив женский нрав!

* * *

Наступил день отплытия. Заплатив хозяйке за постой, Виетрикс со своими пожитками — кое-какой одеждой и купленными в Марселе туалетными принадлежностями — направился к портовой набережной.

На два торговых судна и три галеры грузили тюки с самыми разнообразными товарами. Фокейская колония в то время вела уже активную торговлю не только с греческими полисами, но и с левантийскими[14] странами.

Финикийские купцы, прошедшие через Галлию, распределились по разным судам — они хотели сами следить за своим грузом.

Виетрикс был сильно удивлен, увидев, как в последний момент к трапу самой маленькой галеры прибыла группа женщин в длинных одеждах и под покрывалами. Их сопровождал какой-то человек с грубыми манерами, которому помогали двое других, женоподобных.

Один из финикийских купцов пояснил Виетриксу:

— Это местные рабыни. Купец приехал за ними, чтобы хорошо продать их любителям в Тире, Сирии и Халдее…

Любознательный от природы, Виетрикс устроился подле трапа, по которому одна за другой с трудом поднимались пассажирки. Однако, когда он принялся внимательно рассматривать карабкающуюся по ступенькам хрупкую худенькую и смуглую девчушку, один из евнухов грубо оттолкнул его. В ярости Виетрикс ткнул того кулаком. Жирная тварь, мягкая, словно разваренный судак, оступилась и с шумом рухнула в горькие воды залива.

Тут же собрались зеваки — мальчишки, чьим ремеслом было ныряние за брошенными путешественниками монетками, заметили прыгающую в волнах голову. Наконец какому-то проворному матросу удалось багром подцепить евнуха за трещащие по всем швам льняные портки и вытянуть на палубу.

Купец хотел отомстить Виетриксу, но вмешался Мирабаль. В конце концов торгаш дал приказание отправить смуглянку,

невольную виновницу происшествия, в самую нижнюю каюту, связать ее и не выпускать вплоть до особого его распоряжения. Бедная малышка расплакалась, и Виетрикс горько раскаялся в своем неуместном любопытстве. Она бросила на него укоризненный взгляд, доставивший, впрочем, ему определенное удовольствие.

Что ему особенно не понравилось в произошедшем инциденте, так это поведение Канабаля. В тот момент, когда ссора могла принять дурной оборот, капитан второго судна не вымолвил ни слова в его защиту — наоборот, даже пытался подлить масла в огонь. Да и вообще похоже было, что они с работорговцем большие друзья.

— Миленькая эта малышка, — небрежно бросил Канабаль приятелю. — Можешь высечь ее, а потом пришли мне.

— Вот уж нет, старина, — отвечал торговец. — Разбазаривать добро? Вы, матросня, только портите такой хороший товар. Если я и уступлю тебе какую-нибудь женщину, это случится не раньше, чем мы доберемся до Крита! Так что можешь подготовить хорошенькую кучку монет!

* * *

Тем временем матросы выбрали якоря. Стоя на капитанском мостике, Мирабаль отдавал последние приказы. Не без волнения взглянул Виетрикс на утлое суденышко, уносящее его от твердой земли, земли галлов. К какому новому приключению спешил он?

Завершив маневр, капитан склонился к пассажиру.

— День был не самый благоприятный, — сообщил он. — Но я совершил жертвоприношение Астарте[15]. Да пребудут с нами древние боги кабиры[16], защитники мореплавателей!..

Голос старого морского волка задрожал.

Глава III
НА ФИНИКИЙСКОМ СУДНЕ

Жизнь на борту. — От Харибды к Сцилле. — Буря. — Заход в критский порт. — Храм. — Покупка рабыни. — Татуированная девственница.

Подтвердились ли опасения капитана Мирабаля? Как бы то ни было, неподалеку от Сицилийского пролива на маленькую эскадру обрушилась жестокая буря.

До этого момента плавание проходило спокойно. Виетрикс уже не сожалел о том, что покинул галльскую землю. Теперь он горел желанием посетить страны Востока, культура которых была куда более утонченная, чем у парижиев. Уже в Марселе и на этих финикийских суднах он встретился с неведомыми ему прежде, но столь притягательными роскошью удобствами и с отнюдь не варварским, а вполне просвещенным взглядом на жизнь. Да и сам капитан Мирабаль проявлял познания, какие тщетно было бы искать даже у самых именитых из воинственных галлов. Так, например, он сообщил Виетриксу, что на земле этрусков набирает силу новая, чрезвычайно одаренная народность, чье влияние, по всей вероятности, вскоре ощутит на себе весь мир. Кое с кем из этого молодого племени Мирабаль был знаком. Даже греческие республики, без сомнения, пострадает от этой опасной конкуренции. Так, увлеченный восхитительными беседами под безоблачным небом и убаюкивающим ветерком, Виетрикс предавался на корабле беззаботной жизни. Сушеный инжир и изюм, составлявшие рацион путешественника, казались ему пищей богов.

Увы, чудовищному несчастью суждено было омрачить это морское путешествие. Корабли успешно миновали пучины Харибды, но на подступах к Сцилле ветер усилился, и море вздыбилось зловещими валами. Капитан отдал приказ пассажирам и большей части команды укрыться в каютах, оставшись на палубе вдвоем с кормчим. Неожиданно корпус судна задрожал, вокруг неистово вздыбились волны. Образовался водоворот и две гигантские волны, столкнувшись между собой, с жутким грохотом обрушились на смельчака. Послышался последний приказ кормчему, затем возглас: «Ваал Шамаим![17]» Вал схлынул, но капитана и кормчего на палубе не было!

Помощник капитана бросился на корму и ухватился за кормило. Мощным поворотом выправил судно прямо по ветру и

остановил корабль. Тщетно пытались обнаружить место, где смыло отважных моряков. Пучина в считанные секунды поглотила свою добычу.

Судно снова двинулось в путь — оставаться здесь было опасно. Впрочем, буря утихла. Второе судно и галеры сумели сменить курс, заметив, какой опасности подвергся Мирабаль, глава каравана. Всем кораблям незамедлительно сигнализировали об ужасном происшествии. Не теряя ни минуты, Канабаль ответил:

— Теперь я старший и беру командование на себя. Приказ «Милитану» (так называлось судно Мирабаля) занять второе место.

Вскоре, теперь под командованием Канабаля, маленькая эскадра благополучно завершила переход к острову Крит. После трагического происшествия Виетрикс утратил доброе расположение духа. Помимо того, что его болезненно потрясла смерть добродушного Мирабаля, он не ожидал ничего хорошего от новых порядков. Тем не менее путешествие приближалось к концу.

Буря серьезно потрепала парусные и гребные суда, так что пребывание в критском порту должно было продлиться не менее недели.

Поблизости находилась Греция. Виетрикс подумал, что более благоприятного случая получить представление об этой необычайной цивилизации у него не будет. С самого своего отбытия из Лютеции он, обложившись картами и свитками, усердно занимался изучением сведений о восточных странах, их культуре и языках, сожалея при этом, что у него нет времени лично посетить эти замечательные земли. Путеводные звезды — финансовые и прочие — вели его все дальше к Востоку. К тому же Виетрикс все чаще подумывал о том, что его холостяцкое существование лишено многих благ и удовольствий, а потому спешил поскорее встретить обещанное ему таинственное создание, отмеченное знаком свастики, который друид начертал на священном камне.

* * *

Первый день пребывания на Крите был посвящен столице острова, Кноссу, где галл полюбовался лабиринтом Дедала и величественным храмом олимпийского божества. Бог был изображен здесь без ушей, дабы показать — чтобы услышать жалобы и молитвы людей, полновластный владыка вселенной не

нуждается в этих органах.

За крепостной стеной, посреди священной рощи, располагалось прекрасное здание. Портик с двадцатью колоннами из восточного гранита вел к изукрашенным богатой отделкой бронзовым воротам, возле которых возвышались два изваяния, олицетворявших Истину и Правосудие.

За воротами храма открывался широкий перистиль, окруженный колоннами из порфира и нумидийского мрамора.

На расстоянии один от другого здесь расположились многочисленные алтари, посвященные небесным богам, а между колоннами стояли статуи земных божеств. Крышу колоннады снаружи покрывали серебряные пластины, а изнутри потолок украшали изображения героев, удостоенных обожествления.

Виетрикс вошел в храм. Тишина и величие этого места внушили ему страх и почтение. По примеру находившихся здесь критян, чтобы не оскорблять их чувства, он сделал вид, что исполнен религиозного благоговения.

Затем он осмотрел шедевры, прославившие на весь свет это необычайное место. Благородство и выразительность статуй поразили его больше, нежели роскошь и пышность алтарей. Будучи уже осведомлен по части греческой мифологии, он без труда узнал все божества и сюжеты, изображенные в представших перед его взором аллегорических фигурах.

Он обратил внимание на то, что каждое божество держит в руке золотую табличку. На этих табличках были выгравированы законы Миноса и ответы, данные оракулами этому владыке и законодателю, когда он вопрошал их о природе богов или о порядке отправления культа.

Особенно поразили Виетрикса слова, выгравированные на одной из табличек: «Я даю существование, жизнь и движение всем созданиям; никто не может познать меня, кроме того, кто хочет быть таким, как я».

* * *

Виетрикс узнал, что знаменитый философ Пифагор находится сейчас на острове, и, будучи наслышан о его обходительности с чужеземцами, от лица жаждущего знаний молодого жителя Галлии попросил о встрече. Согласие было получено без труда.

Тем временем в порту происходили удивительные события. Канабаль стал притеснять экипажи, пользуясь своей неограниченной властью. Особенно он налегал на торговцев

рабынями, чтобы добиться утоления своих страстей. В этом отношении остров Крит и впрямь был весьма беден на предложения, по крайней мере, для путешественников. В здешнем порту, как, впрочем, и в большинстве остальных портов, торговали весьма низкопробной любовью.

Проститутками здесь были зрелые потасканные бабенки, общедоступные и начисто лишенные фантазии. Увы, Виетрикс имел случай убедиться в этом. Поэтому он не был огорчен, узнав, что работорговцы в конечном счете согласились продать некоторых девушек навсегда или на пару недель в зависимости от цены, которую готов был заплатить покупатель.

— Так что, — сказал Виетрикс торговцу Аарону, — приведешь ко мне одну из этих девиц. Ту смуглянку, ставшую невольной причиной купания твоего жирного евнуха на марсельской пристани. Вещи мои в беспорядке, белье заношено и потрепано, давно не чищенные меч и портупея ржавеют. Я не откажусь взять в свою свиту, помимо мужской прислуги, служанку, которая, если придется, сможет быть использована и в ином качестве.

— Но, благородный чужеземец с Севера, может быть, ты предпочтешь какую-нибудь белокожую девушку из твоих мест? У нас есть румяные кимврийки[18] с роскошными прелестями, скифки с твердыми грудями и печальными глазами. Они не могут тебе не понравиться.

— Я буду испытывать неловкость, принуждая девушку расы, близкой к моей, исполнять столь презренную работу. А вот какую-нибудь чернавку…

Аарон был в замешательстве.

— Ладно! Дам тебе девушку из песчаной страны.

— Я хочу смугляночку.

— Видите ли, господин… Капитан Канабаль требует ее себе и, не стану скрывать, похоже, готов отсыпать мне довольно много звонких монет.

— Но этот мешочек, что я ношу на поясе, набит золотым песком!

Глаза еврея загорелись.

— Ладно! Я только что отвел ее к капитану, пусть оценит. Потом приведу к тебе.

Они спустились в каюту, и вскоре жирный евнух пришел туда с маленькой рабыней.

Она разделась, и Виетрикс смог с ног до головы рассмотреть ее тело. Здоровая девочка. Об этом убедительно свидетельствовали ее белые зубы и свежее, без единой морщинки лицо. У нее были тугие смуглые грудки, прямая спина и длинные

тонкие ноги. Аарон обратил внимание галла на ее развитую мускулатуру и легкость движений. Золотисто-коричневый оттенок ее кожи местами переходил в синеватый. Это объяснялось многочисленными татуировками, покрывавшими тело девушки.

— Странный обычай, — заметил Виетрикс.

— Эти узоры нанесли на ее тело жрецы их страны. Мне говорили, что подобные рисунки полагаются только девочкам благородных кровей. Эта — с крайнего юга страны иберов. Думаю, ее украли во время какой-нибудь междоусобицы.

Виетрикс с любопытством осмотрел тело девушки, которую, похоже, немного смущал их торг. От груди до пяток ее кожу покрывали различные изображения: плоды, цветы, человеческие профили. Все вытатуированные лица были обращены к ее гладкому круглому животу. Там, среди изящных виньеток, виднелись три человеческие ноги, ориентированные в одном направлении вокруг центра, расположенного между пупком и девственным бугорком. Да, в свои четырнадцать лет девчушка была девственницей, что особо отметил Аарон.

— Капитан Канабаль захотел взять ее внаем на двенадцать лун за семь талантов и пять сотен сиклей за луну. В итоге мы сговорились на девять талантов за луну, сорок пять из которых — вперед. Я свое слово сказал, но если ты хочешь взять ее у меня…

— Больше трехсот талантов не дам.

— Три сотни талантов! Да ты шутишь, господин! Где ты найдешь такую хорошенькую покладистую и пригодную к работе рабыню? Ни капли лишнего веса, привычка к покорности. Это жемчужина. Я не могу отдать ее меньше, чем за пять сотен талантов.

В конце концов они сошлись на трехстах семидесяти пяти талантах, из которых половина должна быть уплачена немедленно, а остальное — по прибытии в Тир. Договор по всей форме был составлен на египетском папирусе.

— Капитан не захотел сразу подписать договор, тем хуже для него!

Золотой песок взвесили на маленьких весах, которые Аарон всегда имел при себе. Однако сейчас у Виетрикса не было времени заняться своей рабыней. Солнце уже стояло в зените, и ему следовало поспешить в Кносс — как раз сегодня после полудня у него была назначена встреча с Пифагором.

«Полагаю, я только что дал маху», — подумал Виетрикс.

Оседлав коня, он спешно тронулся в путь.

Глава IV
КОРОТКИЙ РАЗГОВОР С ПИФАГОРОМ

Вавилонская дорога. — Научное толкование свастики. — Воспитание юношей и девушек. — Золотой век. — Как родились целомудрие и сладострастие. — В Лабиринте. — Предательство Канабаля.

Философ оказал молодому путешественнику сердечный прием.

— В прохладной тени этой священной рощи мы сможем спокойно побеседовать, — молвил он, — а потом отправимся в Лабиринт, честь посещения которого я с превеликим удовольствием разделю с вами.

— Оказавшись здесь, на этих благословенных греческих островах, я просто не мог не искать встречи со знаменитым ученым и философом, слава о котором докатилась и до моей далекой деревни.

— Безусловно, жители Крита, наших лакедемонских, коринфских, афинских и прочих провинций, являют миру пример едва ли не совершенного общественного устройства и весьма высоких духовных запросов. Однако — увы! Мудрость философов уже подвержена здесь суровым испытаниям. Поэтому я советую вам, юный чужестранец, проследовать еще дальше на Восток. Если вы жаждете узнать мир, спешите углубиться в песчаные, выжженные солнцем края, что расположены за царством финикийцев. Торопитесь, ибо оракулы дали нам знать, что разрушение великих городов Халдеи и Ассирии близко. Из центра Азии и с равнин, находящихся на севере Греции, придут захватчики, которые превратят страну великого Вавилона в пустыню.

— Вавилона?

— Именно там сейчас сосредоточена деятельность мира. Другие страны — всего лишь земли художников, воинов или купцов. Идите в Вавилон и, пока он еще не повержен, вы познакомитесь с роскошными, величайшими чудесами, созданными руками человека. А потом вы сможете вернуться к нам, чтобы обсуждать с мыслителями и остроумными риторами достоинства человека и его тщеславие.

* * *

— Увы, великий философ, один жрец из священной рощи на моей родине предсказал, что я обрету покой и душевное равновесие…

— Да, знание превыше всего, дитя мое…

— …только когда повстречаю ту, что рождена под знаком, который я сейчас начерчу на песке, знаком, который вы, разумеется, знаете.

И Виетрикс изобразил свастику.

После короткого размышления Пифагор сообщил:

— Могу сказать без ложной скромности, что я до пределов возможного преуспел в науке, изучающей соотношение линий и углов. Такая компоновка углов и линий, в том виде, в котором вы ее изобразили, относится, думается мне, как раз к этой науке. В сочетании этих прямых линий я вижу немалое число прекрасных теорем. И все же символический смысл этого знака, пожалуй, не открылся мне с первого взгляда. Но я полагаю, что в восточных краях, где туманные науки толкований символов, столь далекие от нашего ясного греческого духа, всегда имели успех, вы точно найдете решение. Моя же собственная трактовка…

— Говорите же, учитель, прошу вас. Я — можно сказать, религиозно — разделяю ваш восторг при виде этого креста, но с некоторых пор он постоянно тревожит мои сон. Говорите же, прошу вас…

— Нет, моя собственная трактовка не может сравниться с той, которую, уверен, дадут вам халдейские и индийские волхвы. Уж они-то без труда укажут вам женщину…

— По крайней мере, она ли, как уверял меня друид, предвестник счастья?

— Поэты, чувствительные к далекой и таинственной красоте знака, могли бы наплести здесь многословные рулады. Свастика схожего вида, кстати, имеет отношение к культу некоторых наших божеств… Для меня, скажу вам честно, высшим законом мироздания является чистая геометрия. И здесь, в этом знаке, присутствует, как мне кажется, сама суть геометрии. Полагаю, дитя мое, что судьба непременно отметит тех, кто будет жить под этим знаком.

* * *

«А старина Пифагор довольно ловок, — подумал Виетрикс. — Да и могу ли я протестовать против его объяснения?»

— Благодарю вас за столь блистательную трактовку, — произнес он вслух. — Значит, следуя вашему совету, я отправлюсь в город Вавилон искать ту, что мне суждена… Однако если я не слишком злоупотребляю вашими познаниями, скажите, почему этот великий город обречен на гибель?

— Кому дано постичь гнев богов? Под этими словами я подразумеваю тайные силы, которые определяют наши судьбы и, прямо скажем, далеки от математической строгости. Однако я полагаю, что народам и цивилизациям, слишком далеко отошедшим от естественной жизни первых людей, суждено сгинуть. Смотрите, здесь, в Греции, прилагаются невероятные усилия к тому, чтобы удержать человеческие страсти в соответствии с природой. Такова цена гармоничного общественного устройства. Чрезмерная утонченность ведет к извращенности, а извращенность — к смерти. Вот почему в Лакедемоне законом предписано, чтобы юноши и девушки нагишом упражнялись в беге и других гимнастических дисциплинах, способствующих тому, чтобы делать их тела красивыми и сильными.

— Подобное зрелище должно производить приятное впечатление.

— Особенно важно, чтобы и те и другие получали более простое представление о любви. Столь же важно помешать этой молодежи проводить время в праздных беседах, к которым мы, греки, столь расположены. Отныне, коли мы не хотим, чтобы нас постигла участь, уготованная, если верить оракулам, могучему Вавилону, нам следует вернуться к природе, к золотому веку.

* * *

— А в каком виде представляется вам этот золотой век, строгий и проницательный философ? В своей стране, у тех, кого вы называете варварами, я, увы, уже довольно сталкивался с неистовыми страстями. А ведь мы у себя в Лютеции не достигли в общественном совершенствовании даже уровня основанного вами Марселя! Мне следовало бы хоть немного знать о том, что такое великая цивилизация и извращенная цивилизация. Соблаговолите же прежде всего поведать мне об этом благословенном времени на земле. Дабы столь неопытный ум, как мой, мог судить об этих вещах более здраво.

Тем временем собеседники вместе с сопровождающими Пифагора учениками прибыли к Лабиринту и углубились в его запутанные ходы. Каждый прислушивался к значительным

словам, слетающим с уст философа, который сейчас, похоже, испытывал поэтическое вдохновение:

— В золотом веке люди жили в полнейшей невинности. Блаженное состояние людей на земле было схоже с пребыванием героев на елисейских полях. Они не знали ни ненастья, ни битвы стихий; северные ветры не вырвались еще из своих глубоких пещер; лишь нежный зефир оживлял природу своим теплым дыханием. Люди золотого века никогда не ощущали ни летней жары, ни зимней стужи; увенчанная цветами весна сочеталась на земле с осыпанной плодами осенью. Смерть, болезни и преступления не смели приблизиться к этим благословенным местам.

Первые люди, расположившись среди благоуханных рощ, вкушали чистые радости дружбы или, сидя на пиру богов, насыщались нектаром и амброзией. Порой Зевс в сопровождении других богов запрягал свою колесницу и катал их над небесами: там души видели истину, справедливость и мудрость в их первоначальном виде. Там глазами чистого разума наблюдали они первичную сущность, которой Зевс и другие боги являются лишь лучами. Они напитывались этим зрелищем до того, что, не в силах более вытерпеть сияния, спешили спуститься в свою привычную обитель.

Тогда боги посещали сады Гесперид и получали удовольствие от бесед с людьми. Боги любили пастушек, а богини не отвергали любви пастушков. Грации повсюду сопровождали их, и грации эти были сама добродетель. Но, увы, золотой век оказался недолог.

Однажды люди не последовали за облачной колесницей Зевса. Они остались на поле Гекаты, опились нектаром, утратили склонность к чистой истине и отделили любовь к удовольствиям от любви к порядку. Пастушки заглядывались на свое отражение в источниках и превратились в поклонниц собственной красоты; теперь каждая была занята лишь собой. Они рассматривали в хрустальной воде источников свои белые бедра, искали на лугу углубления под свои зады, млея от неги, охватывали округленными ладонями свои груди. Эти ревнивицы прятали свои прелести под покрывалами. Отныне мужчины при свете дня уже не осмеливались выражать свои сокровенные желания. Смертоносный дух исследования поселился в них. Любовь покинула землю, и вместе с ней исчезли все боги небесные; лесные божества превратились в сатиров, напеи[19] — в вакханок, а наяды — в менад. Добродетели и грации разделились, и ложная любовь к себе, мать всех пороков, породила сладострастие, источник всех бед…

* * *

Пифагор нарисовал пасторальную картину, исполнившую души слушателей невыразимым восхищением. Неожиданно кто-то заметил, что ночь уже покрывает Лабиринт своими тенями…

«Сладострастие — источник всех бед!» — мысленно повторял Виетрикс.

Однако следовало найти выход. Это оказалось не так просто — Лабиринт был построен с дьявольской изобретательностью. Игра в прятки продолжалась допоздна. Пифагор терялся в расчетах, чертя на стенах замысловатые фигуры своим стилом. Наконец Виетрикс определил верное направление и осмелился указать его. Он угадал.

— Вот что вам в ближайшее время больше не удастся, — насмешливо заметил Пифагор. — В любом случае не здесь сможем мы обнаружить людей, способных так запросто чувствовать, как было когда-то. Ах, наши предки из золотого века не напрягали извилин… Как бы то ни было, прощайте. Нашу славную беседу, молодой человек, продолжим позже… Но опасайтесь восточных риторов.

* * *

Неприятный сюрприз ожидал Виетрикса, когда он во весь опор примчался в порт. Пять кораблей снялись с якорей. А ведь отплытие было назначено только на завтра! Справившись в таверне, куда захаживали финикийские матросы, он узнал, что отплытие произошло сразу после полудня.

Так что этот бандит Канабаль хладнокровно бросил его, без предупреждения оставил своего пассажира. А как же маленькая рабыня, которая должна ждать его в каюте, принаряженная, надушенная, доведенная до соблазнительного совершенства усилиями жирного евнуха! Речи Пифагора, конечно, прекрасны, но одного их сладкозвучия недостаточно для молодого парня вроде Виетрикса! Именем всех жестоких богов Галлии и некоторых других стран он проклял предателя-капитана. Да, кстати, а не специально ли тот так поступил? Взять, например, маленькую рабыню…

Да ладно, неважно! Проворонил! А что до женщины… И все же Виетрикс всю ночь испытывал страшную ярость в дурной комнате постоялого двора на улице Конопатчиков…

Глава V
ПОЭТЕССА И ЕЕ РАБЫНЯ

На набережной. — Две дамы из «Возвращения Одиссея». — Женская чета. — Сопфа и Иза. — Плавание. — Любовные стихи. — Нафтали. — Ласки при луне. — Вавилон и мир Востока.

Уже наутро Виетрикс задумался, каким способом добраться до страны финикийцев. У него не было никакого желания оставаться на Крите. Суровые речи Пифагора разочаровали его в представлениях о Греции. Очевидно, для него эта страна была слишком умственной. До того как погрузиться в эту культуру, он хотел бы как следует разобраться в ее основах. Решив не возвращаться к философу, Виетрикс предался более непосредственным и насущным удовольствиям, нежели умозрительные рассуждения.

* * *

Помог случай. В порту у пристани он увидел направлявшуюся в Тир галеру. Виетрикс поинтересовался у капитана о возможности своего путешествия на ее борту.

— Охотно взял бы тебя, — отвечал тот. — Но моя галера нанята до Кипра, куда я должен зайти на некоторое время.

— А кем нанята?

— Двумя дамами. Если ты с ними договоришься, предоставлю в твое распоряжение маленькую каюту. Они заняли большую, а их прислугу я запихал в трюм.

— И где остановились эти дамы?

— В «Возвращении Одиссея». В той превосходной гостинице, которую ты можешь видеть вон там, в конце набережной.

Наконец-то Виетрикс обрел очаровательную компанию, что позволило ему прекрасно провести последние дни на Крите и скоротать долгие часы морского перехода к далекому Кипру, поскольку дамы, путешествующие вдвоем и в принципе независимые от мужчин, с удовольствием откликнулись на его просьбу. Они покинули Афины, чтобы отправиться на Кипр, где смогут спокойно жить, как им нравится. Строгость законодателей сделал жизнь на континенте невыносимой. Они были не против, чтобы их сопровождал надежный спутник, при необходимости способный защитить их, который после прибытия на Кипр без

долгих прощаний продолжит свое путешествие. Последнее было существенно, поскольку всех мужчин они упрекали в том, что те не желают оставлять их в покое, исчезать в нужный момент. А с этим галлом опасаться было нечего.

* * *

Сопфа была крупной девушкой с правильными чертами лица, нежными глазами и светло-каштановыми волосами. В прежние времена в Спарте тело ее, согласно законам Ликурга, было подтянуто и укреплено всеми возможными гимнастическими упражнениями. Однако вялость, присущая натуре этой поэтессы, не замедлила одержать верх над физической дисциплиной. Плоть ее стала пышной, что совсем ей не шло, груди налились, ее мощный белый зад удобно покоился среди беспорядка диванных подушек.

— Твой философ всего лишь теоретик, как все прочие, — однажды сказала она Виетриксу. — Воспитание по законам природы, обнаженные юноши и мужчины — все это неизбежно приводило к самым плачевным результатам. Золотой век закончился. Сегодня тайна, то есть желание, вызывает любовь. Юношей привлекали не девушки, а другие юноши. А я, к примеру, не люблю никого на свете, кроме моей смуглой рабыни Изы, превратившейся в мою повелительницу.

И она принялась ласкать египтянку, чье поджарое смуглое тело, гибкое и мускулистое, составляло контраст с ее собственным и чьи черные глаза дико и неотрывно смотрели на чужака. Сопфа ласкала ее, как ласкают молодого хищника — словно опасаясь укуса.

— Вижу, вы не скучаете, — заметил Виетрикс. — Ах, холостяцкая жизнь здесь так сложна!

Во время своих первых визитов он попытался было поухаживать за дамами, однако несколько сцен вроде этой отрезвили его. Впрочем, поэтесса Сопфа обладала сострадательной душой и на время путешествия одарила гостя своей служанкой — довольно смазливой девчонкой из горского племени Северной Греции. Виетрикс поспешил воспользоваться этим и переусердствовал — юная Ифигения тотчас безумно влюбилась в своего господина.

* * *

Дни, проведенные в плавании, были полны удовольствий. Под восхитительно голубым небом на горизонте проплывали обрывистые манящие острова; всего однажды земля пропала из виду. По вечерам, собравшись на корме и развалившись на принесенных по указанию Сопфы подушках, они болтали или читали стихи.

Скудный репертуар Виетрикса представлял собой набор религиозных и героических виршей. Он со странным любопытством слушал страстные, обжигающие стихи куртизанки-поэтессы. Сопфа воспевала любовь Изы, ее прелести и трепет их сплетенных тел.

* * *

На третий день на борту корабля сделали необыкновенное открытие. Помощник повара, красивый седобородый старик, присоединившийся к экипажу на Крите, оказался старым евреем, которого злосчастная судьба принудила к столь жалкому способу возвращения на родину. Сопфа была в восторге от знакомства с ним. Она вытащила беднягу из его жалкого камбуза. Впрочем, от этого никто не пострадал, поскольку чрезмерно пряная стряпня старика оказалась довольно тошнотворной. Облачив его в широкий дорожный плащ, поэтесса позволила ему занять место на юте, предназначенном для пассажиров.

Появление четвертого члена в компании обрадовало Виетрикса. Пресытившись своей влюбленной служанкой, под изнуряющей негой летнего неба он испытывал все более острое желание броситься на двоих почти обнаженных и вечно обнимающихся красавиц, которые часами измывались над ним. Броситься на них и при помощи нескольких весомых аргументов заставить их ощутить неоспоримое право самца.

* * *

Когда старик присоединился к их маленькой компании, Виетрикс обрел относительное спокойствие духа. Его собеседнику доставляло большое удовольствие отвечать на вопросы о странах, в которых намеревался побывать галл.

— Участь Египта, Финикии, моей прекрасной Иуцеи нынче тесно связана с Вавилоном. Влияние Вавилона лучами расходится по всему миру. Цари последовали за его триумфальными колесницами. Нечестивец, поклоняющийся Балу, имеет

превосходство над всеми истинно верующими. Может, так проявляется гнев Яхве? Надеюсь…

Виетрикс слушал с большим интересом. Он всегда ценил беседы со стариками. Молодые видят недалеко. Старый Нафтали — таково было имя еврея — пообещал рассказать о некоторых сакральных пророчествах своего народа. Он полагал, что, прежде чем пуститься в долгое путешествие, Виетрикс ознакомился с историей евреев, о которых одни говорили со страхом, другие — с ненавистью. Избранный народ, проклятый народ? По правде говоря, этого никто не знал, история великого Вавилона в конечном счете уже долгие годы была связана с историей колен Иудиных и других восточных народов. Виетрикс это уже слышал. А старик еще раз подтвердил.

Поэтесса Сопфа по обыкновению тоже внимательно прислушивалась. Возможно, из этих эпических повествований ей удастся извлечь плодотворный урок? Впрочем, в тот вечер, лаская лежащую на своем белом животе голову смуглой рабыни, она казалась немного нервной и раздраженной…

Глава VI
НАВУХОДОНОСОР ПРОТИВ ЕВРЕЕВ

Судьбы еврейского народа. — Иерусалим. — Храм. — Первые подвиги Навуходоносора. — Нехао. — Иерусалим под угрозой. — Иеремия и Барух. — Умелые ласки Изы. — Пророчества Иеремии. — Обесчещенный Иерусалим. — Ночь любви и литературы.

— Мне совсем не хочется вспоминать, — начал старик, — каково высокое предназначение еврейского народа, которому Яхве всемогущий при сотворении мира соблаговолил прочертить линию жизни. Увы! Почему он отступился? Я всего лишь хочу сегодня поведать тебе, юный чужеземец, и вам, поэтесса, достойная быть воспетой голосом более красноречивым, чем мой, как этот народ, о традициях и первоначальной истории которого я воздержусь говорить, был в результате долгой войны приведен в рабство и как я оказался в столь затруднительном положении.

Иерусалим, наша столица[20], был расположен на украшенных оливковыми деревьями вершинах Иудейских гор, в древних границах колен Вениаминовых и Иудиных. Ибо некогда были мы разделены на колена. Как сегодня отличить Левитов от Манассеев?

Три прекрасных возвышенности определяли местоположение Иерусалима. Гора Сион, Масличная гора и Храмовая или гора Мориа. Со всех сторон простирались огромные строения. Три крепостных стены окружали наш город. Одна, самая древняя, множество раз укрепленная Давидом, Соломоном и другими царями, казалась незыблемой.

На вершине горы Мориа находился храм, построенный царем Соломоном. Если хочешь иметь представление о его величественности, знай, что центральная часть, святилище, насчитывала шестьдесят локтей в длину с востока на запад, двадцать локтей в ширину и тридцать в высоту. Стена состояла из трех рядов больших камней, над которыми возвышалось некое подобие балюстрады из древесины кедра. Ее поверхность украшал рельефный орнамент из цветов лилии. Семь цепей, окружающих эту поверхность, образовывали нечто вроде решетчатого заграждения. На конце каждого из двух карнизов на цепи висело по сто плодов граната.

Внутри храм был разделен на три части: передняя называлась У\ам, или притвор, следующая — Гехал, или святилище, а задняя — Давир, что есть святая святых. Стены украшали резные панели

из кедра с изображением херувимов, пальмовых ветвей, колоцинтов и распустившихся цветов.

Посреди Улама находился большой бронзовый алтарь.

В Гехале, святилище, перед входом в святая святых возвышался жертвенник воскурения из древесины кедра, покрытый золотыми пластинами, семисвечник и Стол хлебов предложения.

В Давире не было ничего, кроме священного ковчега Завета, по краям крышки которого находились два позолоченных херувима из древесины дикой оливы.

И другие дворцы украшали наш прекрасный Иерусалим. Крепость Сиона, отвоеванная у иевусеев Иоавом, военачальником Давида, и дворец Соломона, прозванный Домом Ливанского леса из-за огромного количества древесины кедра, пошедшей на его строительство.

И все эти величественные постройки, и священный храм Яхве, к несчастью, должны были быть разрушены до основания!

* * *

Юный чужестранец, ты направляешься к великому Вавилону, туда, где стонут в плену мои братья. Есть одно имя, которое скоро заполнит твои уши, ибо это имя известно от берегов Финикии до отдаленных областей Индии. Это имя царя Навуходоносора! Здесь не место рассказывать тебе его необыкновенную историю, хочу только сказать об участии, которое этот грозный владыка принял в разрушении Иерусалима.

* * *

В четвертый год правления нашего царя Иоакима[21], Нехао[22], властитель Египта, покорив последовательно все народы, жившие по эту сторону Евфрата, решил, что может предпринять новую осаду. В то же время Навуходоносор, тогда царевич Вавилона, привлеченный к правлению своим отцом Набопаласаром[23], двинулся в сторону Евфрата и встретился с армией Нехао. Обратив ее в бегство, он потребовал от правителя Египта отказаться от своих притязаний.

Иудейский народ, опасавшийся за собственную безопасность при завоеваниях Нехао, оказался таким образом освобожден от непосредственного врага и приветствовал победу Навуходоносора. Тем не менее он был неспокоен, идя в Халдею.

В год, последовавший за поражением Нехао, Навуходоносор приблизился к границам Египта до Пелусия, завладел Сирией, не касаясь Иудеи, и принудил египтян вернуться в прежние границы. Вот тогда-то Иудея, оставшись в одиночестве против халдейского могущества, задрожала.

* * *

Мы, евреи, не воинственный народ. Мы, поэты и дельцы, не завоеватели, мы покорны завету с Богом. Тогда я был молод, очень молод, но сохранил воспоминания о тех горестных днях. Для избранного народа начинались годы страданий — и с тех пор они так и не закончились.

Мы видели самих пророков, святых, со времен Иияя[24] ведших в шатрах кочевую жизнь, вынужденных искать убежища в Иерусалиме!

Опасность обретала черты неотвратимости, так что в девятом месяце пятого года правления Иоакима был объявлен общий пост, чтобы умолить Яхве защитить народ от халдеев. Предвидя опасности, угрожающие его родине, Иеремия воспользовался этим обстоятельством и настоял, чтобы Барух читал в храме его труды, сочиненные им год назад против распространения халдейского влияния, на которое советники Иоакима, казалось, закрыли глаза. Иеремия и Барух были нашими самыми знаменитыми пророками. Под их пальцами нежно звенела священная поэтическая лира. Эти речи вызвали в народе большое волнение. О том донесли царю, который приказал завладеть свитками Иеремии и прочесть их ему. Это чтение ожесточило государя, и он приказал тотчас сжечь книги пророка, а потом взять под арест Иеремию и Баруха. К счастью, им удалось скрыться!

* * *

— Но скажи мне, благородный старик, — вмешался Виетрикс, — какими же проклятиями осыпал красноречивый пророк Иеремия нравы своего времени?

Казалось, старик был в затруднении.

— Я не ригорист, — наконец промолвил он, — и далек от того, чтобы приписывать вину за длинную череду катастроф, жертвами которых мы стали, некоторым сексуальным излишествам. Напротив, по традиции мы испытываем

религиозное почтение к тем женщинам, которые посвящают себя исключительно любви. Кстати, дамы, прошу извинить меня, если инои раз при чтении этих строф прозвучит какая-нибудь колкость против любовной вольности. Таково мнение пророков, в сущности, лучших сынов земли, а не мое. Возлагаю ответственность на них.

— Вот-вот, малышка Иза, — насмешливо произнесла Сопфа, — стоит прийти какому-то несчастью, и все валят на нас… Впрочем, неважно… По мне, что бы там ни говорили, я всем ворчливым речам предпочитаю кончик твоего языка, ласкающий мои соски… Давай, дорогая, не стесняйся. Разве это не приятное зрелище, молодой человек? А вы, достойный старик, будьте добры продолжать…

Откинувшись на корабельном ящике, Нафтали смотрел в небо. Его взгляд блуждал среди созвездий. Поразмыслив, он с воодушевлением начал:

* * *

— Господь сказал Иеремии[25]: Я поставил тебя ныне укрепленным городом, и железным столбом, и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей. Они будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя; ибо Я с тобой, чтоб избавлять тебя.

Так говорит Господь: Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда страна Израиль была невестою, когда последовала она за Мною в пустыню, в землю незасеянную…

Но нынче страна Израиль сказала: Не хочу быть в рабстве. И сказав это, стала гнуться подобно блуднице. Она склонилась перед храмом всех Ваалов. Они, цари их, князья их, и священники их, и пророки их, они говорят дереву: «ты мой отец», и камню: «ты родил меня».

Зачем же народ Мой говорит: «мы сами себе господа; мы уже не придем к Тебе»?

Забывает ли девица украшение свое и невеста — наряд свой?

Где не блудодействовали с тобой? У дороги сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне, и осквернила землю блудом твоим и лукавством твоим.

Я подарил вам раскаяние; я подарил раскаяние твоему Израилю, подобно тому, как любовник неверной возлюбленной.

Я говорил вам: возвратитесь, мятежные дети. Поклянитесь: «жив Господь!»

Распашите себе новые нивы и не сейте между тернами. Скажите так, мужи Иуды и жители Иерусалима. Скажите так, чтобы гнев Мой не открылся, как огонь, и не воспылал неугасимо по причине злых наклонностей ваших.

* * *

Так говорил старик. И в ночной тьме его голос казался гласом небес. Виетрикс наслаждался очарованием этой высокой священной поэзии. Обе женщины слушали неподвижно — великие слова оказали на них свое действие. Даже юная египтянка, которая, казалось, ничего не понимала в речах старика, сосредоточенно и почтительно села рядом со своей распростершейся на подушках госпожой.

* * *

— И вот как были предсказаны пророком вторжения вавилонских царей и приход грозного Навуходоносора:

Я приведу от севера бедствие и великую гибель, — говорит Господь. — Выходит лев из своей чащи, и выступает истребитель народов: города твои будут разорены, останутся без жителей. Препояшьтесь мешковиной, плачьте и рыдайте.

Скорбь моя! скорбь моя! скорблю во глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое, не могу молчать; ибо ты слышишь, душа моя, звук трубы. Долго ли мне слушать этот звук?

А ты, опустошенная, что станешь делать? Хотя ты одеваешься в пурпур, хотя украшаешь себя золотыми нарядами, обрисовываешь глаза твои красками, но напрасно украшаешь себя: презрели тебя любовники, они ищут души твоей.

Ибо Я слышу голос как бы женщины в родах, стон как бы рождающей в первый раз, голос дочери Сиона; она стонет, простирая руки свои: «о, горе мне! душа моя изнывает перед убийцами».

Вот, Я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит.

Колчан его — как открытый гроб; все они люди храбрые.

И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься.

И тогда вы Меня убоитесь, говорит Господь, передо Мной вострепещете. Я положил песок границею морю, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут.

И развею вас, как прах, разносимый ветром пустынным.

Вот жребий твой, отмеренная тебе от Меня часть, говорит Господь, потому что ты забыла Меня и надеялась на ложь.

За то будет поднят подол твой на лицо твое, чтобы открылся срам твой.

Видел Я прелюбодейство твое и неистовые похотения твои, твои непотребства и твои мерзости на холмах в поле. Горе тебе, Иерусалим!

* * *

Нафтали умолк. Давно наступила ночь. В первых отблесках рассвета уже тускнели звезды. Все разошлись по своим каютам.

Виетрикс рассчитывал, что найдет у себя в пристанище юную Ифигению. И был разочарован, узнав, что она ушла в носовую часть к другим рабыням. Ничто, кроме любви, не могло сравниться с тем возбуждением чувств, которое он испытывал. Галл уже затворял дверь каюты, когда его окликнули. Это была Сопфа.

— Верно говорил старик, — прошептала она ему на ухо. — Его рассказы вселили страх в мою душу. Ах, сколь ничтожно человечество перед великими силами природы. И сколь слаба я, женщина. Иди ко мне, Иза дремлет, утомленная нашей любовью и негой восточной ночи. Иди ко мне, нынче вечером я нуждаюсь в крепком мужском объятии. Рядом с тобой я позабуду о том, что другие властители ревниво следят за моей судьбой.

Не заставляя себя уговаривать, Виетрикс последовал за ней.

«Литература! — размышлял он тем временем. — Это всего лишь литература. Зачем она удалила рабыню?»

Глава VII
ЗАВОЕВАНИЯ ВАВИЛОНА

Сладостные тайны греческих женщин. — Печаль Изы. — Возвращение Навуходоносора. — Бунт Седекии. — Совет прорицателей. — Пророчество против Тира. — Куртизанки в смятении. — Нечестивые девы. — Влюбленная в пророка. — Гнев Иеремии. — Наказание рабыни Изы. — Запутанная ночь любви.

На следующий вечер Нафтали продолжил рассказ. Виетрикс отменно провел день. Его тело и душа с благодарностью вспоминали страстные ласки Сопфы, ибо поэтесса была прекрасно осведомлена обо всех тонкостях наслаждений. Она открыла ему возбуждающие секреты, магические средства, продлевающие и разнообразящие любовные утехи. У Виетрикса сложилось впечатление, что истинной причиной гомосексуальных наклонностей горделивой Сопфы стало какое-то помрачение рассудка. Она, подобно девственнице, многие месяцы терзаемой желанием, всецело отдалась ему. Однако просила его ни в коем случае не разглашать их тайны. Судя по всему, она дорожила своей сомнительной репутацией.

* * *

Нафтали продолжил рассказ. Сопфа обрядилась в прозрачную, расшитую золотыми звездами, дорийскую тунику. Иза, по своему обыкновению, была почти обнаженной. Она надела на себя лишь украшения из редких драгоценных камней, а на ее щиколотках и запястьях звенели широкие золотые браслеты со змеиными головами. В этот вечер ее глаза выражали боль. Она переводила полный тревоги и растерянности взгляд со своей госпожи на Виетрикса, а те были озабочены лишь тем, как бы поудобнее устроиться среди подушек.

* * *

— И правда, — начал Нафтали, — все так и произошло. Навуходоносор, однажды уже являвшийся в Иудею, два года спустя возвратился туда во главе сильной армии. Воистину это была армия полумира! Помимо своего ядра, халдейских и

вавилонских пехотинцев, в ней были отряды скифской и мидийской конницы и даже греческие гоплиты[26]. Наемники со всех концов света спешили на службу великому Вавилону.

Иоаким, уже отдавший царю часть сокровищ храма, приготовился оказать сопротивление всеми средствами. Однако вскоре, сраженный болезнью, упокоился рядом со своими предками.

Его сыну Иехонии[27] было всего восемнадцать лет. Он сделал лишь единственную попытку оказать сопротивление. После чего в один прекрасный день вышел за крепостные ворота вместе со своей матерью Нехуштой, военачальниками, советниками и евнухами и простерся ниц перед грозным царем. Из политических соображений Навуходоносор проявил определенное великодушие, просто сослав весь мятежный двор в Вавилон. За ними последовало более трех тысяч человек из лучших ремесленников и мастеров — выбирались наиболее опытные специалисты. Но духовенство и остальной народ остались в Иерусалиме.

Я сопровождал пленных. Этой печальной привилегией я обязан своей славе книжника и репутации кладезя знаний. Позже я с поручением вернулся в Иерусалим, где водворился последний сын Иосии[28], взявший имя Седекии[29]. Я, как пророк Даниил и другие ему подобные, мог бы получить самое высокое покровительство. Но моя душа совершенно не создана для сделок с совестью. Я полагал, что определенные уступки — это предательство. Скитаясь в изгнании, я побывал во многих странах. И нынче возвращаюсь в Израиль, чтобы кости мои не истлели в чужой земле!

* * *

Однако вернемся к повествованию о скорбных событиях, которым предстояло привести к истреблению колена Иудина и триумфу Вавилона.

Седекия, мудро правивший в течение восьми лет, послушался совета тех, кто хотел восстановить независимость Израиля. Посланцы Тира и Египта интриговали при его дворе. В то время шел яростный спор между сторонниками мира, во главе которых стоял Иеремия, призывавший к спокойствию и сохранению народа, и сторонниками войны, требовавшими незамедлительных действий.

Седекия долго колебался, но в конце концов все же склонился к бунту.

Этот союз, заключенный с Тиром и аммонитянами, с одной

стороны, и Египтом — с другой, был безумием. Навуходоносор не относился к числу тех правителей, что находят забвения в прелестях гарема. Но на кого прежде всего ему следовало напасть? Находившийся тогда в изгнании Иезекииль рассказал мне, какие сомнения вавилонский царь испытывал по пути.

На распутье Навуходоносор остановился. Смешав в воздухе стрелы предвидения, он обратился к терафимам[30], долго рассматривал печень жертвенных животных и рассудил, что, поскольку Иуда находится в центре, он сразу покончит с союзом, атаковав прежде всего этого противника. Именно в его сторону он направит свой главный удар.

Скажу тебе лишь одно слово о том самом Тире, куда ты вскоре прибудешь, и упадок которого наш пророк Иезекииль очень давно предсказал в волшебных стихах:

* * *

О Тир, поселившийся на выступах в море[31], торгующий с народами на многих островах, ты, совершенство красоты!

Строители твои из Сенирских кипарисов устроили все помосты твои; брали с Ливана кедр, чтобы сделать на тебе мачты; из дубов Васанских делали весла твои; скамьи твои делали из букового дерева, с оправой из слоновой кости с островов Киттимских; узорчатые полотна из Египта употреблялись на паруса твои и служили флагом; ты торговал со всем миром; ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты.

Ты находился в Эдеме, в саду Божьем; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе, приготовлено было в день сотворения твоего.

От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою.

Я приведу против Тира от севера Навуходоносора, царя Вавилонского, царя царей, с конями и с колесницами, и со всадниками, и с войском, и с многочисленным народом.

Дочерей твоих на земле он побьет мечом и устроит против тебя осадные башни, и насыплет против тебя вал, и поставит против тебя щиты; и к стенам твоим придвинет стенобитные машины и башни твои разрушит секирами своими.

От множества коней его покроет тебя пыль, от шума всадников и колес и колесниц потрясутся стены твои, когда он будет входить в ворота твои, как входят в разбитый город.

Копытами коней своих он истопчет все улицы твои, народ твой побьет мечом и памятники могущества твоего повергнет на землю.

И разграбят богатство твое, и расхитят товары твои, и разрушат стены твои, и разобьют красивые дома твои, и камни твои, и деревья твои, и землю твою бросят в воду.

И прекращу шум песен твоих, и звук цитр твоих уже не будет слышен.

И сделаю тебя голой скалой, будешь местом для расстилания сетей.

* * *

Так говорил Иезекииль Тиру. Мы позабыли эти мудрые слова и позволили себе заключить союз против божественной воли. Ноя продолжаю свой рассказ.

Итак, главные силы были брошены против заносчивого Седекии. Сначала были сожжены свободные города и села, филистимляне и идумеи сеяли страх повсюду. С мужчинами расправились при помощи оружия, женщины были отданы солдатам. Военачальники требовали себе иудейских дев.

Тем временем из Египта на помощь нам пришел Априй[32]. Нападавшие осаждали город, но тут халдей внезапно отступил. Решили было, что он ушел окончательно, и в городе распространилось ликование. Лишь Иеремия не поверил в спасение: «Пришедшая вам на помощь армия фараона вернется к себе в Египет», — повторял он.

И действительно, Априй повернул назад, и Иерусалим вновь был осажден.

Мы не получили помощи, падение Иерусалима было делом нескольких дней. Священники призывали к терпению, под сводами храма раздавались долгие стенания. Безумием было бы рассчитывать на милосердие победителей. Страсти обострились и усилились. Вокруг домов терпимости толпились мужчины. Наши знатные куртизанки не знали отбоя от клиентов.

Смерть была рядом, однако мало кого это заботило. Всех охватило торопливое желание наслаждений. Люди, еще недавно проявлявшие уравновешенность, достоинство, осмотрительность, предавались самой постыдной распущенности. Не хватало еды и воды, однако у богачей тайно проводились оргии. Супруги, соединенные узами многолетних браков, расставались. Исчезла стыдливость. Можно было видеть девственниц, отдающихся прохожим. Молитвы одних едва могли искупить бесчинства

других.

Сила и красота торжествовали и соблазняли. Несмотря на суровые меры, законы больше не соблюдались. Что же до денег, то — увы и ах! — ростовщики, обраставшие добром долгие годы, личным примером подтверждали тщетность своих накоплений. Никто даже не помышлял ограбить их. Смерть была близко: пища доставалась самым сильным, любовь — самым красивым.

Иеремия, чье положение среди предводителей народа было весьма непростым и которого пугала воцарившаяся повсеместно распущенность, с наступлением краткого перемирия пытался бежать, чтобы присоединиться к своему родному колену Вениаминову. Но был задержан в воротах и обвинен в предательстве. Брошенный в темницу он подвергся истязаниям. Царь, в конце концов поверивший ему, тем не менее не осмелился его освободить. Его поместили в подземелье дворца, служившее тюрьмой, и давали ему всего один маленький хлебец в день. Место было общедоступным — любой желающий мог беседовать с узниками. Пророк и там не прекратил наставлять и призывать народ к покаянию:

Так говорит Господь: кто останется в этом городе, умрет от меча, голода и моровой язвы; а кто выйдет к Халдеям, будет жив, и душа его будет ему вместо добычи, и он останется жив.

Советники, полководцы и прочие, кого смущал этот призыв, сетовали: «Пусть он умрет, — говорили они, — ибо своими словами он делает трусливыми руки воинов и народ». В конце концов царь отдал пророка во власть его обвинителей. Те содрали с него одежды, выставив на посмешище мужчинам и девушкам, после чего погрузили в илистый водоем.

Но одна женщина была влюблена в пророка. Она не привлекала его внимания своим кокетством и не давала ему обычных в таких случаях обещаний — пожилого человека подобным не соблазнишь. Но, отдавшись военачальнику, она узнала от него, где находится этот водоем. Под страхом смерти она приказала одному из своих евнухов отправиться туда. Все происходило в пустынной местности недалеко от укреплений, где некогда становились лагерем показывающие фокусы и торгующие безделушками кочевники.

Евнух направился к водоему. По счастливой случайности все стражники были вызваны на позиции, чтобы отразить атаку стенобитной машины, предпринятую Навуходоносором. Евнух окликнул пророка. Сначала тот заставил уговаривать себя, но в конце концов последовал за ним. Он должен был продолжить свою миссию.

Влюбленная в него женщина встретила старика и одела в

прекрасную тунику. Спустя несколько дней, ко всеобщему изумлению, он вновь появился на площади и с новой силой продолжил свои обличения. Люди поверили в божественное вмешательство, и пророка на время оставили в покое.

Царь даже тайно призвал его, чтобы порасспросить. Но не сумел вытянуть из него ничего, кроме угроз:

«Если ты добровольно покоришься и выйдешь к князьям царя вавилонского, то жива будет душа твоя и этот город не будет сожжен огнем, и ты будешь жив и дом твой; а если не выйдешь к воеводам царя вавилонского, то этот город будет предан в руки халдеев, и сожгут его огнем, и ты не избежишь от рук их».

Седекия ничего иного и не желал, кроме как последовать этому мудрому совету, но отступать уже было слишком поздно. Пришел голод, нигде не было хлеба…

Сегодня вечером я заканчиваю свой рассказ. Завтра вы узнаете, какая страшная кара должна была обрушиться на Израиль.

* * *

И старик, опередив Виетрикса, отправился на свое ложе. Затем спустились Сопфа и Иза. Однако поэтесса бросила в сторону галла заговорщицкий взгляд, так что тот остался на кормовом баке, вдыхая наполненный ароматами земли ветерок, — галера двигалась вдоль берегов.

Однако Сопфа все не возвращалась, и Виетрикс решил спуститься. Когда он проходил мимо большой каюты, ему показалось, будто он услышал стоны. Не больна ли одна из дам? Он тихонько постучал.

Открыла Сопфа.

— А, это ты, — сказала она. — Представь, эта ревнивица надумала упрекать меня. И я сама отхлестала ее до крови. Целуй мне руки, Иза.

Еще несколько дней назад такая гордая, маленькая египтянка, которой, казалось, Сопфа готова беспрекословно подчиняться, дрожа, приблизилась к госпоже.

— Прости меня, Сопфа, — проговорила она, — прости меня, ибо теперь я люблю тебя больше, чем прежде.

Ее прелестное коричневое тело было все в кровоподтеках от ударов тонким ремешком Сопфы.

— Ах, так ты любишь меня и совсем не любишь мужчин! Ладно! Значит, будешь страдать еще. Чужеземец, возьми ее, я хочу, чтобы ты взял ее у меня на глазах.

Глава VIII
ЖЕСТОКОСТЬ И ТРИУМФ ВАВИЛОНА

Назавтра после любви. — Иерусалим, взятый Навуходоносором. — Кары. — Осквернённая и посаженная на кол девственница. — Унижение Седекии. — Его пытка. — Разрушение Иерусалима. — Гордость Иуды. — Тир низвергнутый. — История Априя и Яхмоса. — Полная победа Вавилона.

Хотя нервы столь возбудимого человека, как Виетрикс, были не в идеальном состоянии, он все же считал себя крепким парнем.

Так что он был удивлен, ощутив наутро ломоту в теле. Виетрикс не счел необходимым отказывать дамам в повторных любезностях, о которых они просили, поскольку все очень быстро уладилось полюбовно, как можно было заранее предположить. Иза — маленькая рабыня, с детства привыкшая угождать любым мужским желаниям, — превосходила в этом свою госпожу. Помимо любовной науки, во всем остальном она пребывала в полном неведении. Однако по этой части она была на высоте.

«Подумать только, а ведь в Лютеции я слыл распутником!» — подумал Виетрикс.

* * *

Вечер прошел наилучшим образом. Назавтра ожидалось прибытие на Кипр. Впрочем, взоры троих любовников омрачало облачко меланхолии. Но расставание было неизбежно.

— Осада Иерусалима, — по просьбе всего общества продолжил Нафтали, — длилась не менее полутора лет. Не стану огорчать вас рассказом о наших моральных, а главное, материальных невзгодах за эти нескончаемые месяцы.

Самые прекрасные наши куртизанки, некогда требовательные и гордые, отдавались за кусок хлеба. Но ни один мужчина не стал бы выбирать между великолепным телом и пшеницей. Полагаю, я по собственному опыту имею право сказать, не оскорбляя вас, знаменитая поэтесса, что голод в подобном случае непременно победит любовь.

Гений войны множил свои труды. Из Вавилона прибыли и присоединились к осаждающей Иерусалим армии механики и строители, привыкшие мощными сооружениями противостоять разливам Евфрата. Они соорудили гигантские стенобитные

машины, которым не могли причинить вред наши камни и стрелы.

И вот однажды ночью раздался глухой грохот. Горожане в испуге задрожали. Обрушилась большая часть стены! Это было, если мне не изменяет память, в одиннадцатый год, одиннадцатый месяц и четвертый день правления Се-декии.

Через образовавшийся пролом в город ворвалась халдейская армия. Собрав остатки своих солдат, Седекия принял решение расчистить себе путь за реку Иордан. Под покровом ночи он бежал через потайной ход, расположенный против Силоамской купели[33]. Однако там он наткнулся на халдейских солдат. Они захватили его в плен и привели в Ривлу[34], где Навуходоносор терпеливо ожидал исхода штурма. И начались муки, воспоминания о которых до сих пор вызывают во мне дрожь.

Повсюду были воткнуты колы. На них тысячами сажали солдат. Женщины, отказывавшиеся отдаваться добровольно, тоже подвергались этой пытке. Помню одну девушку, остававшуюся нетронутой, хотя столькие ее подруги, поспешившие в случайные объятия, лишились невинности! Это было прелестное дитя, возросшее под сенью храма. Царь в течение многих дней купал ее в благовониях. Потом велел привести к себе и взял силой. Потом настал черед его военачальников, потом сотников. Затем, обнаженную, ее выставили вон и отдали солдатам, заслужившим награду от своих командиров. Я и сегодня вижу ее прекрасное тело, сжавшееся от боли и стыда. Изнасилованная вавилонскими солдатами и превратившаяся в кусок безжизненной и бесполезной плоти, она была посажена на кол. Но — чудовищная мерзость! — по преступной изощренности ни один из них, от Навуходоносора до последнего лучника, не овладел ею естественным путем! Ах, да падет Божье возмездие на этот развратный и проклятый народ!

* * *

С самых благородных узников и сыновей Седекии заживо содрали кожу, после чего закололи на глазах их отцов. Сам царь не был удостоен смерти. Ему, вопреки обыкновению, не вырвали язык, а лишь пронзили его, после чего он предстал перед победителем. Навуходоносор заставил своего врага опуститься перед ним на колени. Его лицо светилось злорадством. Подрагивание его рук, нервная судорога, искажавшая рот, свидетельствовали о том, что он сполна наслаждается своей местью. Его взгляд был взглядом хищника, готового утолить свой

голод.

Ночные хищники — вот какое впечатление всегда производили на меня эти люди из Вавилона. Они испытывают удовольствие, более того — испытывают сладострастие от своей жестокости. Говорят, в давние времена мы могли принадлежать к общим корням. Действительно, за время рабства наши мудрецы обнаружили в халдейском царстве большое количество легенд, напоминающих истории из наших священных книг — о потопе, Вавилонской башне, Моисее…

Однако я не думаю, что наши внутренние устремления схожи. Еврейский народ спокоен, эти же шумливы, наша религия пронизана духовностью, вера этих людей пустыни материальна и груба…

Так вот, Седекия преклонил колени перед царем. Тот в левой руке держал цепочку, продернутую в золотое кольцо, которое было вставлено в язык нашего злосчастного повелителя. Тут Навуходоносор взял из рук палача вилы. Ему хотелось палачествовать самому. Оба острия вил были докрасна раскалены на огне.

— Седикия, — обратился он к пленнику, — я возвел тебя на трон. Ты восстал против меня. Ты не захотел слушать голос пророков, пытавшихся остановить тебя в твоей безумной затее. Я вывел тебя к сиянию света; так пусть же отныне вокруг тебя пребудет полная тьма!

С этими словами Навуходоносор с мастерской точностью вонзил в глаза Седекии два раскаленных острия. Послышался хриплый стон, ибо говорить Седекия не мог. Наш повелитель, более несчастный, чем Иоаким, теперь был еще и слеп!

* * *

Что же касается города, то было решено подвергнуть его разрушению и сожжению. Но не отдавать на растерзание озверевшим солдатам. Приказ исполнил один из знатных царских военачальников — Навузардан[35]. С храма были ободраны его бесценные украшения, колонны и прекрасные изделия из бронзы времен царя Соломона разбиты, а обломки упакованы в мешки для отправки в Халдею. И наконец снесены стены. Каменные блоки скатились с холма в русло Кедрона.

Оставшиеся священники, книжники, люди высшего общества вынуждены были отправиться в изгнание. По дороге люди умирали один за другим, и вскоре в обозе осталось не более восьмисот человек! Жителей предместий пощадили. Им отдали

земли изгнанников.

* * *

Но предел нашим мучениям еще не пришел. Среди этих несчастных начались разногласия. Иеремии и Баруху пришлось бежать в Египет. Иезекииль осыпал проклятиями последних обитателей руин:

«Так говорит Господь Бог: те, которые на местах разоренных, падут от меча; а кто в поле, того отдам зверям на съедение; а которые в укреплениях и пещерах, те умрут от моровой язвы».

Как же велика была гордыня Израиля! Так Иерусалим был разрушен, предан разграблению, так царство земное иудейское было разгромлено. То, что еще оставалось чистого, благородного от народа, стенало в рабстве в Вавилоне. Вы сможете их там увидеть, молодой человек.

Пророки торжествовали. Беды, которые они предвещали, обрушились на народ. И все же в сердцах людей сохранялось неверие.

«Напрасно ты говоришь нам от имени Яхве, — говорили Иеремии бежавшие в Египет. — Мы больше не станем тебя слушать. Мы будем продолжать воскурять фимиам царице небесной, совершать в ее честь жертвенные возлияния!»

* * *

— А какова была судьба ваших союзников, этого Тира, где я скоро высажусь? — спросил Виетрикс старика, удрученного своими горестными воспоминаниями.

— Осажденный Тир долго сопротивлялся. Минуло тринадцать лет, прежде чем в Финикии утвердилась власть Навуходоносора. Итобал Третий правил там под вавилонским покровительством.

Войны с Египтом были продолжительными. Против египетского флота Навуходоносор использовал тирский флот. Однако вавилонский царь не сломил бы египетского сопротивления, если бы в стране не разразилась гражданская война.

Один из военачальников Априя, Яхмос, постепенно приобрел большую популярность в войсках. Добрый товарищ, любитель вина, острослов, — он сумел привлечь к себе симпатию многих. Априй сам способствовал росту его влияния. Почему? В день

рождения фараона Яхмос преподнес ему в дар великолепный венок из цветов. Я склонен полагать, что этот Яхмос, прекрасный, юный, женственный, известный своими оргиями, не пренебрег ухаживаниями Априя. Продавшись царю, он не замедлил предать его.

Однажды во время праздника какой-то солдат надел ему на голову высокий парик фараона. Априй пришел в ярость. Но было уже слишком поздно!

Отряды Априя и Яхмоса вступили в жестокий бой, и узурпатор одержал победу. Априй был отдан черни Саи-са, разодравшей его тело в клочья.

Яхмос узаконил свою царскую власть путем династических браков. На севере Египта он женился на принцессах из сансского рода, а на юге — взял в жены приемную дочь царицы — принцессу по имени Анхнаснофирибри.

— Вот вам, — заметила поэтесса, — великолепный аргумент в пользу полигамии. Нас обвиняют в использовании наших прелестей для достижения цели, а между тем, мне кажется, этот парень не брезговал никакими средствами, чтобы добиться своего высокого положения. На эту тему я сочиню стихотворение в защиту женщин!

— Интригам Яхмоса не суждено было вечно быть успешными. Навуходоносор, а именно о нем я хотел рассказать, в тридцать седьмом году своего царствования оставил Вавилон и отправился в Египет. Яхмос потерпел поражение и вынужден был принять более скромные обязанности сатрапа.

Я рассказал вам все это, чтобы обрисовать огромные завоевания Халдеи в течение пятидесяти лет. Финикия, Египет, Иудея, как я вам уже сказал, сегодня не более чем ее вассалы.

Да, Вавилон, опьяненный победами, набитый золотом и трофеями, переполненный всевозможной роскошью, распространяет свое влияние на царства и моря.

Глава IX
В ФИНИКИИ

Сопфа и свастика. — Гомосексуальные нравы. — Двойное расставание. — Кипр, страна свободной любви. — Прибытие в Тир. — Торговый город. — Человеческие жертвоприношения. — В поисках рабыни. — Бесплодные экспедиции. — В сторону Вавилона.

— О, госпожа моя, — сказал Виетрикс Сопфе, — взгляни на этот символ, который некоторые именуют свастикой. Ты училась по древним книгам, тебя просвещали речи афинских мудрецов, ты сама обладаешь тем чудесным даром проницательности, который называют поэзией. Каково значение этого символа? Я с тревогой ожидаю твоего мнения. Там, где я обнаружу точное его отображение, мне следует прекратить мои странствия.

Сопфа задумалась. Потом лицо ее осветила улыбка.

— Этот знак, — проговорила она, — имеет отношение к любви, которую я бы определила как бесплодную, любви, которая ничего не порождает. Не отображает ли он в точности два человеческих существа в сладострастном слиянии, которое в эти две последние ночи тебе довелось познать. Этот знак есть непристойный символ. По точной симметрии двух ломаных линий, безусловно, изображающих коленопреклоненные тела с вытянутыми вперед руками, я к тому же полагаю, что речь идет о соитии между людьми одного пола, то есть между мужчинами.

И Сопфа расхохоталась во весь голос.

— Если это твой знак, будь уверен, во всех краях, омываемых этим морем, ты найдешь удовлетворение. Я уже говорила тебе, что в Греции сейчас мода на гомосексуальные чувства. Точно так же, как мы с юной Изой составляем чету, мужчины тоже привязываются друг к другу. Время золотого века уже в далеком прошлом!

Поэтесса томно прижималась к молодому галлу.

— Повсюду, говорю тебе, ты сможешь встретить красавчиков, которым доставит удовольствие изобразить этот знак с тобой. Надо признать, ты ладный парень.

— Увы, я вовсе не чувствую тяги к этому роду наслаждений, — отвечал несколько смущенный Виетрикс.

— Как знать? Нет ничего хуже, чем противиться судьбе. А твою я отчетливо различаю. И как бы это ни было мучительно для меня, не стану ей препятствовать. Перед нами Кипр, роскошный Кипр. Здесь людям дозволены любые вольности, а главное,

любовь. Знак, который ведет тебя, в здешних краях найдет для себя точное приложение.

Встревоженный Виетрикс прислушался. В голосе Сопфы зазвучали ласковые нотки.

— К тому же, — продолжала она, — если ты отказываешься от связи с мужчиной, здесь, на хорошенькой вилле, где я живу с Изой, тебя примут с нежным и безграничным гостеприимством.

— Разумеется, я тронут. Но я полагал, что твои принципы…

— Несмотря на занятия физическими упражнениями, мужчины моей страны уже нарушили равновесие между плотью и духом. При помощи искусных ухищрений их тела выглядят довольно крепкими. Однако душа их порочна, объятие всегда корыстно. Несмотря на то что твой дух тоже уже не столь чист, в тебе еще живы непосредственная молодость и сила, каких здесь у нас уже нет. Я люблю тебя, Виетрикс, останься со мной. Иза будет нашей покорной рабыней.

— И вправду, где было бы мне лучше, чем под твоим кровом, подле тебя, Сопфа?.. Но нет, я чувствую, что моя судьба влечет меня куда-то дальше, на восток… Так мне сказал Пифагор…

— Пифагор осел.

— Побывав на этом далеком Востоке, в великом Вавилоне, я вернусь к тебе. И мы вместе сочиним какую-нибудь занимательную поэму о моем путешествии.

Похоже, этот аргумент произвел впечатление на поэтессу.

— К тому же, — продолжал Виетрикс, — в Тире мне надо уладить одно небольшое дельце, которое меня очень беспокоит. Ведь я, как ты сказала, мужчина. Значит, я не могу оставить оскорбление безнаказанным.

* * *

Короче говоря, расставание прошло без особой печали. Пребывая в некотором смятении духа, вызванном сладостными воспоминаниями о двух последних ночах, Виетрикс едва не поддался искушению. Итак, он посетил этот прекрасный Кипр. Однако толкование свастики, полученное им от поэтессы, показалось ему совершенно несерьезным. Ему следовало, согласно словам друида, продолжать свой путь. Он лишь ненадолго задержится в Тире, чтобы наказать Канабаля и найти татуированную девочку, полностью оплаченную его деньгами.

Такого же мнения был Нафтали.

— У этой поэтессы искривленное сознание, — сказал ему старик. — Свастика не имеет ничего общего с подобной любовью.

Не дай заманить себя в сети куртизанок. Я не могу просветить тебя относительно этого знака, он происходит из древних культов, которые мы в Иудее отринули.

Я только желаю, чтобы он ни в коем случае не был выражением злого духа! В Вавилоне, городе волхвов, ты непременно обнаружишь его скрытый смысл.

* * *

Последние дни плавания протекли благополучно. Галера шла на веслах. Всем не терпелось поскорее прибыть в порт. Наконец на горизонте появилась цитадель Тира.

— Древний Тир располагался на побережье в тридцати стадиях от острова, который ты видишь, — пояснил Нафтали Виетриксу. — Но Навуходоносор, царь вавилонский, ураганом прошел по древнему городу. И свой новый город финикийцы построили в море.

Тем временем галера вошла в порт и остановилась у причала. Наконец-то Виетрикс мог ступить на землю другого континента, к которому его гнали жажда приключений и загадочная судьба. Новый город выглядел как нельзя внушительно и богато.

Посреди мола двенадцать рядов колонн поддерживали широкую галерею. В ее многочисленных крытых коридорах ежедневно для оценки товаров собирались купцы из разных стран. Здесь были слышны самые разные языки и наречия.

Море бороздили многочисленные суда. Стоя на набережной, Виетрикс долго любовался этим зрелищем. Одни отходили, другие причаливали. Здесь сворачивали паруса, и усталые гребцы наконец-то находили тут отдых; и здесь же спускали на воду только что построенные корабли. Несметная толпа наводняла порт: одни занимались разгрузкой, другие переносили товары, третьи заполняли склады. Все были в движении, все усердно трудились, все участвовали в общем промысле.

Итак, Виетрикс решил сделать в Тире короткую остановку. Надо сказать, этот космополитичный город нравился ему лишь отчасти. Иной раз ему казалось, что он по-прежнему находится на набережной в марсельском порту.

* * *

Галл совершил только одну прогулку в храмы Ваала и Астарты. Жестокий характер ритуалов, где сотнями и тысячами

приносились человеческие жертвы, ему совершенно не нравился. Человеческая жертва — дело сакральное, и следовать ему надлежит с превеликими предосторожностями. Эти же люди совершали насилие безоглядно. Виетриксу, который изучал историю жертвоприношений в Галлии, представлялось, что они утратили смысл древних традиций. Жертвы закалывались и сжигались без причины, ради удовольствия. Здесь явно отсутствовало чувство меры.

* * *

Виетрикс был вне себя, узнав, что Канабаль уже вышел в море. Первой его мыслью было броситься в погоню. Но его враг ушел в составе эскадры, которой предстояло по примеру другого знаменитого финикийца совершить попытку обогнуть Африку. Значит, он вернется не раньше, чем через три или четыре года!

Что же касается торговца рабынями, того здесь тоже уже не было. Его покупатели жили в разных уголках Финикии. В частности, у него были заказы для гаремов в глубине страны, и он отправился доставить товар по назначению.

«Вот он-то и заплатит, если я его поймаю!» — решил Виетрикс.

Долгими вечерами он бродил по кварталам продажных женщин, втайне надеясь встретить там принадлежавшую ему маленькую рабыню.

Финикийский купец, связанный с отцовским предприятием в Лютеции, подтвердил ему, что девушка, проданная по договору на пергаменте или папирусе, могла быть перепродана только незаконно. У каждой рабыни есть удостоверение личности, и закон карает того, кто позволяет себе многократно продавать одно и то же лицо. В этой стране торговцев были приняты все меры, чтобы избежать обмана.

Так что у этого купца Виетрикс пополнил свой запас знаний о достоинствах Финикии. Пополнив также свой гардероб и воспользовавшись отправлявшимся в пустыню караваном, он решительно взял курс на Вавилон.

Глава X
ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

Караван. — Куртизанки пустыни. — Арабы и львы. — Проститутка, отданная диким зверям. — Въезд в Вавилон. — Город и его предместье. — Укрепления Навуходоносора. — Вавилонская башня. — Набережные. — Работа. — Праздные и продажные. — В гостинице.

Виетрикс с удовольствием следил, как на горизонте пустыни вырисовываются высокие башни Вавилона. Его утомило многонедельное путешествие через нескончаемые пески. Все — солдаты, путешественники, торговцы — испытывали желание предаться заслуженному отдыху.

В караване насчитывалось около трех или четырех сотен человек. Были представлены все народности Средиземноморья: светлокожие греки и скифы, фригийцы из Малой Азии; смуглые египтяне из Мемфиса и почти черные из Фив; израильтяне, отправившиеся на поиски отца, жениха, супруги, сестры; нагруженные тюками финикийцы и, наконец, посланники южных племен, африканские и арабские вожди. Все, подгоняемые жаждой наживы или развлечений, стекались к Вавилону, великому Вавилону, владыке всех и каждого.

Две или три сотни солдат под командованием возвращающегося с боевого задания военачальника составляли эскорт. Путешествие могло оказаться небезопасным, поэтому все было организовано по-военному: гражданским и служивым следовало беспрекословно подчиняться приказам.

Караван представлял собой маленький мир. Все сословия всех народностей занимали в нем свое место. Там были даже куртизанки, которые, как говорили, непрерывно сновали из Тира в Вавилон и обратно. Конкуренция в городах была такой жестокой! По большей части это были арабские девушки, родившиеся и выросшие в пустыне. Под огнедышащим небом, среди ослепительных отблесков песка они не ощущали того изнурения, которое давило на иноземцев. По вечерам, на привалах они безучастно отдавались за несколько монет.

На полпути с южной стороны появились банды разбойников. Это были арабы-кочевники, живущие разбоем и потрошением чужестранцев. Они приближались короткими перебежками и становились все многочисленнее.

Посты на ночных стоянках удвоили. Часовым был дан приказ

поднимать спящий лагерь по первому сигналу опасности.

Как-то ночью военачальник, обходя лагерь, не обнаружил дозорного на посту с южной стороны. Он нашел его на краю оазиса с куртизанкой.

Лишиться человека? В столь опасных обстоятельствах командир не мог себе этого позволить. Однако его гнев требовал выхода. Он разбудил солдат и приказал им собраться посреди лагеря. Несколько путешественников, и Виетрикс в их числе, тоже подошли.

В эту ночь пустыню освещала великолепная луна. Повсюду царила бескрайняя тишина. Изредка ее нарушал крик ночной птицы или рев дикого зверя.

Девушку раздели донага. Это было долговязое создание с привыкшими к ходьбе сильными и тонкими ногами, крутыми бедрами и гибкой талией. Но ее жалкая грудь, когда-то вскормившая случайных детей, страстно истерзанная столькими несчастными путниками, свисала на чахлый живот.

Военачальник приказал солдатам связать цепью два тяжелых кольца из тех, что она носила на руках и на ногах. И поскольку нельзя было терять времени, повелел ее просто высечь.

А после сказал тому, кого застал на месте преступления:

— Взвали ее себе на спину; за нашим лагерем есть источник, куда приходят на водопой животные пустыни. Привяжешь ее там. И я хочу, чтобы ты принес мне ее вырванный правый глаз и отрезанную левую грудь. Работа будет несложной, — добавил он с жутким смешком. — Да поторапливайся, потому что вокруг нас бродят не только арабы из ее племени, но и крупные львы, жаждущие крови. Жизнь станет тебе наградой за послушание и сноровку.

Спустя час солдат вернулся. И принес куски тела несчастной. Командир, удовлетворенный его исполнительностью, ограничился тем, что приказал на все время перехода связать ему ноги. Так ему предстояло следовать за караваном. Стоило ему упасть, и он тоже стал бы жертвой грабителей или зверей.

На следующее утро, когда лагерь еще спал, Виетрикс вместе с некоторыми попутчиками отправился к источнику. При их приближении в воздух поднялась стая крупных птиц. От тела куртизанки оставалась лишь груда окровавленных костей, за которую в течение ночи дрались все звери пустыни!

Никакого другого события, достойного внимания, за время пути не случилось.

* * *

По мере продвижения на горизонте вырастали высокие башни, крепостные стены, а к вечеру кортеж уже миновал первые из бронзовых городских ворот.

Не без волнения вошел Виетрикс в Вавилон.

То, что называли вавилонской страной, скорей представляло собой провинцию, нежели город. В самом деле, крепостная стена охватывала территорию в сто сорок шесть с половиной ику[36]. Это огромное пространство не было целиком застроено домами. Обширные предместья собственно города, сосредоточенного вокруг храма Бала, состояли из мелких хозяйств. Виетрикс видел поля пшеницы, ржи, целые финиковые рощи. Каждый квартал этого внешнего города был населен, как правило, какой-то определенной народностью, переселенцами или пленниками, пришедшими со всех концов Азии. Все было рассчитано на то, чтобы, даже в случае плохого урожая, город, не опасаясь голода, мог выдержать двадцатилетнюю осаду.

Потому что в те времена Вавилон существовал именно как военный город. Об этом Виетрикс уже слышал забавные исторические легенды, в которые предполагал вникнуть поглубже. Город пережил не одно нашествие. На протяжении веков его многократно разрушали, грабили, сжигали. Но всякий раз он горделиво поднимал голову.

Итак, город был расчерчен по линейке, согласно математическим расчетам, в направлении, скрупулезно определенном астрономами. К ста медным воротам — по двадцать пять на каждой стороне идеального квадрата крепостной стены — вели сто главных городских улиц.

В основном созданием оборонительных сооружений город обязан Навуходоносору. Во время осады, предшествовавшей падению Ниневии, на долю Вавилонии выпали жестокие испытания. Уничтоженный Синаххерибом[37], разграбленный Ашшурбанапалом, во время внутренних восстаний город также неоднократно подвергался грабежам. Каналы наполнились илом, плотины рухнули, освобожденная вода хлынула из своего русла, и низины, в давние годы распаханные под плодородные поля, снова превратились в трясину. Пришлось заново делать работу тридцати минувших поколений. Набопаласар произвел значительные земляные работы. Навуходоносор продолжил начатое дело и завершил его, ни на миг не опуская рук. Он реорганизовал системы ирригации и навигации, которые цари первой империи создали двадцатью веками раньше, выправил и углубил русла основных рек.

И, наконец, захотел, чтобы город стал неприступным. Особенно он страшился крупных нашествий варваров из Ирана,

разрушивших Ниневию. Перед северной крепостной стеной он насыпал вал и приказал обложить его кирпичом, скрепленным горячим асфальтом. Позади и впереди него он прорыл четыре или пять широких и глубоких рвов, перебраться через которые можно было по легко поддающимся разрушению в случае внезапного нападения наплавным мостам. Восточный участок стены он оснастил укреплением с очень широким каналом перед ним, идущим вдоль границы низменности, которую он мог быстро затопить. Западный сектор был прикрыт озерами и болотами. Он умножил количество плотин и установил режим их действия таким образом, чтобы можно было по желанию затопить окрестности.

Вавилонская башня представляла собой нечто вроде редута большого укрепленного лагеря. Ее надежно защищал тройной пояс укреплений. Огромный ров с каменными откосами, питающийся водами Евфрата, окружал подпорную стену. Основная стена, построенная позади, возвышалась среди равнины на тридцать метров и казалась зубчатой горной грядой.

Через Вавилон протекал Евфрат. Мост, с поразительным искусством построенный через эту реку, соединял две части города. По обеим оконечностям моста виднелись царские дворцы: старый на востоке, новый на западе.

* * *

Виетрикс поинтересовался гостиницей. Ему указали одну, как раз на набережной Евфрата, где по обыкновению останавливались капитаны речных судов.

Его изумило оживление, царившее в этой части города. На великолепных набережных из глазурованных кирпичей толпился народ. По реке курсировали барки всех размеров. Тяжело груженые телеги перевозили товары вдоль набережных. Здесь трудились тысячи грузчиков и разносчиков. Разгружали пшеницу, ткани. Туг на борт осторожно втаскивали волов, там — коз, еще дальше — целый зверинец хищников, запертых в крепкие клетки. Непрерывно поворачивались подъемники, скрипели канаты. Кто-то трудился в коротких робах — это были свободные работники; другие, обнаженные, под кнутом, — рабы. Вся эта многоцветная толпа постоянно двигалась, крича на разные голоса. Виетриксу сразу показалось, что здесь сошлись все языки мира.

Среди этого рабочего муравейника прогуливались прохожие. Уже наступил тот час, что граничит с сумерками, и вавилоняне, как высшего сословия, так и купечество, как работающие, так и

праздные, пришли насладиться вечерней свежестью на берегу реки. Одни, очень элегантные, шли пешком в сопровождении рабов с зонтиками или опахалами; другие, лениво развалившись, передвигались в красивых колесницах. Здесь прогуливались военные в коротких туниках с вырывающимися из-под позолоченных шлемов кудрявыми волосами; эти были из кавалерии. Богатые ростовщики сопровождали своих жен в броских нарядах. Аристократки проносились в колесницах или фаэтонах, порой на ходу обмениваясь быстрыми взглядами со своими знакомыми. Были здесь и многочисленные куртизанки, чьи тела отчетливо просвечивали сквозь туники из крупноячеистых тканей. Самые дорогие красовались, стараясь привлечь к себе внимание важных персон, деловых людей или богатеньких сынков; другие, еще праздные в этот час, попросту ждали, когда закончат работу матросы и грузчики.

Виетрикс снял комнату окнами прямо на набережную и заказал себе изысканный ужин: фаршированную курицу, ломоть верблюжьего горба и печеную саранчу. Выпив несколько бокалов превосходного местного вина, он со спокойной совестью улегся спать.

Глава XI
ВАВИЛОНСКАЯ ЖИЗНЬ

Уровень жизни в Вавилоне. — Речная торговля. — Большие магазины. — Ремесленники. — Наряды гуляющих. — Покупки жеманниц. — Смешение народов и языков. — В еврейском квартале. — У Иеремии. — Жалобная песнь о рабстве.

На следующий день Виетрикс вышел пораньше. Он спешил прежде всего устроиться, потому что гостиница оказалась слишком шумной, а моряки, которые тратили деньги без счета, взвинтили цены на еду и проживание. По совету одного из своих попутчиков он решил отправиться в кварталы, где по соседству с евреями проживали финикийцы. На границе предместья он сможет найти небольшой дом с садом на хороших условиях. Снимать жилье в центре города в больших, четырех-пятиэтажных домах ему совершенно не хотелось. В Лютеции подобных строений еще не видывали. Он предпочитал свежий воздух и независимость. К тому же в последнее время аренда жилья в центральных районах выросла в немыслимых пропорциях. Многочисленные обитатели внешнего предместья поселились внутри крепостных стен — повсюду разнесся слух о победах Кира, а его планы тревожили мирных горожан. Следствием этого стало удорожание жизни, против которого оказались бессильны власть имущие.

* * *

Выйдя из гостиницы, Виетрикс еще раз полюбовался набережными Евфрата. Особенно его заинтересовал необычный вид судов, на которых плавали купцы из

Армении. Корпус из грубо обработанной ивы снаружи был плотно обтянут кожей. Эти суденышки плавали по течению, а их экипаж состоял всего из двух человек, которые правили при помощи руля, сделанного из палки и доски. Суда были разных размеров: самые мощные могли перевозить пять тысяч талантов веса. На борту каждого из них можно было заметить одного или двух ослов — продав свой товар, купец продавал также и древесину, из которой было построено судно, вавилонским плотникам, а кожи грузил на своих ослов. Так, погоняя животных, он пускался в обратный путь в Армению, ведь скорость течения

реки, как ни пытайся, не позволяла этим судам достичь в обратном направлении горных областей.

* * *

Виетрикс миновал расчерченные под прямым углом кварталы, где высились прекрасные многоэтажные кирпичные здания новейшей конструкции. Он прошел мимо медных ворот храма верховному богу Белу. На улицах было очень людно. Ремесленники, работники, весь разношерстный люд толпился вокруг храма перед прилавками торговцев. Все эти простолюдины были одеты в льняные туники, доходившие им до середины икр, а иногда до пят; кое-кто был к тому же прикрыт шерстяным плащом; а самые нарядные кутались в легкие белые накидки.

Виетрикс любовался прекрасными лавками, торгующими яркими тканями, дорогими коврами, драгоценной мебелью. Он надолго остановился перед прилавком гончара с его глазурованными изделиями, потом ювелира, занимающегося чеканкой. И пообещал себе изучить — как только у него будет возможность! — эти процессы, интересующие его отца гораздо больше, чем его самого.

Богато была представлена торговля снедью. Кондитерские отличались особым количеством и изысканностью. Там предлагались марципаны в розовом сиропе, бетель, песочное печенье, засахаренные лилии. Лакомясь в кондитерских всеми этими сладостями, вавилонские богачи вели изысканные беседы. Их нарумяненные щеки, крашеные губы и мерзко отдающие нардовым маслом бороды здесь были более уместны, чем на поле боя, прославившем их нацию. И все же это были те самые люди, которые упивались убийствами, преступлениями и пытками. Эти любители розового ликера в другое время пьянели от крови. «Вот ведь странное смешение утонченности и дикости! — думал Виетрикс. — Я не жалею, что приехал из моей наивной Лютеции, чтобы увидеть совсем других людей!»

Дальше в мясной лавке были выставлены огромные куски сырого мяса: верблюжатина, конина, говядина, баранина, а также опаленные павлины, утки и куры. Еще дальше пекарь предлагал сколь угодно пресного или молочного хлеба. Возле зеленных лавок пахло мускатными дынями.

По набережным бродило множество торговцев вразнос. Каждый из них кричал по-своему. Этот предлагал лимонный уксус, разноцветные перцы или имбирь; тот — голубок или попугаев с Юга; а этот — по желанию: волшебную мазь или сеанс

магии.

Еще Виетрикс видел большие базары, где торговали чем только можно: от сбруи кавказских скакунов до индийских и арабских благовоний, шафрана, янтаря и мирры.

Особенно привлекали торговые ряды, где можно было приобрести женские украшения. Жеманницы останавливали перед этими прилавками свои колесницы или фаэтоны. На лотках сверкали восхитительные сузские драгоценности, украшенные камнями золотые колье и подвески. Гуляки восхищались выставленными там статуэтками и безделушками для украшения домов: обнаженными кудрявыми богинями из слоновой кости, терракотовыми фаллосами и лазуритовыми жертвенными голубками с золотыми инкрустациями.

* * *

Сколько денег проходило здесь ежедневно! Большинство этих купцов и предпринимателей были иностранного происхождения. Они сумели обжиться в Вавилоне, однако их легко было отличить от местного населения. Среди них были белокожие северяне с бородами столь же пышными, как у чистокровных халдеев; крупные, дородные персы; финикийцы; египтяне; фригийцы из Малой Азии; греки; евреи-старьевщики с печальными глазами; торгующие арахисом арабы; недоверчивые эламиты; пришедшие с востока арии, тоже смуглые, но резко отличающиеся от других торговцев; и, наконец, маленькие желтолицые люди с редкой бородкой из отдаленных краев, где восходит всемогущее солнце. Виетрикс думал: «Здесь представлен весь мир!»

Молодой галл пообедал в одной из бесчисленных харчевен. Еда в Вавилоне была вкусной. Ежегодно берега Евфрата, воды которого то прибывали, то отступали, представляли просторы для скотоводства и земледелия. Здесь можно было в изобилии найти мясные и растительные блюда.

* * *

Заказав многочисленные предметы туалета, в которых он сильно нуждался, Виетрикс решительно направился в еврейский квартал, окрестности которого выходили к реке. Это был особенный квартал, поскольку, в принципе, пленники еще подлежали военному надзору. Как правило, если кто-либо из бывших владений Израиля или Иудеи желал выйти из города, ему

не без труда добывался пропуск, так же как и для посещения родины. Однако Виетрикс заметил, что солдаты, призванные надзирать за пленниками, вели себя не слишком бдительно. Похоже, последователи Навуходоносора пренебрегали предписанными им суровыми правилами.

Виетрикс пошел к родным Нафтали, который дал ему рекомендательное письмо. Каково же было его изумление, когда там он встретил самого старика! Примкнув к большому каравану, среди верблюдов с печальными глазами Нафтали достиг Вавилона гораздо раньше него. Он немедленно предоставил себя в распоряжение чужеземца и с величайшими почестями познакомил его со своей родней.

Они обошли весь квартал и даже нанесли краткий визит Иеремии. Виетрикс был счастлив представиться ему. Они прошли мимо дома, где жил Даниил, самого величественного из всех.

— О да, этот-то сумел составить состояние, — только и сказал Нафтали. — Как-нибудь я вам подробно расскажу о его приключениях. Разумеется, он сослужил нам добрую службу, и его умиротворительство, возможно, разумно, но он и себя не забыл!

Тем временем смеркалось. К берегам Евфрата, закончив дневные дела, стекались обитатели еврейского квартала. Вечер был восхитительно свеж. Люди собирались группами. Одни оживленно беседовали, другие вот уже который раз слушали знаменитую жалобную песнь о рабстве, сочиненную больше шестидесяти лет назад:

«При реках Вавилона[38], там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе;

на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы.

Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселья: “пропойте нам из песней Сионских”.

Как нам петь песнь Господню на земле чужой?

Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня десница моя;

прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего».

Глава XII
У ПРИНЦА МЕРЕТСАРА

Некоторые вавилонские знакомства. — Вопрос о рабах. — Ночная жизнь. — Пробуждение аристократов. — Во дворце Меретсара. — Выбор причесок. — Утро принца. — Легкая трапеза. — Проблема свастики. — Отъезд в лупанарий.

Не меньше месяца потребовалось Виетриксу для обустройства своего жилища. Правда, покинув гостиницу, он больше не спешил. Бесценную помощь оказал ему Нафтали. Старик взял на себя все заказы, и на каждый ему удавалось получить значительные скидки. Увы! Этот неудачливый грамотей не имел на земле изгнания никаких средств к существованию, злая судьба отдалила его от должностей. Поэтому молодой галл был счастлив, что его почтенный проводник не без его, Виетрикса, участия может получить какое-то достойное вознаграждение.

Обзаведясь мебелью, Виетрикс задумался о прислуге. Средства позволяли ему приличный штат, а он желал дать прием тем, кто приглашал его. Будучи очень общительным, он сразу расширил круг своих знакомств. Особенно он сблизился с известным поэтом Ди-Сором, историографом Поладамастором, философом Ма-Шаном[39]. Кроме того, Нафтали представил его старому халдею по имени Фалазар, хранителю собрания древностей, сотни лет пролежавших в земле. Жаждущий знаний Виетрикс весьма дорожил обществом этих замечательных людей, самых выдающихся умов Вавилонии.

Он рассудил, что для ведения дома пока будет довольно троих слуг: мужчины, женщины и какого-нибудь мальчишки для мелких поручений. Нафтали взялся раздобыть их ему на самых выгодных условиях:

— Сегодня базарный день, — сказал он. — Нынче же вечером твоя прислуга будет при тебе. Только изобрази мне вот этим стилом свою подпись, чтобы я мог заключать договоры.

— Ах, как я тебе благодарен, мой славный Нафтали! Даю тебе полную свободу выбора на покупку всех рабов, которые тебе понравятся. У меня сегодня много дел. Поручаю все тебе.

Надо сказать, Виетрикс был не слишком организованным человеком. Бытовые детали всегда утомляли его. Он знал, что заключению контракта предшествуют томительные переговоры с работорговцами. А он, как и все подобные ему люди, не умел торговаться. И его неизбежно надули бы. К тому же выбирать

прислугу так неинтересно! Так что он предоставил эти хлопоты старому еврею.

Тем более что у него имелись определенные планы. Ма-Шан, Ди-Сор и Поладамастор вместе с несколькими представителями вавилонской золотой молодежи решили совершить небольшую вылазку в веселые кварталы, где можно поразвлечься. Виетрикс, устав от чрезмерного воздержания с самого своего приезда в Вавилон, и не подумал отказаться от приглашения.

* * *

Прибыв в Вавилон, Виетрикс познакомился с особенностями местных нравов, о которых прежде и понятия не имел. В первые ночи его изумляло, что на улицах так же шумно, как днем. Вскоре он заметил, что город ведет скорее ночную жизнь, нежели дневную. Разумеется, основной причиной подобного обычая, изначально противоречащего природе, была невероятная дневная жара. Однако многие представители богатого сословия почитали ниже своего достоинства просыпаться, пока солнце окончательно не скроется за горизонтом. Ма-Шан и Ди-Сор, со дня знакомства изумлявшие Виетрикса тем, что он никогда не встречал их днем, были из числа тех, кто долгие годы не видел луча благотворного светила, которому они тем не менее время от времени, как и все остальные, поклонялись в храме Бела.

Южане — арабы, индусы, египтяне, израильтяне, те же финикийцы — могли жить при ярком свете, но халдеи древних родов буквально восставали против подобного существования. Виетрикс очень быстро понял, что именно по этой причине, а не из-за глубинной извращенности, эти люди взяли в привычку так раскрашивать себе лица. Как все, живущие при свете луны, вавилоняне по природе своей были чудовищно бледны. И краски, которые они накладывали на свои лица, представляли собой дань уважения крепкому здоровью, свежему цвету лица, полнокровию — всему тому, чего постепенно их навсегда лишили обычаи предков. Виетрикс вскоре согласился с мнением антиквара Фалазара, полагающего, что первыми людьми, населившими этот регион, должны были быть северные народности. Южане, за многие тысячелетия привыкшие выносить палящее солнце, не имеют столь густой растительности на лицах.

Так вот, высшее вавилонское общество, состоящее из больших вельмож, министров, губернаторов, сатрапов и чиновников высокого ранга, имело обыкновение, когда страна не находилась в состоянии воины, вести активную жизнь по ночам. Разве что

некоторые из них исполняли свои служебные обязанности два-три часа по утрам, чтобы затем до наступления ночи предаваться сиесте.

* * *

Приблизительно в шесть часов вечера аристократия и прочие бездельники покидали свои постели. И скоро в великолепных, облицованных камнем дворцах из высушенного на солнце кирпича, принадлежащих Баркеру, Шедорму или Бенисюру, начинала кипеть жизнь. Туалет занимал не более двух-трех часов. Поначалу Виетрикс считал подобную заботу о внешности чрезмерной, однако вскоре понял, что она вызвана особенностями климата, желанием вавилонян поддерживать красоту и силу. Там, в Галлии, а затем в Греции, он видел мужчин и женщин, которые до шестидесяти лет сохраняли молодость тела. К пятидесяти годам те, кто жил размеренной жизнью, работал и сражался на свежем воздухе, находились в полной гармонии со своим развитием. Однако здесь, в этих больших городах, Виетрикс уже отметил тенденцию жителей к быстрому и раннему старению. Например, Ма-Шан, которому едва исполнилось пятьдесят, уже жаловался, что жизнь его катится под уклон. Природе должны были помочь заботливые ухищрения.

Итак, на закате солнца вся челядь крупных вельмож — еврейские врачи, которых предпочитали халдейским, мастера педикюра и маникюра, атлетически сложенные массажисты-индусы, египетские цирюльники и парфюмеры, личные прорицатели, астрологи и знатоки предзнаменований — приступала к своим обязанностям во дворцах.

Во дворце молодого принца Меретсара — одного из самых богатых вельмож Вавилона — роскошь которого затмевала даже роскошь палат его двоюродного брата, царя Валтасара, насчитывалось пятьсот слуг. Меретсар слыл законодателем моды. Каждую неделю к нему являлись полторы сотни самых известных вавилонских парикмахеров, чтобы представить эскизы новых причесок лично для него, для женщин из его гарема и для его фаворитов. Три живописца и три скульптора постоянно присутствовали при подобных показах, дабы в этот важный момент сообщить ему свое мнение. Прежде Поладамастор и Ди-Сор тоже приглашались принцем для исполнения этих важных обязанностей, однако впоследствии, мало приспособленные к несению какой бы то ни было службы, да к тому же избегающие давящей ответственности, те от приглашения отказались. В

случае разногласий между судьями срочно призывали Ма-Шана. Он высказывался, и его суждение считалось непреложным.

Именно у Меретсара должен был состояться легкий ужин перед визитом к куртизанкам, что с таким удовольствием предвкушал Виетрикс. Принц был счастлив принять у себя во дворце знатного чужеземца, прибывшего из такой отдаленной страны, что даже самые выдающиеся географы Вавилона не знали ее обычаев. Меретсар почитал себя покровителем и другом писателей и художников.

* * *

Покончив с туалетом, выкупанный, растертый, выбритый, причесанный, умащенный, припудренный, подкрашенный и расфуфыренный Меретсар, надев изящную, но простую тунику, принял посетителей. К каждому он обратился с ласковым словом, особенно к Виетриксу, и все без промедления уселись за стол.

Трапеза была легкой. Сначала подали жареные крокодильи яйца, за ними последовало суфле из павлиньих и ибисовых мозгов, черепашки на вертеле, фаршированные чабрецом и дикой мятой бараньи языки, засахаренные колибри и финики в меду. Все это с несравненным мастерством было приготовлено превосходным поваром принца, родом из Катая.

* * *

Во время трапезы, когда легкие кипрские и сирийские вина развязали языки, Виетрикс выразил свою тревогу относительно той пресловутой свастики, от которой в некотором роде зависела его судьба.

— Вот уж не поверю, — пожал плечами принц, — что можно всерьез положиться на женщину, рожденную под таким предзнаменованием. В самом деле, мне кажется, что этот знак представляет собой двух переплетенных змей, а, как известно, эти мерзкие твари…

— Иначе говоря, — со смехом подхватил Поладама-стор, — этим знаком отмечены все женщины! Об этом существуют старинные истории.

— А вот я бы скорей подумал, — откликнулся Ди-Сор, — что свастика изображает скелет петуха.

— Петуха?! — отвечал Виетрикс. — Так уж не ошибся ли я, отправившись в такую даль искать разгадку? Ведь петух —

священное животное моей собственной страны…

— Нам тут не разобраться, господа, — заметил Ма-Шан. — Мы ведь все видели этот знак… Но каков его точный смысл?.. Петух, змея, но, по моему скромному мнению, есть также что-то еще… Мне представляется маловероятным, дорогой Виетрикс, что в тех местах, куда мы собираемся отправиться нынче вечером, нам удастся обнаружить избранницу, каковую уготовили вам боги по своей бесконечной благосклонности.

— Ошибка! — воскликнул Ди-Сор. — Нигде, кроме борделя, я не встречал воистину целомудренных и сердечных женщин…

— Однако как-нибудь на днях я отведу вас к одному из самых сведущих волхвов в здешних краях. Надеюсь, уж он-то сумеет прояснить для вас смысл этой глубокой тайны.

— Как бы то ни было, господа, — вмешался молодой принц, — полагаю, мы готовы. Пора. Идемте!

— Да-да, едем в лупанарий! — проворчал себе в бороду Поладамастор.

Глава XIII
НЕБОЛЬШАЯ ВАВИЛОНСКАЯ ОРГИЯ

Квартал проституток. — Разновидности любви. — Смешанные дома. — У куртизанки Ануке. — Туалет египтянки. — Госпожа и ее ученицы. — Музыканти и танцовщицы. — Статичные позы. — Печали поэта. — Прерванная проповедь. — Война и проституция. — Ужин. — Сладострастные танцы. — Оргия. — Любовь хозяйки. — Секрет Каллипиги. — Психологический момент.

Квартал проституток располагался на краю города, переходящем в предместье, так что наиболее успешные из этих дам могли иметь небольшой домик, не теряя при этом клиентов.

Однако оживление царило именно на городских улицах. Все дома с широко распахнутыми для прохожих дверьми были ярко освещены. Ближе к реке, на нижних улицах, женщины стояли прямо у входа, демонстрируя прелести своим лучшим клиентам — матросам. Другие прогуливались в обнимку. В принципе, каждый дом или даже каждая группа домов соответствовали какой-либо национальности. В любви у каждого свои склонности как относительно работы, так и ее исполнителя. Некоторым содержателям — в основном это были евнухи крупных господ, сколотивших состояние и отошедших от дел, — удалось создать смешанные дома, где как попало были собраны все национальности: армянки, лидийки, скифки с юга, финикийки, израильтянки, египтянки, нубийки, арабские и персидские девушки, а также те, кто пришел из страны ариев и загадочного Катая. Все проститутки и все великие сладострастники хлынули в Вавилон, как только Навуходоносор восстановил его былую пышность. Там находились дома старых куртизанок, умелых массажисток, едва достигших половой зрелости девочек; добрую часть квартала занимали женоподобные юноши, а любители обоих полов могли также посетить дома с дрессированными животными. Все эти труженики любви просыпались под вечер и горланили всю ночь. В этих отдаленных кварталах только и слышалось, что пение, пьяные выкрики, разноязыкие ссоры да звуки ударов, порой смертельных.

* * *

Меретсар с друзьями воспользовались этими шумными улицами, чтобы попасть на очаровательную египетскую виллу к одной знакомой принца. Тот предупредил о своем визите, так что на этот вечер дом был зарезервирован для его компании. Владелица борделя со своими надзирательницами встретила гостей на мраморной лестнице и провела в свой очаровательный будуар.

Ануке, хозяйка дома, оказалась высокой и стройной. На ее круглом лице с высокими скулами выделялись большие глаза и крупные красные губы. Складка в уголке рта свидетельствовала об определенной опытности в любви и некоторой порочности.

Она нарядилась с бесконечной изысканностью, с изысканностью, доселе не виданной Виетриксом даже у самых утонченных вавилонянок. И действительно, она посвящала уходу за своим телом по пять часов в день. Египтянки превратили туалет одновременно в науку и искусство.

Сквозь надетую на нее тунику из ткани чрезвычайно редкого плетения можно было судить о ее теле. Оно отличалось несколькими особенностями, свойственными ее расе: расположенные высоко и на некотором расстоянии одна от другой маленькие груди, очень длинные руки, точеные ноги правильной формы. Но выдающейся чертой телосложения Ануке были ее редкостно развитые мягкие части. Узкий таз переходил в полные белые бедра, чрезмерные даже по сравнению с частью ноги возле колена.

Ма-Шан, который совсем не любил крутобедрых женщин, поинтересовался у нее, как ей удалось добиться подобного объема.

— Тот из вас, кто мне понравится, скоро это узнает, — ограничилась Ануке загадочным ответом.

Ее волосы были разделены на несметное число прядей, на концах которых висели жемчужинки или металлические бусины, так что пряди не спутывались друг с другом. При помощи длинной шпильки из слоновой кости и эбенового дерева с шариком на конце она дочерна насурьмила брови. Живость губам и скулам придавали легкие штрихи ализаринового корня; ладони и ступни были подкрашены хной.

* * *

Тем временем из малой гостиной Ануке посетители перешли в большую. Это была прелестная комната с крашеными стенами, середину которой занимали цветник и извергающие струи

благоуханной жидкости фонтаны. Однако слегка взвинченный Ди-Сор попросил соблаговолить остановить эти устройства, поскольку их звук мешает ему говорить. Хотя он и пребывал в некотором затруднении, все же нынче вечером он был в форме.

— Ну что же, сохраним тишину, раз эти господа любят поговорить, — в голосе Ануке прозвучали одновременно недоверчивые и пренебрежительные нотки…

А на лестнице уже раздавались крики рабынь:

— Девицы, в гостиную!

И вот они появились, грациозные и легкие. Египтяноч-ки всех возрастов, отобранные с большим знанием дела, казались уменьшенными копиями хозяйки. Об этом легко можно было судить, поскольку их тела прикрывали лишь украшенные драгоценными камнями простые набедренные повязки. У каждой девушки был свой камень, соответствующий знаку, под которым она родилась. Ануке питала большое уважение к волхвам, и старые прорицательницы ежедневно приходили к ней, чтобы предсказать будущее ее пансионерок.

Подойдя к принцу, Ма-Шану, Ди-Сору, Полада — мастору, Виетриксу и пришедшим вместе с ними еще нескольким молодым людям, девушки уселись на высокие табуреты, и со смехом осыпали гостей ароматными цветами и обвили их шеи цветущими гирляндами. Другие умастили их лица благовониями; маленькие виночерпии разливали по инкрустированным каменьями чашам нектар, который Виетрикс немедленно признал превосходным.

— Однако теперь я похож на хорошенького мальчика для престарелых господ! — воскликнул Ма-Шан, глядя на свое отражение в зеркале.

— Да уж, это чересчур! — поддержал его Ди-Сор.

* * *

Постепенно все расселись на подушках, а девушки запросто устроились на коленях у мужчин. Из соседнего помещения доносились нежные звуки цитры и кимвала. Появились профессиональные танцовщицы.

Воспитанные при храмах, где они обучались всем видам искусств, включая искусство любви, музыкантши и танцовщицы представляли в Египте особую касту. Красивые и образованные, они стоили очень дорого. Ануке приобрела около полудюжины, чтобы предлагать клиентам. Однако предпочитала не отдавать их в качестве наложниц случайным посетителям. У каждой из этих малышек имелся как серьезный титулованный любовник, так и

возлюбленный.

Одетые в облегающие, но относительно плотные одежды, девушки производили сложные, исполненные сладострастия движения. Особенно им удавались великолепные статичные позы: глаза устремлялись к неподвижным грезам, а руки поднимались, точно змеи из корзины индийского факира.

Виетриксу не слишком нравилась несколько болезненная изощренность такой хореографии, так что, подобно своим пресыщенным спутникам, он удовольствовался кратким сеансом.

* * *

Пока велись приготовления к легкому застолью, гости с бокалами нектара в руках под умелыми ласками молчаливых дев урывками предавались беседе в обществе Ануке, которая, в силу своей профессии, умела дать отпор самым изощренным ораторам.

— Вы знаете последнюю новость? — произнес принц. — Армия Кира наступает. Наши войска, охраняющие границу с севера и полгода стоявшие лагерем на равнине, в преддверии событий покинули эти земли.

— Так что, значит, нас ждет осада? — спросил Полада-мастор.

— Осада. Недавно я виделся со своим кузеном Валтасаром, он, однако, совершенно не чувствует опасности. Странный тип! А еще считал меня утопистом, мечтателем, поэтом!

— Поэтом! Увы! — откликнулся Ди-Сор. — Невеселая жизнь предстоит поэтам. Во время осады никому дела нет до поэзии; даже самые богатые ее любители берегут свои денежки для другого. Впрочем, признаю, они правы. На что же я буду жить, хотелось бы знать?

— Дражайший Ди-Сор, — отвечал принц, — тебе известно, что у меня ты всегда найдешь ночлег и пищу. Давеча, уснув с факелом в руке, ты поджег восемнадцать тысяч папирусов, «Письма Всаднику», собрание сочинений нашего знаменитого друга Рамидегурманзора[40], но я на тебя не сержусь.

— Слуг у меня довольно! В городе у меня их аж девятнадцать, но, по странному капризу моего ума, мне всегда хотелось иметь двадцатого.

— Послушай, Жакк (это было дружеское прозвище, которым друзья окрестили поэта), война вот-вот начнется. Ты знаешь, что пыл военачальников и солдат требует подпитки. Облеки в стройные стихи величайшие подвиги вавилонских царей, славных предков принца, принимающего нас нынче вечером. Сочини такие

небольшие произведения, как те, что на самых старых стелах погребенных дворцов носят название хроники[41]. А потом выпусти их на волю перед Валтасаром, который не преминет вознаградить твое рвение щедрыми подарками. Пиши хроники, Жакк, пиши хроники!

Благородный огонь освещал доброго Ма-Шана, в то время как юное дитя с телом эфеба все больше исчезало под его просторной туникой.

— Тебе известно, — продолжал он, — каким прекрасным собранием глиняных плит, цилиндров и папирусов я владею благодаря щедрости и учености нашего друга Фалаза-ра. Оно целиком в твоем распоряжении для работы. Пиши хроники, Жакк, пи…

Он не договорил. Его тело напряглось в судороге. Юная искусная египтянка резко перевела поток бурлящих в пылком философе восторгов в иное русло.

— А как же мы? — стенала Ануке. — Что будет с нами, если объявлена война?

— Но вам хорошо известно, — попытался успокоить ее принц, — что город может выстоять в осаде. Спасибо Белу, у нас вдоволь зерна, а поля будут давать нам овощи и фрукты. Валтасар говорит, двадцать-тридцать лет! Это иллюзии! Но я верю, судя по сведениям, полученным от почтенного полководца в отставке Динозора, который учитывает все обстоятельства, что трудности наступят не раньше, чем через пять-шесть лет. Разумеется, при соблюдении дисциплины в армии и порядка в городе.

— Вам нечего опасаться, — произнес Поладамастор, — для осады характерна атмосфера гона, вездесущего желания, неистовства, столь благоприятного для вашего ремесла. Толпа ищет выхода в любви. Коллективная душа стада спускается к низу живота, таким образом познается тайна толп[42].

— Очаровательный вечер! — вздохнул Ма-Шан.

— Будет лучше! — парировала Ануке. — Я, черт побери, знаю, что при угрозе войны оргия разбушуется. Прежде чем вновь встретиться с гипотетическими богами…

— Возможно, это слово не слишком подходит, — из чистой любезности заметил Ма-Шан.

— Люди, — продолжала прекрасная бандерша, — предаются наслаждению. Но в чьих интересах? Обращаю на это ваше внимание, принц, и ваше, господа литераторы. В интересах священников храма и их клиентуры. Они пользуются смутным временем, чтобы множить свои церемонии, собирают верующих, морочат им головы, пичкают их афродизиаками, а потом бросают

в кучу своих храмовых рабов. Храмовые рабы! Профессионалы, мужчины и женщины, которые всегда работали за бесценок! Люди, не почитающие любви! Единственные, кто в этом ничего не понимает! Они отдаются спереди, сзади — как вам угодно! Пожалуйста! До полутора суток подряд! Черт возьми! Уходя, каждый доволен. Но у наших дверей больше никого нет! И это стремительный крах!

* * *

Тем временем накрыли стол, и сотрапезники перешли в столовую.

Все по достоинству оценили изысканное угощение. Подали отменное пальмовое вино и свежее сорговое пиво, которое Виетрикс попробовал, хотя уже был сильно навеселе. Однако он не забывал о своем любимом нектаре.

Под парами алкоголя беседа становилась все более несерьезной. Головы шли кругом; вновь появились танцовщицы, на сей раз обнаженные, обворожительно чувственные и хрупкие, они исполняли медленные танцы, в которых их круглые животики играли главную роль. Очевидно, хозяйка умело нагнетала градус вожделения.

Произошел спор, Виетрикс не совсем уловил смысл перебранки, хотя и оказался ее героем.

— Ты средиземноморская женщина! — возразил Поладамастор. — Черт побери, тебе нравятся блондины с Севера, а к соотечественникам ты относишься с пренебрежением. Девице подавай иностранца! Ануке, я хотел вставить тебя в свой следующий роман! Исключаю тебя. Я заменю тебя на телку, телку, которая вот-вот отелится!

Виетрикс успел заметить, как в воздух взлетела оловянная плошка и сплющилась о череп Поладамастора.

* * *

Он пришел в себя в хорошенькой спальне, где оказался, сам не зная как. Три крепких девушки раздели Виетрикса, погрузили в благоуханную, но несколько прохладную ванну и сосредоточенно массировали его тело.

«Уже лучше», — подумал он, возвращаясь к реальности и ощущая нежную истому во всех членах.

Ануке тем временем запечатлела у него на губах долгий

поцелуй.

— Да, в твоих голубых глазах кроется тайна, — говорила она. — Никогда не видела глаз, подобных твоим. Люблю тебя. Ради тебя я развяжу свой пояс.

Оказывается, в сопровождении Виетрикса она тоже прошла в ванную комнату и совершила краткое омовение. Вопреки своему обыкновению, эта великолепно владеющая собой красавица в тот вечер тоже воздала должное нектару.

Массажистки пробежали своими проворными пальцами по ее коже, подрагивающей от их прикосновений; умастили ее благовониями с тонкими ароматами. Затем потянули ее члены, так что один за другим хрустнули все суставы. И наконец, распластав Ануке лицом вниз на джутовом ковре, на спину ей уселась верхом крепкая рабыня, схватила ее за плечи и стала тянуть свою госпожу вперед-назад, чтобы придать гибкости позвоночнику.

Одновременно две другие женщины с удвоенной силой охаживали плотными шелковыми плетками восхитительные ягодицы своей госпожи. Это длилось довольно долго.

Затем Ануке вдруг поднялась, стремительная, как тигрица, одним движением отослала прислужниц и потянула Виетрикса к своему ложу, которое оказалось ни чересчур мягким, ни чересчур жестким, в самый раз.

— Нельзя терять ни минуты, — сказала она ему, раскрывая объятья и раздвигая великолепные ноги. — Именно благодаря такой процедуре я обладаю этими широкими бедрами, и лишь в подобный момент я могу любить. Иди ко мне…

— Но, но… — повторял щепетильный Виетрикс.

— Не беспокойся, любимый. Мой поцелуй стоит дорого, если я продаю себя. Но тебе я себя дарю. Это бесплатно. Не бойся. Ты, должно быть, литератор, как те господа. Мне известно, что у вас нет ни гроша!.. Зато есть принц, он угощает!.. Что еще надо? — добавила она, поразмыслив мгновение.

Глава XIV
РАБЫ В ВАВИЛОНЕ

Приобретения Нафтали. — Военные рабы. — Порабощенные народы. — Царские рабы. — Валтасар и его прекрасные пленницы. — Унижение девственницы царской крови. — Положение рабов в частной жизни. — Рабы-мужчины. — Осмотр маленькой рабыни.

Восток уже слегка побледнел, когда колесница принца доставила Виетрикса к порогу его дома. По правде говоря, он ощущал некоторое смятение в мыслях, язык заплетался. Одной своей лаской египтянка лишила его сил. Отныне жизнь представлялась ему прекрасной.

Он очень удивился, когда у порога его встретил какой-то черный верзила и бодрая кумушка с веселым лицом. Позади них топтался Нафтали.

— Вот твои рабы, — сказал Виетриксу старый еврей, — я купил их по сходной цене, как ты можешь видеть, по общему счету. Еще есть девочка, но мы уложили ее спать. Эти двое наняты на полгода, которые можно продлевать.

— Прекрасно! Прекрасно!

— Мужчина привезен из египетского похода. Этого наемника люди из Фив завербовали далеко, очень далеко, на юге своей страны. Эта раса совершенно черная. А вот экономка-кухарка, клянусь, родом из Ассирии, из хорошей семьи ниневийских рабов. Она сумеет содержать твой дом в порядке и готовить тебе вкусные блюда. Хочешь проверить их физическое состояние? На рынке я сам долго осматривал их.

— Полностью тебе доверяю.

— А вот девочку тебе следует обследовать самому. Сейчас разбужу ее, и ты скажешь свое мнение. На мой вкус, это маленькое чудо. Не стоит медлить, потому что только сегодня сделку можно расторгнуть. Я приобрел ее по твердой цене. С торговцем были сложности, но в конце концов я сумел вытянуть из него честный контракт вот на этом цилиндре.

* * *

В Вавилоне насчитывалось много категорий рабов. Цивилизованные народности, тысячами согнанные сюда после

победы, ждала относительно счастливая участь, как Виетрикс уже видел в еврейском квартале. Навуходоносор желал, чтобы его народ принял таланты рабочих, знания учителей. Он испытывал определенное уважение к культуре всякого рода.

Вот почему в первые годы рабства Иеремия написал своим соплеменникам в Вавилоне, с которыми был разлучен: «Так говорит Господь: “стройте домы и живите в них, и разводите сады и ешьте плоды их; берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, чтобы они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь там, а не умаляйтесь; и заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и молитесь за него Господу; ибо при благосостоянии его и вам будет мир”[43]».

Но участь евреев была исключительной. У других порабощенных народов даже принцы бедствовали. Из них составляли дворцовые бригады высшей челяди. Так что у царя перед очами постоянно находились свидетели его побед.

* * *

Что же до дочерей и сестер этих побежденных принцев, их царь предназначал для своего гарема. Он самолично производил тщательный осмотр всех принцесс, чье происхождение представлялось неопровержимым. Горе тому, кто попытался бы похитить из его дома какую-нибудь девушку! Он отбирал не только тех, что были красивы, он стремился иметь в своем гареме девушек благородного происхождения, образованных девушек, с которыми он мог бы при случае побеседовать, отдохнуть не только телом, но и душой. Красавиц царю Вавилона могли поставлять в любом количестве! Девушки царской крови, происходящие из пятнадцати-двадцативековых династий встречались редко. Большинство царских рабынь из тех, кто в гареме пользовался собственными спальнями, были очень древних родов.

Вавилонские цари, гораздо менее достоверного и древнего происхождения, полагали даже определенным шиком заселять ими сокровенные покои своих дворцов.

* * *

Когда к царю приводили этих гордых женщин, Валтасар находил удовольствие в том, чтобы подвергать их тысяче самых

обидных оскорблений, дабы унизить их нравственно и физически. Порой он поднимался в великолепные сады, устроенные по его приказанию прямо над гаремом. Там росли деревья редких пород с изысканными плодами, там мелодичными голосами пели птицы, которым предусмотрительно подрезали крылья.

Придя на закате в сад в сопровождении своего евнуха, Валтасар удобно устраивался в шезлонге. Пред его очи приводили юную принцессу с непреклонным и гордым взглядом. Он просил ее убрать вуаль, покрывающую плечи и груди, и склониться перед ним. Обычно она подчинялась. Тогда царь требовал, чтобы принцесса сняла тунику и предстала перед ним обнаженной. Уже задетая первым оскорблением женщина возмущалась. Тогда Валтасар призывал какую-нибудь жалкую рабыню и приказывал евнуху или матроне высечь до крови ни в чем не повинную статистку. Иногда он даже соблаговолял сам взять в руки хлыст.

Поняв причину подобной экзекуции, принцесса, смирив свои чувства, обнажалась, одной рукой прикрывая лицо, а другой — низ живота.

— Надменная дева, — говорил Валтасар, — на коленях лобызай стопы своего господина.

Бедная девушка, покрасневшая и смущенная, но уже почти усмиренная, порой соглашалась на акт поклонения.

Валтасар, и сам полуобнаженный, вновь растягивался на ложе, а рабыни, которых это зрелище наполняло радостью, легко обмахивали его опахалами.

— Я твой господин, — говорил Валтасар. — Дева непорочная, твоя чистота принадлежит мне. Но тебе подобает пойти навстречу своему владыке. Подойди, и пусть твои ласки пробудят во мне желание!

Ни одна принцесса никогда с первого раза не соглашалась оказать царю подобную услугу.

Тогда Валтасар, вновь в воспитательных целях, приказывал подвергнуть все ту же несчастную рабыню нескольким легким и изощренным пыткам, например: содрать кожу с бедра, проколоть язык, посадить на кол.

Пока никто еще не прикасался к принцессе.

Если девушка не покорялась, тогда Валтасар приказывал схватить ее и высечь. После чего на несколько дней ее вновь водворяли в ее прекрасные покои. Если вторая попытка не приносила результата, ее подвергали более суровому наказанию.

Когда наконец-то укрощенные прекрасные принцессы соглашались подойти к безразличному деспоту, стоило их робкой и нерешительной руке коснуться его плоти, стоило им

облобызать ее, Валтасар, удовлетворенный, просил их остановиться и щедро одаривал. Он не овладевал своими наложницами публично, даже перед приближенными служителями гарема. Однако лицо его озаряло ликование от победы над гордостью и стыдливостью высокородных дев, воспитанных при дворах гораздо более чопорных, нежели его собственный.

— Я никогда не принуждал их силой, — обыкновенно говаривал он со смехом, — они всегда сами предлагали мне себя!

Он не уточнял, что некоторые из них, наиболее упрямые, так и не согласившись на первое требование, погибли под ударами хлыста!

* * *

Рабыни душой и телом принадлежали своему господину. Серьезной обидой было, если хозяин дома отказывал в любви какой-либо из принадлежавших ему женщин.

Всем, от законной жены до простой служанки, от наложницы до горничной, — всем следовало пройти через ложе главы семьи. В конечном счете это являлось гарантией покорности. Женщины не требовали иного вознаграждения, помимо возможности время от времени удовлетворять желание мужчины, вещью которого считались. Известны случаи, когда рабыни кончали с собой из-за пренебрежения господина. На шее все они носили опечатанную цепь с бронзовой табличкой, на которой было указано имя их хозяина и дата покупки.

* * *

Рабы-мужчины в Вавилоне — те, что не выполняли никакой домашней работы, государственные рабы — использовались на городском строительстве. Под присмотром вооруженных кожаными плетками надсмотрщиков они с утра до ночи возводили гигантские монументы, великолепные дворцы, не имеющие себе равных храмы. За ними не признавалось право ни на усталость, ни на болезнь. Когда раб отказывался работать, его забивали насмерть.

Бунт, побег сурово карались как собственником, так и на общественных работах. Ссылали на каторгу, сажали в клетку, на кол, заживо сдирали кожу, распинали на кресте, вырывали глаза, отрезали половые органы.

По отношению к взбунтовавшемуся рабу закон был очень суров. Вавилонянин, убивший своего раба без причины, подвергался простому штрафу в размере одной полумеры зерна.

* * *

— Ну что ж, я взгляну на малышку, — сказал Виетрикс, — раз уж ты настаиваешь, мой добрый Нафтали. Маленькое чудо, говоришь? К несчастью, боюсь, я буду чересчур придирчив, потому что прошедшим вечером одна египетская куртизанка на несколько часов лишила меня моральных и физических сил, по крайней мере, всякого желания.

Маленькая рабыня действительно спала, крепко сжав кулаки, когда толстая ассирийка, которую Виетрикс только что произвел в кухарки, пришла будить ее. Девочка поднялась с трудом, однако, привыкшая к грубости, покорно последовала за старшей.

— Что за чертовка эта египтянка! — продолжал размышлять Виетрикс, в мозгу которого все еще витали пары нектара. — Вот что, в память о ней назову девочку Ануке. Ануке! Нафтали, что ты об этом думаешь?

— Если ты хочешь сохранить имя независимо от религии, то, разумеется, это подходит. Единственная мудрость…

— Мудрость? Нет, мудрость оставим на завтра, — воспротивился Виетрикс. — Сегодня у меня дела посерьезней. Итак, пусть это дитя скинет свои покровы!

Девочка предстала перед своим господином. Но едва она увидела Виетрикса, ее словно обуял страх. Спрятав лицо в ладони, она отвернулась.

— Это еще что! — прикрикнула кухарка и, резко схватившись рукой за тунику ребенка, следуя приказанию господина, попыталась вырвать ее у девочки.

Но малышка сопротивлялась и теперь вдруг разразилась рыданиями.

— Ничего не понимаю, — молвил Нафтали. — На рынке она была обнаженной. Я ее обнаженную осмотрел, ощупал, проверил. Обнаженную кухарка растерла ее благовониями и одела. Обнаженными живут рабы и даже порядочные женщины в Вавилоне. Ничего не понимаю в этом приступе стыдливости.

— Может, ее высечь? — предложила кухарка, которая теперь силилась снять с девчушки одежду через ноги.

— Оставь ее в покое, — приказал Виетрикс. — Пусть идет спать! Несмотря на ее слезы, я заметил, что мордашка у нее милая. Этого довольно. У нее достаточно распространенный для

здешних мест тип, не так ли, Нафтали?

— Право слово, я никогда не видел ничего подобного.

— Потому что ты не смотришь на женщин. Я уже где-то встречал ее сестру или кузину. Как бы то ни было, назову ее Ануке. Это легкое и нежное имя подходит ей гораздо больше, чем египетской куртизанке, чей восхитительный нектар я вкусил нынче вечером… Ну что же, прощай, старик, до завтра…

Глава XV
ОСМОТР КОЛЛЕКЦИИ

Новая жизнь молодого галла. — Виетрикс и Ануке. — Осмотр коллекции Фалазара. — Происхождение рода человеческого. — От хаоса к потопу. — Основание Вавилона. — Легенда о Саргоне. — Похищение богини Наны. — Великолепие Хаммурапи. — Образование Ассирийского царства. — Находка на теле Ануке.

Постепенно Виетрикс привык к своей новой жизни. Шли месяцы. Усовершенствовавшись в изучении языкознания, теперь он заинтересовался историческими проблемами.

Дом его и впрямь содержался в полном порядке, и ему оставалось лишь нахваливать рабов, купленных для него старым евреем. Он уже подумывал о возобновлении контракта на первых двоих.

Малышка Ануке занималась мелкими делами, каждый день раскладывая в кабинете Виетрикса таблички, цилиндры и папирусы, над которыми он работал. Не без труда удалось галлу побороть ее стыдливость. Однако из принципиальных соображений он желал познать ту, что определенным образом принадлежала ему.

В тот день, когда девочка согласилась предстать перед своим господином для осмотра, она, можно сказать, принарядилась и надушилась по моде своей страны. Она покрыла кожу какой-то охрой, скрыв под краской добрую часть своего тела: груди, живот и бедра. Она и правда была очаровательна: прелестные глаза, нежные и таинственные, лукавая улыбка на губах, маленькая грудь, длинные ноги. Виетриксу она понравилась, но в тот момент он и не помышлял лишить малышку, которая была девственницей, невинности. Быть может, подобной чести от господина могла бы потребовать кухарка-экономка? Фу! Виетрикс находил удовлетворение в доме египтянок и в некоторых других указанных ему домах свиданий. А эту рабыню он за хорошую цену перепродаст девственницей при отъезде из Вавилона. Это просто зверушка, спокойно слоняющаяся по его дому, вот и все. Любовь девственницы всегда неопытна. К тому же он ощущал странную боязнь опробовать девственницу, которая порой подолгу задерживала на нем свой таинственный взгляд. Он не осмеливался грубо окликнуть ее, прикоснуться к ней. Случалось, он даже испытывал по отношению к ней некоторое уважение.

В тот день жаждущий пополнить свои исторические познания

Виетрикс направился к известному антиквару и ученому Фалазару.

Хранитель собрания вавилонских и прочих древностей был давнишним другом Нафтали. Халдей и еврей долго сообща трудились, читая записанные на камнях рассказы былых времен и исследуя памятники, принадлежащие разным культурам. При помощи нескольких астрономов из числа общих друзей им удалось определить приблизительные даты записи многих легенд.

Виетрикса восхитила благоговейно собранная Фалаза-ром коллекция табличек и цилиндров, восходящих к самой далекой древности, к первобытному миру.

Каково происхождение человека? Серьезный вопрос, коснуться которого до сих пор не осмелились умнейшие из ученейших мужей этой страны. Сколько бессонных ночей провел Нафтали и Фалазар, пытаясь проникнуть в тайну древних текстов. Они пояснили Виетриксу смысл хранящихся в собрании вавилонских надписей:

«Прежде, — гласила одна лишь частично сохранившаяся табличка, — то, что вверху, не называлось Небом, а то, что внизу, Земля, не имело имени.

Творцом их была Бездна.

Хаос, Море стало матерью, выносившей Вселенную. Воды сливались в единый поток.

И был мрак без единого луча света, буря без затишья. Прежде богов не было.

Не было произнесено ни одно имя: Судьба не имела определения.

Сначала были созданы боги, бог Ану, и прошло большое число лет, пока количество их не увеличилось.

И тогда пришли боги Сар и Кисар.

И бог Бел…»[44]

Другая табличка, обнаруженная глубоко под могильным холмом, давала следующие пояснения:

«Было время, когда все было тьма и вода, и в этой среде стихийно размножались отвратительные звери и самые странные создания: люди с двумя, а некоторые с четырьмя крыльями, двумя лицами, двумя головами — мужской и женской — на одном теле и с обоими половыми органами одновременно; люди с козлиными ногами и рогами или лошадиными копытами, другие с задними лошадиными ногами, а передними человеческими, напоминающие кентавров. Были еще быки с человеческими головами, собаки с четырьмя туловищами и рыбьими хвостами, другие четвероногие, в которых были смешаны все животные

формы, рыбы, ящеры, змеи всех видов, сказочные чудовища, представляющие все формы, изображения которых можно видеть на стенах в храмах Бела…»

Затем ученые мужи дали галлу некоторые разъяснения относительно трактовки потопа.

Виетрикс знал, что это одно из наиболее древних воспоминаний человечества — в галльских героических сказаниях встречалось множество намеков на него.

«Слушай мои слова, о человек из Суриппака, сын Отиартиса; построй корабль в форме дома, оставь то, чем владеешь, спаси свою жизнь; раздай хлеб, еду и сохрани жизнь существ. Пусть взойдет на ковчег семя всякого живого существа.

Хасисадра, халдей, повиновался. Он погрузил на судно свою семью, животных, растения; покинул свои сокровища и свои дворцы.

Тогда из небесных глубин возникло черное облако; бог Бин метал молнии; боги Набу[45] и Бел шли впереди. Они шли, и под их ногами дрожали горы и долы; бог Нергал приносил с собой бурю, бог Нинип сеял вокруг себя тьму. Духи земли затушили весь свет и на своем пути проникли сквозь поверхность земли, пока Бин своими громами и молниями пытался достичь неба и возвращался к земле.

Волны, огромные, как горы, покрывали землю; живые существа пришли в ужас; люди искали спасения, сражаясь в потемках; брат не видел брата; люди не узнавали друг друга. Даже боги, которые тоже устрашились, боялись этой бури: они приблизились к богу Ану, и умоляли его о снисхождении, и, точно робкие псы, попрятались по углам!

Богиня Иштар кричала, будто женщина в родах. Так говорила она:

“Творение вышло из глины; в присутствии богов я возвестила бедствие, но теперь я приказываю ужасному бичу, который бьет людей, остановиться. Я, Мать, я породила людей. Теперь они населяют воды, подобно стае рыб. Плачьте со мной, боги и духи земли!”

И боги, спрятавшиеся в своих убежищах, принялись рыдать. Но предреченное продолжало свершаться.

Шесть дней и шесть ночей дул ветер; буря и опустошение разрушали землю. На седьмой день ливень закончился. Море успокоилось, ветер стих, буря прекратилась. Море сделало свою опустошительную работу; все люди превратились в грязь, и трупы плавали, как тростник.

Тогда Хасисадра, халдей, отворил окно ковчега и увидел дневной свет.

Затем он выпустил голубку. Она вскоре вернулась, не найдя суши.

Он выпустил ласточку; она вернулась.

Он выпустил ворона; он не вернулся: он стал питаться трупами.

Наконец, он выпустил агнца и на гребне горы совершил жертвоприношение.

Все божества сбежались, привлеченные ароматом жертвоприношения.

Лишь Бел пребывал в гневе. Он решил, что люди поселятся вдали, в устье реки.

Тогда Хасисадра спустился в долину и через некоторое время основал Вавилон, имя которого означает “Врата богов”».

* * *

— Эти события, — сказал Виетрикс, — безусловно, восходят к самой далекой древности, однако имеются ли у вас какие-нибудь занятные свидетельства, относящиеся к временам, я бы сказал, историческим?

— Я провел многочисленные раскопки, — отвечал Фалазар. — К несчастью, у меня не хватает средств. Увы, монархи предпочитают заполнять свои гаремы хорошенькими рабынями, а не содержать старые каменные библиотеки. Покровители искусств встречаются все реже. Мерзкое время! Мое пособие столь мало, что вскоре мне самому придется взяться за кирку, чтобы обнаружить разрушившиеся или разрушенные дворцы, непрестанно засыпаемые песком пустынь и затопляемые реками. Если Вавилон однажды исчезнет…

— Пророки предсказали это, — серьезным тоном заметил Нафтали.

— … И если представители более цивилизованных народов, например, вашего, молодой человек, вздумают прийти сюда, чтобы откопать наши кости, я желаю им лучшего содействия, нежели то, что я имею от наших милостивых государей. Что бы там ни было, вот разные занятные плиты. Эта — времен царя Саргона[46], который жил приблизительно три тысячи лет назад. Это вам не пустяки. И не добавляет доверия к дешевым мелкотравчатым ученым, которых их смешные притязания толкают на то, чтобы увеличить возраст нашей столицы до тридцати-сорока тысяч лет! Легенда о Саргоне любопытна тем, что совпадает с древнееврейской легендой о некоем Моисее, не так ли, Нафтали?

— То есть вы, должно быть, похитили ее у нас, — отвечал старый израильтянин. — Я бы назвал это по меньшей мере литературным заимствованием.

А Фалазар тем временем бегло читал на камне:

* * *

«Я Саргон, могущественный царь, царь Аккада. Моя мать принцесса, отца своего я не знал, а брат моего отца живет в горах. Мой город Азупирану лежит на берегу Евфрата.

Моя мать, принцесса, зачала меня и втайне меня родила; она меня положила в тростниковую корзину и горной смолой закупорила мою дверь; она бросила меня в реку, река меня не приняла.

Река меня подняла и понесла к Акки, оросителю. Акки, ороситель, по доброте своей вытащил меня, Акки, ороситель, назначил меня своим садовником.

Когда я был садовником, богиня Иштар меня полюбила. Я сорок четыре года управлял царством…»

* * *

Закончив чтение, Фалазар продолжал:

— Многие династии властвовали над Вавилоном с первобытных времен. Мы даже не сохранили их имен. Этот Саргон, по моему мнению, был последним представителем династии, унаследовавшей власть от царей-патеси[47], а те — от династии Ур, а те — от царей Сиртеллы. Это уводит нас на четыре или пять тысяч лет в прошлое, максимум на пять тысяч.

— И что, все эти народы и те, кто их окружал, не знали друг о друге? — поинтересовался Виетрикс.

— Вовсе нет. Они отправлялись в завоевательные походы, грабили, опустошали города. Те, кому не хватало женщин, затевали войны, чтобы захватить девственниц. Однако традиции сохранялись, и преемственность никогда не прерывалась. Сменялись империи, династии, порой над некогда процветающим и славным краем сотни лет царили сумерки. Но ничто не забывалось. Не желаете ли любопытный пример тому?

Когда Ашшурбанипал[48], коварный царь Ниневии, захватил Сузу в результате беспощадной войны против Вимманалдаса, царя Элама, страны, которая простирается на

Восток, в одном храме он обнаружил статую богини Наны,

похищенную эламитами ровно тысяча шестьсот тридцать пять лет назад из святилища в Уруке. Тысяча шестьсот тридцать пять лет! Эта находка повергла всех в ликование. Немедленно объединившись, ассирийцы и халдеи радовались так, словно каждый нашел потерянный накануне мешок с деньгами! С величайшими почестями богиню перевезли обратно в ее святилище в Уруке, который она прежде так любила!

* * *

Но не будем покушаться на даты. Итак, эламиты, этот западный народ, завоевали Халдею. Чтобы избежать рабства, многие жители Вавилонии бежали на север. Видимо, они и стали основателями Ассирийского царства, этой самой Ниневии, с которой на протяжении веков соперничал Вавилон, ведя кровопролитные войны.

Понемногу эламиты захватили всю территорию страны. У нас опять появились национальные цари. Самым известным из них был мудрый Хаммурапи[49], слава которого воссияет в истории. Как раз сейчас я перевожу составленный им свод законов, который до сих пор использует наше современное законодательство. Возможно, Хаммурапи был главным основателем вавилонского могущества. Взгляните, вот что он написал на этом камне, обнаруженном на фронтоне его дворца:

«Бог Бел дал мне покорить народы Шумера и Аккада.

Я выкопал канал по имени Хаммурапи, который стал благословением жителей Вавилона. Этот канал орошает и оплодотворяет все земли.

Я направил воды в бесплодные пустыни; заставил их разлиться в мелкие каналы. Так я даровал неиссякаемую воду всем народам Шумера и Аккада.

Бесплодные пустыни превратил я в плодородные поля; повсюду распространил я плодородие и изобилие; из стран Шумера и Аккада сделал я обитель благоденствия!»

Увы, Халдее суждено было пережить и другие владычества. Во времена правления одного из потомков Хаммурапи могущественный египетский царь Тутмос III захватил Халдею и завладел Вавилоном. Наш царь был свергнут, а на его трон посажен арабский принц. Ниневия и ассирийцы также попали под власть Тутмоса.

Нам не суждено было распрямиться вновь после этого арабского владычества, длившегося около трех веков. Первыми попытались сбросить ярмо ассирийцы, что привело к еще

большему ужесточению рабства для нас!

Как скоротечно время. В следующий раз я расскажу вам о некоторых изменениях в Ассирийском царстве и приведу несколько примеров титанической борьбы между Ниневией и Вавилоном!..

* * *

Виетрикс вернулся домой под сильным впечатлением от этих невероятных историй.

В кабинете он, к крайнему своему изумлению, обнаружил спящую на диване Ануке.

«Наверное, эта тупая кухарка велела ей ждать меня. А она заснула. Гляди-ка, какая она сегодня очаровательная. Похоже, ее тельце начинает расцветать».

И чтобы убедиться в этом, поскольку, будучи законным владельцем девочки, Виетрикс имел на это право, он тихонько приподнял край ее одежды.

Его ждал сюрприз. Сначала на смуглой и нежной коже он узнал татуировку, которую уже видел на первой купленной им рабыне. В углублении твердого гладкого живота были изображены три человеческие ноги, бегущие в одном направлении. Он пригляделся… Да, черт возьми! Это была та самая девочка! Должно быть, он сильно напился, если не признал ее в день покупки.

Как могло случиться, что он никогда не разглядывал ее тело? Она покрывала его красной охрой. Странная стыдливость! Может, она стеснялась показать свои татуировки? Но они вовсе не отвратительны.

Итак, она дважды принадлежала ему.

Первой его мыслью было немедленно разбудить девочку, но он подумал, что таким образом ранит ее стыдливость. Она так старательно избегала того, чтобы показать ему свое тело!

«Я дурак!» — подумал он.

Виетрикс опустил на место край одежды, потом нежно провел ладонью по волосам и лбу Ануке. Она проснулась, смутилась и спросила, нужно ли ему что-нибудь.

— Иди спать, — отвечал Виетрикс. — Спокойной ночи, Ануке!

А когда она ушла, задумался. Он думал долго, беспокойно, бесплодно. Быть может, затосковал по родине?

Глава XVI
НИНЕВИЯ ПРОТИВ ВАВИЛОНА

Рождение Ниневии. — Охотник Тиглатпаласар. — Поджигатель Ашшурнасирпал. — Пытки жителей Тира. — Ассирийцы против евреев. — Развращенность израильских девушек. — Продажность Эсфири. — Армия Синаххериба, разгромленная в Иудее. — Ее победы в Халдее. — Разграбление и разрушение Вавилона. — Ашшурбанипал и расцвет Ниневии. — Страшные наказания вавилонян. — Сарданапал изнеженный. — Победа Вавилона над Ниневией. — Пророчество Наума.

Спустя несколько дней Виетрикс вместе с Нафтали вновь пришел к хранителю собрания вавилонских и прочих древностей.

Фалазар продолжил свой рассказ.

— Итак, северные народы попросились под ассирийское владычество и сбросили унизительное ярмо египтян. А мы одновременно попали к ним в рабство.

Первым великим ассирийским государем был Тиглатпаласар[50]. Как многие другие, он считал себя посланником небес на этой земле. Вот горделивая надпись на его печати:

«Тиглатпаласар, царь народов, сын Салманасара, царь страны Ашшур, завоевал несметные земли. Если кто-то когда-нибудь нарушит эту печать, пусть боги Ашшура и Рамана сотрут его имя в истории этих земель!»

Насколько я могу судить, Тиглатпаласар был одним из наиболее беспокойных царей в истории. Ему не сиделось на месте, он грабил и разрушал все вокруг единственно из любви к искусству. Его излюбленным времяпрепровождением была охота. Об этом свидетельствует одна имеющаяся у меня реликвия:

«Боги Адад и Нергал[51] вверили в мои царственные руки свое страшное оружие — свой могучий лук.

При помощи бога Ада да, моего покровителя, я убил четырех буйволов, огромных и свирепых. Это было в пустыне, близ города Арарихи. Я поразил их своим могучим луком, своим железным мечом и острым копьем, и я принес их шкуры и их рога в мой город Ашшур.

В другой раз я убил огромных слонов поблизости от Хорана, возле источника Хабур; а еще четырех взял живыми; шкуры и бивни убитых я приказал отвезти в Ашшур.

Еще в другой раз с помощью бога Адада я убил сто двадцать

львов, которых мертвыми разложил у своих ног.

Восемьсот туш я погрузил на свои колесницы.

Ни дикие звери пустыни, ни птицы небесные не могли уклониться от моих стрел!»

Тиглатпаласар сильно возбудил воображение писателей. Его историю они превратили в легенду. Вы, разумеется, знаете большие новеллы Поладамастора об основании Ниневии и подвигах воительницы Семирамиды, пересказанные Ди-Сором в его образном стиле. Семирамида, супруга царя Нина, сиречь Тиглатпаласара, якобы сама покорила мидян, персов, завоевала Северную Индию! И наконец, восстановила Вавилон! Уверяю вас, это не только поэтические измышления!

При наследнике Тиглатпаласара Халдея освободилась от ассирийского ига…

Прошли сотни лет. Цари то и дело затевали междоусобицы. Одни проводили досуг, охотясь на крупных львов пустыни, другие — в гареме. В соответствии с характером каждого.

Ашшурнасирпалу[52] предстояло вновь захватить Халдею в рабство. Это был умелый разоритель, жаждущий все предать огню. Он мечтал не о завоевании, а лишь о разрушении. Вот, если мне не изменяет память, девиз, который он начертал на фронтоне своего дворца:

«Лицо мое расцветает среди руин, и я нахожу удовольствие в удовлетворении моего гнева».

Когда восстал город Тир, он безжалостно покарал его. Я был счастлив, раздобыв цилиндр, на котором рассказывается о разграблении города:

«Я убил каждого второго из жителей Тира. Остальные были взяты в рабство. Правитель города вынужден был присутствовать при разграблении своего дворца, видеть, как пытают его сыновей, и насилуют его дочерей, и выносят его покровительствующие божества.

Я приказал в моем присутствии содрать кожу с великого множества мятежников и покрыть ею стену, из их голов и останков я приказал сложить пирамиду. Некоторые были заживо замурованы, другие распяты или посажены на кол вдоль стены. И наконец, я увел царя в Ниневию, где приказал и с него содрать кожу и развесить ее на городском укреплении».

— Похоже, этот не шутил! — заметил Виетрикс.

— Его последователи тоже. Ассирийские цари проявили больше жестокости, чем наши. Это были большие любители убийства и насилия…

* * *

Прошли царствования Салманасара, Тиглатпаласара Второго. Этот последний написал на одной стеле:

«Я царь, который от восхода до заката солнца поверг в бегство всех своих врагов».

— И он же, — вмешался Нафтали, — превратил Израиль в данника Ниневии.

— Верно, но при Саргоне, основателе новой династии, спустя некоторое время царство Израильское было раздроблено, и его жители уведены в рабство[53].

— Как случилось, что ваш Бог оставил вас в то время? — спросил Виетрикс Нафтали.

— Скажите лучше, — ответил старик, — что Израиль оставил своего Бога. Союз был расторгнут, жители стали поклоняться золотому тельцу, взгляды мужчин обращались лишь на девушек, а взгляды девушек — на украшения. Могу напомнить вам кое-какие доводы, которые пророкам нравилось приводить на эту тему.

— Конечно, — согласились Фалазар и Виетрикс.

— «…дочери Израиля надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах, — оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их; в тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах и звездочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опахала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки, и кошельки, светлые тонкие епанчи и повязки, и прозрачные покрывала, которые они носят летом…»[54]

— Как я понимаю, в Израиле царило кокетство, — заметил Виетрикс.

— В этом есть и своя польза, поскольку продажность одной из самых прекрасных дев среди дев двух царств, Эсфири, позволила облегчить рабство моих соплеменников в Ниневии. Посвященная несколькими опытными старцами в премудрости любви, долгие месяцы умащавшая свое девственное тело благовониями, отполировав по еврейским рецептам свои груди, бедра и живот, она могла добиться любви любого всемогущего владыки, сколь изощренным бы он ни был.

— После многих великих завоеваний и очередной победы над мятежным Вавилоном, Саргон был убит, — продолжал Фалазар. — Его власть унаследовал Синах-хериб.

* * *

— О нем, — вмешался Нафтали, — у нас в Иудее тоже сохранилось воспоминание. Он выступил против нашего царя во главе огромной армии. Ужас царил в осажденном Иерусалиме. Царь Езекия пошел в храм и стал молиться:

«Господи Боже Израилев, сидящий на херувимах! Ты один Бог всех царств земли. Ты сотворил небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое, и услышь; открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сенаххирима, который послал поносить Тебя, Бога живого. И ныне, Господи, Боже наш, спаси нас от руки его, и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один»[55].

Этот мелкий шантаж помог как нельзя лучше. После того пророк Исаия ко всеобщему изумлению объявил, что не войдет Синаххериб в город. «Сказал мне Господь: “Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего”».

И действительно ассирийское войско поразила чума. В течение нескольких дней погибли двести тысяч человек. Синаххериб снял осаду.

— Увы, — подхватил Фалазар, — против нас, взбунтовавшихся по обыкновению после смерти предыдущего царя, властитель Ниневии преуспел больше…

* * *

Война Синаххериба против Вавилона была самой жестокой из всех, которые перенес этот город. Два века спустя здесь еще живы в памяти картины истребления. Возможно, это разрушение было угодно богам, чтобы позднее Навуходоносор придал городу гораздо более внушительный и великолепный вид, какого не знала его история.

Вот у меня тут есть некогда произведенный в Ниневии краткий обзор дворцов с надписями, описывающими победу Синаххериба.

Итак, Вавилон взбунтовался, и все племена с юга и севера пришли ему на подмогу. Цель восстания — уничтожить завоевателя, угрожавшего поработить все царства. Это было последнее усилие.

«Все эти народы, — говорит Синаххериб, — пришли из Вавилона, объединившись против меня. Подобно несметным полчищам саранчи, что распространяются в долине, чтобы опустошить ее, они ринулись на меня. Пыль из-под их ног напоминала осеннее дождевое облако, затянувшее простор небес, скрыв то, что было передо мной. На берегах Тигра они выстроились в ряды и постановили попытать счастья оружием. Я

доверился нашим богам — Ашшуру[56], Нергалу, Набу, всем богам-покровителям Ниневии. Я молил о поддержке против неисчислимого врага, наступавшего на меня. Боги услышали мою молитву, они оказали мне свое покровительство. Я облекся в броню и шлемом покрыл свою голову. С сердцем, исполненным гнева, я взошел на свою самую высокую боевую колесницу, ту, что сметает неприятеля. Я взял в руки могучий меч, вверенный мне богом Ашшуром. И тогда я бросился, подобно огню пожирающему, на все эти мятежные армии, подобно Раману, богу наводнений. Я наступал на свою жертву, чтобы уничтожить ее, и сеял ужас среди моих противников. Разразилась битва; вскоре я поколебал их сопротивление и расшатал их стойкость. Мои атаки сломили армию мятежников. Полководцы в отчаянии отступили».

Этот милейший Синаххериб слегка преувеличивал, — заметил Фалазар. — На самом деле не было достигнуто никакого решающего успеха. Только благодаря предательству одного военачальника, которому он дал груду золота и множество драгоценностей, наша армия, захваченная врасплох, однажды ночью оказалась в его руках.

«На мокрой земле плавали в крови, как в реке, оружие и конская упряжь: боевые колесницы раздавили все — тела и отдельные члены. Я складывал трупы солдат, как трофеи, обрубая их конечности. Я косил, как сухую траву, тех, кого взял живым, и в наказание отрезал им кисти рук».

Именно тогда этот беспощадный монарх принял решение о разрушении Вавилона.

«Во втором походе я стремительно направился в Вавилон, в который вошел без боя; я нагрянул, подобно буре, и прошел по нему, как ураган! Город и его храмы я разрушил до основания и предал огню. Крепости и дома богов я снес и опрокинул в канал… И чтобы в грядущие времена никто не мог вспомнить даже местонахождения этого города, я затопил его водой!..»

* * *

За Синаххерибом последовали Асархаддон[57] и Ашшурбанипал. Этот последний не побоялся углубиться в землю Египта, оставив позади мятежных принцев.

«Я взял город Фивы, и мои руки отдали его во власть Ашшура и Иштар; я завладел его серебром, его золотом, драгоценными камнями, сокровищами царского дворца, шерстяными и льняными тканями; сильными конями; принцессами, наложницами, рабынями; двумя обелисками, покрытыми

великолепными изображениями и весом в двадцать пять тысяч талантов, воздвигнутыми перед воротами храма, я снял их с места и через пустыни переправил эту добычу в Ниневию…»

Тем временем борьба между Вавилоном и Ниневией продолжалась. Мы выдержали жестокую осаду. Начался голод. В городе убивали и ели детей. Когда Ашшурбанипал, наконец, вошел в ворота, случилась страшная резня. Большинство солдат погибли от меча в первой же схватке…

«С других заживо содрали кожу перед крылатыми буйволами и гигантскими львами, воздвигнутыми Синаххерибом, моим дедом. Я сдирал с них кожу своими собственными руками и бросил их трепещущую плоть псам, шакалам и стервятникам».

При Ашшурбанипале Ассирийская империя достигла расцвета. Она распространяла свое влияние от востока до запада, от стран вечных льдов до стран жгучих пустынь.

Ашшурбанипалу наследовал его старший сын Ашшурэтельилани, а затем младший, которого некоторые называют Сарданапалом[58]. Однако последний ни в чем не походил на своего отца. Он жил в гареме, пренебрегая интересами империи. Сатрап Мидии Арбак и вавилонянин Бересис восстали против него и, подойдя с войсками к стенам Ниневии, осадили ее.

Осада длилась три года. Сарданапал победоносно сопротивлялся. Но однажды разлив Тигра опрокинул двадцать стадиев городских стен. Некогда оракул предсказал Ашшурэтельилани[59], что он будет побежден, когда река предаст его. Он понял, что пророчество сбылось. Пока союзники готовились к штурму, он затворился во дворце со своими фаворитами, женами и детьми, устроил огромный пир, а потом собственными руками поджег гигантское здание. Победителям достались лишь руины.

Захватив Ниневию, мидяне и вавилоняне уничтожили ее жителей и принялись до основания разрушать дворцы, храмы и дома. Затем они повернули течение Тигра, направив его воды на развалины, чтобы навсегда скрыть их под слоем песков. Разрушители не останавливались, пока не исчез последний кусок стены, последний живой человек, способный задуматься о мести. Опасаясь, как бы женщины не понесли в своем чреве младенца проклятого племени, их убивали после того, как они удовлетворяли капризы солдат. Только девственницы были уведены в рабство.

Так Вавилон наконец восторжествовал над Ниневией после ожесточенной шестивековой борьбы.

— Мы не могли бы лучше завершить это захватывающее

повествование, — молвил Нафтали, — чем прекрасными словами нашего пророка Наума. Пророчества полезны тем, что растроганные верующие, разумеется, стараются их реализовать. Так мы, мирные евреи, взяли Ниневию. Так говорил Наум:

«Поднимается на тебя разрушитель, о Ниневия: охраняй твердыни, ассириец, стереги дорогу, укрепи чресла, собирайся с силами. Ибо восстановит Господь величие Иакова, как величие Израиля, потому что опустошили их опустошители и виноградные ветви их истребили.

Он вызывает храбрых своих, но они спотыкаются на ходу своем; поспешают на стены города, но осада уже устроена. Речные ворота отворяются, и дворец разрушается.

Ниневия со времени существования своего была как пруд, полный водою, а они бегут. “Стойте, стойте!” Но никто не оглядывается. Расхищайте серебро, расхищайте золото! нет конца запасам всякой драгоценной утвари.

Разграблена, опустошена и разорена она.

Где теперь логовище львов и то пастбище для львят, по которому ходил лев, львица и львенок, и никто не пугал их»[60].

Глава XVII
РАЗВРАЩЕННОСТЬ ВАЛТАСАРА

Слава Навуходоносора. — Его преемники. — Мирный Вавилон. — Кир и его завоевания. — Бездействие Валтасара. — Его жизнь в гареме. — Покинутая царица. — Поединок женщин. — Экстракт конопли. — В крови. — Бунт Ануке.

— Вы знаете, — продолжал на следующий день Фала-зар, — какой высоты достигло великолепие Вавилона после падения Ниневии. Набопаласар взошел на трон двадцать четыре года назад. С тех пор весь мир вынужден был признать наше превосходство.

— По меньшей мере в Азии, — уточнил Нафтали.

— Не стану пересказывать то, что вам известно. Навуходоносор, сын Набопаласара, затмил славу всех знаменитых царей Ниневии. Он покорил финикийцев, египтян и ваших соотечественников, мой милый Нафтали. Не могу слишком горевать, ибо это завоевание подарило мне удовольствие знакомства с вами.

— Судьба покарала Навуходоносора, ибо в течение семи лет, утратив разум и отвергнув человеческую заботу, он бродил среди полей, точно дикий зверь. И если он принудил нас к рабству, наши души всегда оставались свободны и горды. Когда он приказал воздвигнуть свою огромную золотую статую, которой все должны были поклоняться, Даниил, в те годы ревностный придворный, отказался поклоняться ей. И мы оказались правы!

— В царствование Навуходоносора и его преемников Евильмеродаха, Нериглесара, Лаборосархода, Набонида и, наконец, Валтасара, — продолжал Фалазар, — Вавилон по-прежнему оставался крупнейшим центром цивилизации. Именно здесь процветали искусства, наука, торговля. Мы обратили в рабство сотни царей. Я не одобряю войны, но вынужден признать, что признаки разрушения обнаружились в великом здании в тот день, когда был утрачен интерес к завоеваниям.

Именно тогда другие народы, ободренные нашим бездействием, понадеявшись на снедающий нас разврат, предприняли сокрушительные походы, которые привели их к нашим воротам. Молодой персидский царь Кир, сын Камбиса и Манданы, уже разгромил Мидийскую империю, завоевал кавказские возвышенности и победил царя Лидии Креза, одного из самых влиятельных властителей. И победоносно двинулся в

страну ариев.

Этот Кир опасный воин, он получил суровое воспитание вдали от гаремов и в соответствии со строгими принципами. Он исполнен доблести и убежден, что ему уготовано распространить свою славу в мире при помощи огня и меча. Я не совсем понимаю эту теорию, но признаю, что энергия порой нуждается в разрядке. С тех пор как Валтасар вложил меч в ножны, величие Вавилона утратило свою целеустремленность. Мы движемся в сторону цивилизованности и благополучия; мы все больше и больше привлекаем умы и состояния; мы непрерывно восходим к вершинам, но сеем преступность и роскошь. И при этом продолжается осада Вавилона Киром! Возможно, в данный момент его победа — уже дело решенное.

* * *

До вас, вероятно, донеслись слухи, с некоторых пор витающие вокруг Валтасара. Он удалил из своего окружения военных. Если он призывает кого-нибудь из них, то лишь для своего интимного, личного удовольствия, потому что его охватило желание побаловать себя славным парнем. Царица заброшена, она удалилась в свои покои. Наши цари, по крайней мере, всегда заботились о сохранении достоинства женщины, которой уготовано даровать жизнь наследнику престола. Она удалилась, гордая и непогрешимая. Она даже ни разу не сделала замечания своему супругу. Она живет, как многие другие в Вавилоне, в страхе и ожидании огромной катастрофы, которую предрекли пророки Нафтали и наши предсказатели.

Валтасар больше не правит. Он скрылся от глаз народа и двора. Поговаривают, что в глубине своего гарема он живет жизнью женщины. Пятьдесят пять его наложниц, некогда презираемых им, стали единственным его обществом. Порой его охватывает желание чем-то заняться, тогда вместе с ними он принимается ткать крашенную пурпуром шерсть. Он одевается в женское платье, покрывает лицо белилами и подолгу специальными благовониями умащает свое тело, как это делают куртизанки; он выглядит более изнеженным, чем самая сладострастная из них. Он старается придать своему голосу женское звучание, с утра до вечера он предается чревоугодию и винопитию и потребляет тысячи средств, которые готовят из соков растений пришедшие со всех концов света лекари и колдуны.

* * *

Недавно один сбежавший евнух в негодовании явился к первосвященнику. А евнуха не так-то легко привести в негодование! Так мы обо всем узнали.

Всю свою энергию он употребил на то, чтобы склонить к исполнению своих прихотей женщин и фаворитов из гарема. В покоях, предназначенных для первой фаворитки, он поселил эфеба из Ликии, той области, где женщинам пришлось взять в свои руки бразды правления, поскольку мужчины все время проводят во взаимных ухаживаниях и ласках. А в великом Вавилоне, когда надо принять серьезное решение, советы дает изнеженный наложник. Он смешал женщин, до того живших по раздельности. Прежде у наших царей была одна забота: избегать ссор между женщинами своего гарема. Они старались не возбуждать ревности и беречь чувствительность дочерей именитых семейств, населяющих закрытую часть дворца.

* * *

Валтасар подстрекает женщин на ссоры. Ему нравятся лишь их споры, стычки, драки. Некая эфиопская принцесса и блондинка европейской расы однажды сцепились из-за одного из царских фаворитов, старого вояки, которому активная роль нравится больше, чем пассивная. Валтасар заставил их драться перед ним обнаженными. До этого он напоил каждую из них козлиной кровью, принесенной — какое надругательство! — из храма Бела, где совершалось жертвоприношение. Драка была жестокой. Скифянка, более крепкая, в конце концов сразила соперницу, расцарапавшую ей лицо острыми ногтями; однако черной принцессе удалось сорвать с ноги обруч со змеиной головой и, пока другая душила ее, стремительным движением выколола ей оба глаза. Тогда сильная противница, не ослабившая хватки, еще больше напряглась, впилась пальцами в шею глухо застонавшей девушки и приподняла ее. Затем выпрямилась — из пустых глазниц, как рассказывает евнух, ручьями текла кровь, — раскачала тело соперницы и раскроила ей череп тремя ударами о мраморные плиты большого зала гарема.

— А что делал Валтасар?

— Валтасар тихо посмеивался, лежа подле своего любовника. Похоже, он с утра до вечера наливается этим экстрактом конопли, что арии привезли из своей страны. Порошок вызывает веселье, подобно сардинскому сельдерею, от которого сарды смеются

своим сардоническим смехом, так удивляющим путешественников. Царь рассудил, что победительница достойна награды. Поэтому он призвал огромного бородатого развратного мужлана и приказал ему овладеть белокожей принцессой не согласно природе, а по моде себе подобных и до полного изнеможения. Одновременно он заставлял их поглощать самые мощные и быстродействующие афродизиаки. Слепая девушка провела всю ночь, теряя сознание от боли и наслаждения; к утру ее крики сменились хрипами, и было приказано умертвить ее вместе с любовником, возбудившим ревность правителя. Их трупы были брошены псам.

Вот каковы привычные развлечения Валтасара!..

* * *

Боюсь, в скором времени ему выроют могилу, а на могиле поместят надпись, которую некогда для самого себя составил Сарданапал:

«Прохожий, уверен, что ты рожден смертным, открой свою душу удовольствиям; для тех, кто мертв, нет наслаждений. Я всего лишь пепел, я, прежде бывший царем великой Ниневии; но все, что я съел, и все, что я выпил, вся любовь и все удовольствие со мной. Я потерял лишь свои богатства и свою власть!»

Никогда еще не были произнесены столь кощунственные слова!

Взгляните на ряды этих камней, прославляющих величие царей: они похваляются своими военными подвигами, и никогда — любовными утехами!

Виетрикс вернулся домой, потрясенный чудовищным рассказом о поединке двух женщин. Было еще рано, и вся его челядь бодрствовала.

Рабы с тревогой спросили у него, правда ли, что скоро город будет окружен. Этот слух возникал все чаще и чаще, но он знал не больше, чем они. Было известно лишь, что некие чужеземцы, пожелавшие уйти из Вавилона по одной из дорог, вынуждены были спешно вернуться в город.

Его лакей и кухарка удовлетворились расплывчатыми сведениями, которыми обладал их господин, и отправились спать. Но Ануке, особенно любопытная и разговорчивая нынче вечером, задавала бесконечные вопросы. Она была умной и сообразительной, и Виетрикс частенько не знал, какие объяснения ей давать.

Он решительно привык к малышке.

И волей-неволей не мог относиться к ней как к зверушке, дающей ему отпор. Выходит, эти смуглые девушки тоже имеют душу?

— Послушай-ка, — сказал он, когда Ануке пожелала ему спокойно ночи, — послушай-ка, ты сейчас же придешь в мою спальню.

— А зачем?

— Мне… мне…

— Что?

— Мне надо с тобой поговорить.

— Я не приду!

— Не придешь! Ну это уж слишком! Я, в конце концов, твой господин. Я прикажу высечь тебя!

— Мне все равно, я не приду!

И, воздушная, она исчезла.

Глава XVIII
В ХРАМЕ МИЛИТТЫ

Проституция замужних женщин. — Выбор. — Жрец храма любви. — Культ Иштар-Милитты. — Обучение любви. — Война и любовь. — Философия храмовой проституции. — Храмовые рабы.

Как-то утром Виетрикс решил отправиться в храм Ми-литты. Право на это ему давало то, что он был чужеземец. Тем более он полагал глупым упустить предоставлявшуюся ему прекрасную возможность. И правда, по закону каждая вавилонская женщина по меньшей мере один раз в жизни должна была пойти в храм и отдаться там чужеземцу.

«Вот это понятие гостеприимства я смогу оценить полностью», — подумал Виетрикс.

Однако поначалу галл был разочарован.

Женщины находились в длинной комнате вроде коридора, примыкающего к храму. Натянутыми веревками они отделялись от мужчин, проходящих вдоль их ряда, чтобы сделать свой выбор.

По обычаю на головах эти женщины носили венки из листьев. Некоторые держались благопристойно, другие, наоборот, не боялись показывать свои груди, живот, ноги или задницы. Каждая выставляла напоказ свою наилучшим образом сохранившуюся часть. Ибо ни одна из них не отличалась молодостью. Некоторые к тому же имели какие-нибудь отвратительные увечья: этой, похоже, стрелой выбило глаз, эта хромала, в углу притулилась маленькая горбунья.

Когда мужчина делал, наконец, выбор, он брал несколько монет и бросал их на колени женщины со словами: «Я призываю богиню Милитту[61]». Избранница не могла отказаться от приглашения. Она брала деньги, с этого момента становившиеся сакральными, и следовала за чужеземцем, который обыкновенно вел ее в одну из расположенных вокруг храма гостиниц, рассчитанных на самые разные кошельки.

Виетриксу пришлось довольствоваться выбором из имевшихся здесь женщин. Большинство из них, с обезображенными гримом лицами, имели довольно красивые тела. Они принадлежали к среднему классу и привыкли к более активной жизни, чем у аристократии, но менее утомительной, чем у простонародья.

По правде говоря, больше всего его раздражал в этом обычае храмы Милитты вид чужестранцев, прохаживающихся вместе с

ним вдоль веревок. Они не блистали ни достоинством, ни изяществом. Казалось, все они авантюристы, кочевники, разносчики, голодранцы из всех морских и речных портов. Совершенно очевидно, что они пришли сюда потому, что, по расхожему выражению, не имели ничего за душой. Их финансовое положение совершенно не позволяло им воспользоваться услугами роскошных куртизанок. Виетриксу показалось оскорбительным соседство этой голытьбы.

* * *

Он искал способ улизнуть так, чтобы его невежливое уклонение не было замечено, как вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Это был один из тех молодых людей в белых туниках, которые прислуживали в храме богини под руководством жрецов и поддерживали в нем порядок.

«Может, я нарушил какие-то обычаи?» — подумал Виетрикс.

— Иди за мной, — всего и произнес эфеб.

Виетрикс повиновался. Они вышли из большого зала и, миновав коридор, проникли в довольно симпатичные покои верховного жреца. Это был человек зрелого возраста с немного женственными чертами лица, туманным взглядом и чувственным ртом, который иногда трогала саркастическая усмешка.

— Мне приятно, что столь знатный чужестранец удостоил своим визитом храм, в коем я служу нашей богине. Поверь, Милитта будет довольна приношением, которое ты собирался ей сделать.

— О, для меня это большое удовольствие, — вежливо запротестовал Виетрикс.

Жрец покачал головой.

— Догадываюсь, что прекрасные дамы, собранные в большом зале для утехи малопривлекательных клиентов, не смогли удовлетворить тебя. Некоторые в тщетном ожидании нанимателя находятся здесь годами. Такая теснота! Если бы не уважение, которое мы испытываем к закону, обязывающему всех вавилонских замужних женщин…

— Всех? — переспросил Виетрикс.

— …хоть один раз прийти сюда, я давно бы уже прогнал старых ведьм. Если бы они дались! Думаю, некоторые обманным путем приходят сюда по нескольку раз. Чего мне от них ждать? Ничего. Чужестранец, который берет их, последний бедняк, несмотря ни на что, он не осмелился бы лично предложить кому-нибудь свои жалкие медяки! Я только что видел здесь одного из

тех, кто пришел из далекой восточной страны, которую называют Катай[62]: такой маленький совершенно желтый человечек с глазами-щелками. Он бросил бедной измученной женщине три или четыре медных монетки с дырочкой, которые они называют сапеками. На базаре за такие деньги ему не дали бы и зубчика чеснока! С подобными подношениями, сам понимаешь, я не могу содержать мой храм!

«К чему клонит старик?» — размышлял Виетрикс.

— И потом я не могу выставлять благородных городских матрон и молодых замужних женщин, которые очень некстати рассматривают священное служение храму Милитты как неприятную обязанность, всех хорошеньких женщин, влюбленных в свое тело, для общения с этим неопрятным сбродом.

— Но разве ритуал не предписывает строгого соблюдения равенства для всех женщин?..

— Хм, можно пойти на сделку с небом. Юный чужеземец, ты сбился с пути. Подобные тебе входят в храм не через главные ворота, а через потайной вход, расположенный с противоположной стороны… Я, в самом деле, очень доволен, что ты пришел… С тех пор, как войска Кира предприняли осаду, женщин прибавилось — прежде многие пренебрегали своим долгом, — а посетители стали редки. В моем храме больше нет достойных чужестранцев. И что же? Прекрасные девы, пришедшие сюда, чтобы совершить ритуал, и спешащие вернуться домой, не могут уйти ни с чем! Признаюсь тебе, поскольку ты мне кажешься человеком, умеющим хранить тайну и одаренным разумом: мне приходится в потемках самому играть роль, предназначенную чужеземцам.

— Но в этом нет ничего неприятного!

— Все может наскучить. В эти дни здесь много дам. Я уже и не знаю, куда бросаться. К тому же, если работа выполнена плохо, они недовольны. Они приходят угрюмые, а уходят разъяренные, если дело не выгорело! Ох уж эти противоречия женской души! Я бы предпочел мирно жить в маленьком сельском храме в обществе моего юного аколита[63], которого ты только что видел, и выращивать овощи…

«Еще один гомосексуалист», — подумал Виетрикс.

— Короче, благородный чужеземец, сейчас я ожидаю визита одной из самых значительных матрон города. Вот уже два дня, как она сообщила мне, что собирается нас навестить, и я приготовил для нее зеркальную гостиную… Это личность возвышенная и великолепная, прямо что твой первосвященник… Поручаю ее тебе…

— Я поистине сконфужен, — признался Виетрикс. — Не стоит

ли мне опасаться от этой знатной дамы грубого отказа, недоброго отношения, что могло бы смутить меня?

— Она подчинится ритуалу, не могу утверждать, что с удовольствием, но с величием и спокойствием в душе… Она, в самом деле, образованна. В ее салоне побывали все вавилонские философы, поэты и астрологи. Ей известно, по каким властным мотивам ей, пусть и всего раз в жизни, предписана проституция.

— Если я не выгляжу нескромным и не злоупотребляю твоим драгоценным временем, могу ли я узнать, каким образом этот обычай стал обязательным?

* * *

— Когда ты посетишь разные вавилонские храмы, поприсутствуешь на церемониях Бела и Иштар, ты непременно поймешь, в чем заключена первостепенная важность любовного соития. Мне уже случалось слышать, что лжепророки и свихнувшиеся умники едва ли не повсеместно пытаются задвинуть его значение на второй план.

Какова цена жизни? Тайна. Силы небесные и инфернальные делают нам разные подарки: хорошие и плохие, по большей части спорные. Откуда я пришел, куца иду — по правде сказать, я этого не знаю. Не будем обольщаться.

Знаю лишь, что любовь была дана нам в законное пользование, а больше ничего не знаю. Так что я основываюсь на этой данности. Другое удовольствие на здешний манер, удовольствие воинов, есть всего лишь усилитель вкуса, приправа к любви. Великие ассирийские цари — более жестокие, чем наши, — всегда убивали лишь для того, чтобы приготовить себе лучшие наслаждения, лучшие содрогания в глубине своих прекрасных гаремов. То же касается человеческих жертвоприношений, которые мы совершаем время от времени. Краснобаи расхвалят тебе чистые радости, сопутствующие бестрепетному убийству. Не верь им. Все в этом мире стремится к любовному содроганию. Волхвы за несколько мгновений продемонстрируют тебе это. Даже я, как бы пресыщен ни был, как бы ни износился мой разум за долгие годы служения культу богини, я по-прежнему отдаю должное единственной добродетели — любви.

Увы! Позволь мне это небольшое отступление, теперь уже не умеют заниматься любовью! Интеллектуальные заботы постепенно отвлекают цивилизованное человечество от этого важного занятия. Люди соединяются случайно, в спешке, не

задумываясь о гигиене, времени и положении звезд! Где то время, когда первосвященник с ножницами и раскаленным докрасна ножом лишал в первые дни жизни всех младенцев обоего пола признаков девственности? Ах, сколько труда требуется от нас, храмовых рабов, для поддержания некоторых традиций — обязательной проституции, сакральной оргии. Ремесло жреца Милитты с каждым днем становится все более неблагодарным!

Я ни в коем случае не хочу нападать на брак, достаточно недавний институт в Вавилоне, но сожалею об этой узости взглядов, которая усердно пытается запереть любовь в тесные границы. Брак необходим для продолжения рода, для равновесия возможностей, но сосредоточение на одном существе всей силы, имеющейся в каждом из нас, любви — оскорбление для божества. Взгляни на наших торговцев, наших чиновников, даже на наших знаменитых военачальников, наконец, на весь клан схоластов. Что за обыденность лиц, полное отсутствие восторга в глазах?! Слишком строгая семейная жизнь низвела до ничтожества их некогда возвышенную и великую душу!

Мужская и женская проституция должна существовать рядом с браком. Она поддерживает молодость, восторг. Она усмиряет эгоистичный нрав, опасный для брака, и в ответ одновременно заставляет полнее оценить радости домашнего очага.

Я ни в коем случае не подразумеваю здесь низкую проституцию, которая всегда таится, — увы, подобный опыт распространился уже по всему Вавилону на его погибель! — я говорю о проституции явной, при свете дня, о проституции, совершенно не утратившей своего традиционно религиозного характера. Да, в хорошо организованном государстве проституция должна быть религиозной и обязательной.

Именно нам, храмовым рабам обоих полов, была доверена священная обязанность поддерживать приношение любви. С юных лет мы отдали наше тело верующим. Вот почему сегодня ты видишь меня немного усталым. Мы служили в храмах, возведенных для любви, мы склоняли мужчин перед ослепительной обнаженной красотой наших жриц, а женщин — перед образами гигантских фаллосов. Мы всюду проповедовали слова любви.

Мы не хотели, чтобы кто-то мог сказать: «Этот человек принадлежит только мне!» Мы не хотели этого для его же собственного спокойствия, для спокойствия государства, для славы богини и блага будущего человечества! Сейчас женщина, известная своей добродетелью, придет отдаться в твои объятья. Подумай о том, как вдохновенно и точно исполнить свой долг, — так ты сыграешь благую общественную роль, предначертанную

законодателем. Вот малая зеркальная гостиная, оставляю тебя здесь. На столе прохладительные напитки. Не забудь только, для удобства и чтобы угодить чувствительности дамы, сразу передать мне положенное небольшое вознаграждение… О, эта сумма остается целиком на твое усмотрение!

Глава XIX
НЕСЧАСТЬЕ ЦЕЛОМУДРЕННОЙ СУСАННЫ

Пробуждение красивой вавилонянки. — Массаж. — Туалет. — Волосы. — Белила. — Платье. — Драгоценности. — Свойства камней. — Венок из цветов.

Вследствие своих многочисленных военных побед полководец Диносор занял один из важнейших постов в вавилонской администрации. Ни одна сделка не совершалась в городе, будь то продажа или сдача внаем, без составленных по надлежащей форме договоров. Взимаемые налоги по этим договорам были достаточно высокими, что гарантировало их исполнение. К тому же зачастую случалось, что заинтересованные в исходе дела крупные торговцы добивались необходимого им официального согласования и утверждения сделки при помощи звонкой монеты. Бывало также, что администрация получала то, что хотела, сразу от обеих сторон. Короче, должность начальника управления регистрации, занимаемая Диносором, была хлебным местом, надежным и весьма спокойным.

* * *

Прекрасная Сусанна Диносор, его супруга, в тот день пробудилась после сиесты в дурном расположении духа. Во время сна ее преследовали кошмары. Две рабыни, стоявшие по обе стороны ее инкрустированного изумрудами ложа из сандалового дерева, резко подняли свои опахала и неподвижно застыли в почтительных позах. Понемногу Сусанна пришла в себя и томно раскинулась на подушках во всей своей гибкой лучезарной наготе. Это была пышная женщина, которой, благодаря кропотливым заботам, каковыми она холила свою красоту, еще не коснулось приближающееся пятидесятилетие. Ее мощные груди, великолепный торс, роскошный живот, широкие бедра, тонкие щиколотки, маленькие ступни — все ее покрытое тончайшей золотистой кожей тело излучало красоту. Сумасбродный пушок выглядывал у нее из подмышек и внизу живота и превращался в руно, тщательно надушенное благовонием, которое специальный гонец, по требованию прекрасной еврейки, доставлял из

предместья Иерусалима. Ибо супруга полководца Диносора была еврейкой.

* * *

Приведя в порядок свои локоны, она потянула на себя — скорее из кокетства, нежели из стыдливости — бледножелтое покрывало в черный горошек и небрежно укутала им грудь и живот. Затем чеканным голосом, в котором слышались нотки дурного расположения духа, приказала одной из рабынь:

— Рахама, немедленно приведи ко мне Сахадрака. А ты, Гомер, подай зеркало.

Рабыни с поклоном поспешно бросились исполнять поручения.

Юная Гомер, девчушка с большими карими глазами, придвинула к ложу алебастровый столик на козлах, где были разложены мелкие предметы туалета ее госпожи. Взяв плотную шелковую ткань, она смочила ее прозрачным и тяжелым кунжутным маслом и, нежно облобызав ноги, подставленные ей Сусанной, принялась мягко натирать их благоуханной влагой. Приподняв бледно-желтое покрывало, ласкающими движениями она постепенно стала массировать тело госпожи. Проворными руками она мяла ее грудь, месила живот, колотила по бедрам восхитительного изгиба. По телу Сусанны пробегала легкая дрожь, и она ощущала, как ее покидает изнеможение, как возрождается в ней новая сила. Так что евнуха Сахадрака она приняла достаточно любезно.

* * *

— Сахадрак, — обратилась она к нему, — сейчас мне надо отправиться в храм богини Милитты. Мы с супругом решили, что нельзя больше откладывать эту церемонию. Грозные предзнаменования надвигаются на Вавилон. Я недавно виделась со своим соотечественником Даниилом, который, как ты знаешь, некогда помог мне в беде[64]. Он предрекает, что ничего хорошего от перса ждать не следует. Я же понимаю, что, подобно другим вавилонским женщинам, прежде пренебрегавшим поддержанием обычая, мне следует подчиниться требованиям веры моего супруга. Это не радует, однако через это надо пройти. Каково твое мнение? Следует ли мне нарядиться для церемонии? Мне кажется, что для того, чтобы удовлетворить прихоть какого-то

нищего бедолаги, достаточно будет обычного платья.

— Наоборот, я полагаю, что вы должны быть исполнены почтения к этой церемонии. Дело не в том, милостивая госпожа, чтобы легкомысленно заняться любовью (позвольте мне так выразиться). Это вовсе не мимолетная связь. Речь идет о воздаянии почестей самой богине любви.

— Ты прав, Сахадрак. Но пусть мои носилки укроют занавесями, а к моему возвращению подготовят ванну, где ты кроме благовоний растворишь все соответствующие гигиенические и магические средства. Я хочу, чтобы и следа не осталось от соприкосновения моей нежной кожи со шкурой уготованного мне случаем мужлана. Это все.

Совершив череду поклонов, евнух, пятясь, удалился.

Бледно-желтая ткань, которой царица прикрыла свою грудь, пока принимала слугу бывшего некогда мужского пола, снова была снята. Встав, Сусанна потянулась. Ее крепкие суставы захрустели, конечности удлинились, ягодицы напряглись. Какое-то мгновение она разглядывала себя в зеркале, затем, удовлетворенная, отдала приказание приступать к туалету.

Она уселась на стул из драгоценных пород дерева, и Гомер принялась расчесывать ее шевелюру. Черные волосы госпожи были такими нежными, что, казалось, ласкали приглаживающую их руку. Из крошечного рубинового флакона рабыня капнула себе на ладонь несколько капель чистого фиалкового масла, которыми умастила руки. Затем частым гребнем она стала отделять пряди, которые одна за другой укладывались локонами на затылке Сусанны.

После этого рабыня открыла украшенный изображениями эротических сцен алебастровый ларчик с тушью, белилами и румянами. При помощи кисточек она сначала подкрасила голубым веки своей госпожи, удлинив их капелькой черной туши. Потом, подрумянив лицо приглушенными тонами, она коснулась уголков губ и глаз, шеи, сосков, низа живота и бедер кисточкой с краской того редкого пурпурного оттенка, который можно обнаружить только в Халдее.

Тем временем Рахама обула Сусанну. Сандалии с задниками закрывали только пятку. Золотой обруч, охватывающий большой палец, вместе с завязывающимися на щиколотке шелковыми тесемками поддерживали подошву. Потом она облачила госпожу в длинную белоснежную льняную тунику, спадающую до пят и заканчивающуюся золоченой бахромой, но оставляющую обнаженным правое плечо и грудь. Даже слегка накрахмаленная, эта туника позволяла различить формы женского тела. И наконец Сусанна надела расшитую лиловыми жемчужинами парчовую

накидку в черно-желтую полоску.

* * *

Из глубокой яшмовой чаши с металлическими инкрустациями рабыни достали украшения. Гомер надела госпоже золотые серьги в форме мальтийских крестов, а Раха-ма нанизала на ее щиколотки увешанные драгоценными камнями золотые обручи. На запястьях зазвенели широкие браслеты с изумрудами и бриллиантами. Потом из шкатулки, которую охранял евнух, извлекли великолепное ожерелье из розового жемчуга, и Сусанна приказала обвить им свою шею. Это было уникальное изделие, которое она вынимала из шкатулки лишь по особым случаям. Она приобрела его при посредничестве некоего Соломона из Иерусалима у другого своего соотечественника по имени Мейер, который воспользовался пленением, чтобы открыть в Персидском заливе предприятие по добыче жемчуга. Сусанна, грешком которой всегда было кокетство, не знала сна, пока Диносор не приобрел ей это ожерелье. В конце концов полководец согласился. Чего уж, в итоге тратятся-то всегда налогоплательщики!

* * *

Бесчисленными перстнями Сусанна унизала свои пальцы. Авантюра, в которую она собиралась пуститься, была рискованной. Она знала свойства камней и рассчитывала обезопасить себя от любого непредвиденного обстоятельства во время любовного свидания в храме Милитты.

Поэтому она взяла аметист, выводящий яды и противостоящий винным испарениям: ей вовсе не хотелось иметь дело с пьяницей; рубин, предохраняющий от воздушной инфекции, изгоняющий из сердца тоску, а главное, призывающий к умеренности: никаких излишеств в подобном случае; коралл, останавливающий кровь и влекущий ко сну: что может быть лучше, чем забыться в объятиях простолюдина; изумруд, позволяющий избежать прилива крови, особенно в самый решающий момент; и, наконец, бриллиант, много бриллиантов, бриллиантов чистой воды, которые укрепляют сердце и предотвращают беременность: вот что было бы настоящей катастрофой!

* * *

Туалет наконец был окончен, и рабыни преклонили колена в некотором отдалении от своей госпожи. Они проверяли, все ли в порядке и нет ли лишних складок. Сусанна же вновь погрузилась в свои мысли. Столько прекрасных средств, чтобы понравиться какой-то деревенщине!

— В путь! — властно приказала она.

* * *

Усевшись в носилки, она велела отправляться к храму. Диносор тем часом был на службе.

Приняв твердое решение, что его супруга продастся чужестранцу, он предпочел воздержаться от любых излишних, если не нелепых, рассуждений.

Он должен был делать вид, будто не знает, где проведет день его прекрасная Сусанна.

Полководец Диносор гордился тем, что принадлежит к древнему роду и обладает определенными манерами. К тому же он состоялся и как государственный чиновник.

Сусанна остановила носилки лишь однажды — возле торговца цветами, славящегося самым богатым выбором. Она потребовала венок из полевых цветов и листьев. Хорошенькие цветочницы расстарались и очень быстро сплели ей прелестную диадему. Она с удовольствием посмотрелась в зеркало, но, когда носилки снова двинулись в путь, из цветочной лавки послышался смех.

— Пусть тело не такое уж молодое, — говорили девичьи голоса, — зато цветы свежие. Богиня Милитта останется довольна!

Сусанна сделала вид, что ничего не слышала, но в гневе плотно задернула занавески своих носилок.

Глава XX
ПРИНОШЕНИЕ БОГИНЕ ЛЮБВИ

Вавилонская порочность. — Зеркальная гостиная. — В темноте. — Обращенная Сусанна. — Неожиданный случай в ванной. — Осуждение за супружескую измену. — Вмешательство Данишла. — Оклеветанная Сусанна. — Рынок невест. — Непомерно высокая цена. — Торжество Сусанны. — Торги.

В тот день суровые намерения Сусанны не могли противостоять любовному настроению и крепкому объятию Виетрикса. На протяжении всей своей военной карьеры ее муж Диносор вел распутную жизнь. Под небесами всех стран он посещал опытных куртизанок и занимался тем видом сексуального извращения, который был в моде в Вавилоне. Будучи уже в преклонных летах, ибо он принимал участие в большинстве походов Навуходоносора, в те редкие дни, когда полководец делал честь ложу своей супруги, он нуждался в кое-каких вспомогательных средствах. Он объедался снадобьями и заботился о том, чтобы Сусанну подготовили по его примеру молоденькие египетские и еврейские рабыни. В аристократических кругах Вавилона любовь теперь разыгрывалась лишь как гамма возбуждающих ощущений, как череда едва заметных касаний, вопреки нормальным способам, отмеренным природой. Из объятий бравого вояки Сусанна выходила скорее разбитая, нежели ублаженная.

* * *

С первого взгляда зеркала парадной залы ее не удовлетворили, она посчитала это помещение недостойным ее положения и обратилась к священнику с несколькими резкими упреками. Уж не принимают ли ее за проститутку, чья обязанность — возбудить клиента? Если этот чужестранец недоволен, тем ему хуже! Она выбранила обстановку, состоящую из дивана, двух скамеечек, пристенной статуи доброй богини Иштар и напротив нее — фаллического символа во всей красе.

Она потребовала темноты, но когда акт состоялся, желание немедленно уйти покинуло ее. В объятиях молодого и сильного мужчины ее воля ослабела, и она в свою очередь, как могла, вернула ему его ласки. Теперь она попросила открыть окно,

выходящее в сад, и, удобно устроившись на диване, долго расспрашивала любовника. Когда мужчина удовлетворил женщину, ее все в нем интересует, но, будь он хоть гений, до этого — ничего.

Присев на краешек дивана, Виетрикс поведал ей о своих приключениях, а Сусанна сладострастно обвилась вокруг него. Ее мощные бедра, ее обильные, но всегда твердые груди бесконечно отражались в умело расположенных зеркалах. Взяв любовника за руку, она рассеянно старалась отвлечь его от рассказа. Добрая богиня Иштар и фаллос взирали на эту семейную сцену.

Виетрикс в свою очередь тоже задал ей несколько вопросов, касающихся ее жизни.

* * *

— Я еврейка, — сказала она ему, — но родилась в вавилонской земле. Совсем молоденькой, я, бедная сирота, невинная и робкая, — меня прозвали целомудренной Сусанной, — вышла замуж за человека моего племени по имени Иоахим. Он был святой и еще больше, чем я, сдержанный в вопросах любви, опасаясь, разумеется, пугающего зова плоти, против которого вот уже пятьдесят лет один пуще другого завывали наши пророки; он уважал меня и даже позабыл лишить девственности.

Известие об этом разнеслось по стране, и все холостяки Израиля и Иудеи, молодые хлыщи и богатые старики не упускали случая приударить за мной. Они подглядывали, выслеживали меня, как добычу, которая в один прекрасный день попадется им в лапы.

Однажды в сильную жару я решила искупаться в водоеме, расположенном посередине фруктового сада, примыкающего к нашему дому. У Иоахима было кое-какое имущество. Я послала своих рабынь за маслами, благовониями и мазями, необходимыми для моего туалета. О, в те времена он был совсем прост! Правда, я холила себя только ради себя самой, а это — одно из сладчайших наслаждений для очень молодых женщин. Я приказала рабыням запереть дверь в ограде сада.

Уже ощущая, как мои члены восхитительно погружаются в воду, я внезапно услышала как будто шорох листвы. О ужас! Среди широких пальмовых листьев я разглядела одновременно четыре блестящих глаза, потом два старческих лица, сведенных страшной судорогой. Ах, негодные! Возмущенная, я рванулась за своей одеждой, стараясь скрыть от их глаз руками свои женские

прелести. Но старцы направлялись ко мне. Туг я узнала их: это были два старейшины общины, уполномоченные судить наши проступки и правонарушения с высочайшего одобрения вавилонского правительства.

— Здесь никого нет, — сказал мне один из них. — Дверь крепко заперта. Сусанна, мы оба любим тебя, отдайся нам!

— Оба! Ну вы и хватили! Если бы я захотела изменить своему супругу, — произнесла я, смеясь и плача, — так уж с кем-нибудь посвежее вас. Давайте-ка, идите отсюда.

Мне удалось схватить тунику.

Но они, похоже, задумали что-то недоброе.

— Если ты не хочешь нам отдаться, мы так устроим, что ты будешь ославлена. Подумай, еще есть время.

— Уходите! — и я закричала во весь голос.

Туг они сами распахнули дверь и еще громче, чем я, стали звать прохожих, моего мужа, прислугу.

— Отсюда только что вышел молодой человек, с которым эта женщина совершила преступление блуда и прелюбодеяния! Мы свидетельствуем! Она должна умереть, таков закон. Кстати, мы судьи. И приговариваем ее к смерти!

Ах, что за скандал! Все — и мои друзья, и мои обожатели, и толпа — были в восторге: целомудренную Сусанну застали на месте преступления!

Меня отвели в тюрьму. Иоахим был ошеломлен и не нашел, что сказать в мою защиту. Быть может, мужчина, верность которому я хранила, несмотря на его непригодность к любовным ласкам, действительно поверил, что обманут!

Я уже начинала сожалеть о своей бессмысленной верности.

Я ожидала своей участи в тюрьме, когда на третий день случилось странное происшествие. Молодому человеку по имени Даниил, который ухаживал за мной, но которого я едва замечала, удалось добиться от окружения царя Навуходоносора, куда сам он входил в качестве ученика волхва, и, как говорили злые языки, наложника, чтобы ему было дозволено допросить обоих старцев. Два седобородых старейшины, допрашиваемые сосунком, — можешь себе представить, какая бестолковщина царила при дворе этого великолепного Навуходоносора?!

Даниил привел их в замешательство, поочередно задавая каждому вопросы о деталях происшествия. Ему удалось сбить их с толку… Так или иначе его правоту признали хотя бы уже потому, что по своему положению он был более влиятельным. Народ оправдал меня, и смертный приговор моим обвинителям, согласно закону Моисея, был произнесен при всеобщем одобрении.

Меня бы не предали смерти. Приговор был чистой видимостью. Все, кого смущала моя добродетель, были бы глубоко опечалены при виде того, как меня казнят: не из-за моей кончины, а потому что желали совершить более изощренную месть.

Так что я отказала двум богатым, влиятельным людям, которые честно вознаградили меня за доблесть моей невинности.

Я кричала, устроила скандал, понадеялась на добродетель своих соотечественников, как на свою собственную. Я была молода.

Старцы, как положено, вскоре были помилованы и даже восстановлены в своих должностях. Они тут же приобрели самоуверенный вид, намекая, что совершенно не защищались, а просто хотели спасти меня! Разумеется, я им буду очень признательна. Может, я даже уже отблагодарила их! Мы были заодно!

Что касается Даниила, всем было очевидно: он тот самый молодой человек, что бежал из сада. Мол, как я была права, выбрав любовника, вхожего в окружение царя и, уж во всяком случае, опытного в любовных делах!

Тем, кто не был настроен против меня, мое дело представлялось сложным. Мужчины, что бы они ни сделали, всегда правы, а женщины — виноваты. Это, и вправду, выглядело немного досадно: девушка, сирота, жена Иоахима, лучшего из мужчин, попала в такую историю!

Вскоре уже меня оскорбляли на улицах женщины и дети. Иоахима, ничем не заслужившего этого, прозвали рогоносцем. Его родня стала настраивать его против меня.

Так что он пришел к выводу, что с тем или с другим, но я непременно должна была изменить ему. Эта мысль укоренилась в его мозгу. И, в конце концов, он со мной развелся.

У меня была недобрая слава в еврейском квартале. Проявление моей добродетели, моя оскорбленная невинность, а также красота стоили мне всеобщей ненависти. Изнасилованная тысячу раз, очерненная всякими способами, женщина должна молчать, всегда молчать! Скажу больше: она должна предпочесть скандалу бесчестье!..

* * *

Мне было тогда двадцать лет. И я в свою очередь тоже решила мстить. За себя. Я уехала. Покидая кварталы моих отцов, я отрясла их пыль со своих сандалий. И больше никогда туда не

возвращалась.

Шел месяц шват, пятый месяц нашего календаря. Я решительно отправилась на рынок невест, который в то время пользовался большим спросом, чем теперь.

На длинном возвышении в ряд сидело около сотни девушек, прикрытых легкой тканью, которую они готовы были сорвать, чтобы представить свою девственную наготу на рассмотрение публики. Ибо все продававшиеся там девушки по достижении половой зрелости должны оставаться девственницами. Два жреца и городской чиновник, все трое давшие присягу, были готовы тщательно проверить наличие этого редкостного достоинства. Так официально удостоверялось свидетельство честности, высоко ценящейся в Вавилоне. Их было немного, девушек, которые могли претендовать на получение подобного свидетельства. А молодые люди из лучших семейств, самые завидные партии города, предпочитали прийти за супругой на этот рынок при свете дня, а не под неверную сень частного дома. То есть я хочу сказать, что все, что есть знатного в Вавилоне, и толпы любопытствующих, среди которых немало евреев, в тот день присутствовали на торгах.

Тебе известно, как это происходит. В установленном порядке два оценщика, из которых один избран среди художников, а другой — среди храмовых рабов, девушек вызывают и осматривают, начиная с самой красивой и до самой уродливой. Красивых покупают: уплаченная цена частично остается в их собственности или у их семьи, а частично служит в качестве приданого уродливым девушкам, которые без такой компенсации не смогли бы найти покупателя.

После осмотра и изгнания сомнительных девственниц нас на возвышении оставалось более двух сотен. Это были главные торги года.

Я скромно сидела под покрывалом, решив терпеливо дожидаться своей очереди. И размышляла о том, как поступили бы мои соотечественники, и патриархи, и золотая молодежь, и сам мой бывший муж, немощный Иоахим, ныне холостой, если бы они пришли сюда в надежде на возможное приобретение и увидели, как встает с неоспоримым и новехоньким свидетельством девственности та, которую они считали куртизанкой.

Распорядитель торгов принял из рук городского чиновника составленный по всем правилам и проверенный список. Среди присутствующих и на нашем возвышении воцарилась тишина. Я заметила, что в этот момент добрая половина моих товарок была готова встать и отбросить покрывало.

Однако они были разочарованы, потому что распорядитель торгов звонким голосом прокричал в толпу мое имя, имя безвестной бедной девушки:

— Сусанна Элиакинс!

Ах, когда мне не было двадцати, эти ноги были столь прекрасны, эти бедра — столь нежны, эти грудки — столь гладки!

— Но я по-прежнему нахожу их превосходными, — воскликнул Виетрикс. — И вот доказательство!

Рассказ был прерван на четверть часа…

— Таков ритуал Милитты? — только и спросила изнемогающая Сусанна.

— Плевать мне на это! — отвечал Виетрикс, уверенный, что его любовница в такой момент не будет протестовать против кощунства.

* * *

— Так вот, когда было произнесено мое имя, — продолжала Сусанна, — я тотчас поднялась, сбросила покрывало и обнаженной предстала перед несколькими тысячами зрителей. Да, я — та, которую суд и мои соотечественники лицемерно осудили за то, что при купании меня видели двое старцев, — предстала обнаженной перед всеми, обнаженной при свете дня, упоенная сознанием своей невинности, гордая своей девственной красотой!

Ропот восхищения, который, признаюсь, приятно пощекотал мне кожу, разнесся над толпой.

Тем временем кто-то уже предложил пять мин золота. Ему ответил другой, и, к своему великому изумлению, я узнала голос Иоахима, моего бывшего супруга. Глупец теперь осознал свою ошибку, но было слишком поздно!

«Шесть, семь, десять, двенадцать мин…»

Иоахим умолк. Все его состояние уже не позволило бы ему продолжать торговаться за обладание этим телом, которое прежде он имел бесплатно и которым пренебрег. От собственного бессилия он пришел в ярость. Ах, как это по-мужски!

Между тем его место заняли другие израильтяне, все мои хулители и даже оба старца. В толпе они держались вместе, советовались, пытались объединиться. Я и сейчас их слышу: во имя их религии, бога Израиля нельзя допустить, чтобы дочь их народа стала женой неверного. Ах, добрые апостолы!

Цены стремительно росли. Я по-прежнему стояла обнаженная и как будто ничего не видела.

«Двадцать, двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь мин».

«Тридцать мин!»

Возникло короткое замешательство.

«Тридцать мин! — повторял распорядитель. — Ну же! Господа! Это стоит дороже, — даже позволил он себе добавить. — Тридцать мин золота! Я сказал: тридцать мин золота. Кто справа? Кто слева?»

«Тридцать мин и два таланта», — прошептал какой-то хитрый голос. Это произнес мой соотечественник Ро-скильд — Роскильд, великий ростовщик!

«Тридцать одна мина золота!» — снова вступил предыдущий участник, красивый мужчина в расшитой белой тунике и с позолоченным шлемом кавалерийского военачальника на голове.

Его имя было у всех на устах. Это был знаменитый Диносор, только что прославившийся своими западными походами. В награду Навуходоносор, говорят, подарил ему три или четыре городка.

«Тридцать одна мина и два таланта!» — это снова Роскильд.

«Тридцать две мины», — парировал Диносор.

«Тридцать две и два таланта!»

«Тридцать три!»

«Тридцать три и два таланта!»

Все, затаив дыхание, следили за поединком между двумя мужчинами: старым богатым барышником и полководцем, известным своими победами. Цифры и впрямь были значительные!

«Тридцать пять мин», — продолжал Диносор. «Тридцать пять мин и два таланта».

«Тридцать семь мин».

«И два таланта».

«Сорок мин». «И два таланта!»

«Сорок пять мин!» — выкрикнул Диносор, как если бы скомандовал лучникам дать залп.

Роскильд какое-то мгновение колебался. Стояла поразительная тишина.

«Сорок пять мин и один талант!» — наконец вымолвил он.

Из экономии он даже при таких высоких ценах не захотел прибавить два! В толпе раздались смешки.

«Пятьдесят мин!» — произнес Диносор тоном отчаявшегося человека, готового все потерять.

В этот момент я задрожала. Я задрожала, признаюсь. Попасть в объятья мерзкого подагрика и его банды! Какая гадость!

Но его старческая страсть, разумеется, не выходила за рамки

пятидесяти мин золота — вот так удача!

Я была присуждена полковадцу Диносору…

* * *

Так вот. Я счастливо жила у своего супруга, который, добившись славы, вскоре добыл и деньги. Ему пришлось выбивать подати из своих владений, чтобы оплатить мой выкуп, и продавать их обитателей как рабов; однако вскоре он получил превосходное место начальника управления регистрации, на котором мирно состарился.

Теперь я знаю, что так же глупо сомневаться в тех, кто вас любит, как и в тех, кого вы любите. Я знаю, что следует избегать скандала и не выставлять своей добродетели.

Диносор тоже жил счастливо. Если порой, с тех пор как его прекрасные способности пришли в упадок, у меня и бывали любовники, он ничего о них не знал или делал вид, что не знал. Я не захотела мстить своим соотечественникам. Я лишь изредка вижу Даниила, чья судьба оказалась в чем-то схожа с моей. А два старца, если, конечно, они еще не умерли, теперь уже забыли целомудренную Сусанну. Впрочем, я теперь и не целомудренная Сусанна.

* * *

Спускалась ночь. Прекрасная рассказчица лежала на спине головой на подушках, раздвинув ноги так, что одна небрежно свисала с дивана, а другая покоилась на могучем фаллическом символе. Последние лучи заходящего солнца освещали ее груди…

Виетрикс взглянул на позу любовницы, законной супруги господина начальника управления регистрации: действительно, она уже не была целомудренной Сусанной.

Глава XXI
ЧЕРНАЯ МАГИЯ И РЕЛИГИЯ

Осада Вавилона. — У волхва. — Божества преисподней. — Юго-западный ветер. — Битва добрых и злых демонов. — Семь грозных ануннаков. — Верховные божества. — История рыбы Оаннес. — Плохие сны. — Дурные предзнаменования.

Ходившие по городу слухи не были ложными. Кир со своим войском действительно только что осадил Вавилон. Повсюду было объявлено военное положение, установлен контроль над перемещением населения и продовольствия. Однако в огромном орошаемом Евфратом городе, предместья которого могли прокормить его обитателей, подобное было заранее предусмотрено.

Так что жизнь Виетрикса почти не изменилась. Он не испытывал досады от того, что ему, возможно, придется увидеть настоящую войну. Войска Кира обладали отменным вооружением и сложными стенобитными машинами, которые можно было увидеть с городских укреплений. Виетрикс очень надеялся избежать бойни, которая логично последует за взятием города в том случае, если персидский царь победит, что вовсе не столь очевидно — Нафтали под страшным секретом поведал галлу, что у евреев имеются связи с лагерем персов.

* * *

Ма-Шану, Ди-Сору и Поладамастору события виделись не в столь благоприятном свете. Друзья подозрительно относились к военным баталиям, придававшим большую значимость полководцам и умалявшим их собственную.

И вот однажды они вместе с Виетриксом пошли к волхву, чтобы галл расспросил того о свастике, а они — о новых предсказаниях.

Вопрос Виетрикса странно подействовал на раздражительного волхва.

— Я не могу, я не должен, — только и повторял он.

— Как это понимать? — спросил Виетрикс Ма-Шана.

— Этот знак не из области его знаний. Он даже не хочет вникать. Те божества, с которыми он имеет дело, — низшие боги, демоны преисподней, — по всей вероятности, отвергают его. И

ему приходится прибегать к различным уловкам, вступая с ними в переговоры, хотя зачастую он противится им…

— А могу ли я узнать, о каких божествах идет речь?

* * *

— Наши низшие божества, — начал Ма-Шан, — это несчетное множество по большей части невидимых существ. Они распределены по родам, племенам и государствам во всей вселенной. Каждое из этих существ ограничивается одной функцией, одним ремеслом, которому они — верные слуги своих старейшин или царей — предаются с неустанным рвением. Большинство же из них при этом, увы, исполняет свою обязанность с неизбывной ненавистью.

Полная тьма не сдерживает их, несмотря на все усилия добрых богов запереть этих низших существ в клетки. Галла, маскимы, ала, утукку и сотни других[65] свободно блуждают по свету, отравляя воздух своим смертоносным дыханием. Давным-давно они взяли власть над опасным аравийским ветром, юго-западным ветром, что поражает не только людей и животных, но также пажити, пастбища, деревья. Духи лихорадки и безумия проникают в накрепко запертые дома. Чума с большими черными крыльями порой пролетает над ликующей толпой. Домовые селятся в очагах, водяные бродят над болотами, упыри поджидают путников в пустынных местах, по ночам не нашедшие покоя мертвецы встают из своих могил и украдкой залезают в постели живых, чтобы пить их кровь.

— А их кто-нибудь видел? — поинтересовался Виетрикс.

— Согласно мнению жрецов, никто не мог бы увидеть их, не впав в оторопь. Я, например, признаюсь, что не встречался с ними, однако многоуважаемый волхв, вероятно, имел такую возможность. Некоторые божества покрыты рыбьей чешуей, у других птичьи лапы, бычий хвост и несколько пар крыльев, у кого-то голова льва или грифа, гиены или волка.

* * *

— Мне знаком юго-западный ветер, — промолвил между тем волхв. — У него туловище старого пса, а ноги опираются на две мощные орлиные лапы; к его вооруженным острыми когтями рукам прилажены четыре крыла, из коих два ниспадают сзади, а два других подняты вверх и обрамляют его голову. У него хвост

скорпиона, лицо человечье с огромными круглыми глазами, широкими бровями, впалыми щеками, большим красным ртом и трясущимися челюстями, а его низкий лоб украшен козлиными рожками.

— Вот уж поистине несимпатичный портрет!

— Юго-восточный ветер столь уродлив, что, случись ему встретиться с собственным изображением, он в ужасе бежит, — заметил Ди-Сор.

— А хорошие боги разве между собой не воюют? — поинтересовался Виетрикс.

— Только этим и заняты. В общем, они тоже чудовища, только приятной наружности: грифоны, крылатые львы, люди с львиными мордами и прекрасные быки с человечьими головами — эти ламассу[66] в митрах на голове, которыми ты мог восхищаться у дворцовых ворот. Это война без перемирия, нескончаемая война, огонь которой никогда не угасает. Но вот о чем я думаю: ночь прекрасна, это место очень привлекательно — пусть поэт Ди-Сор перечитает нам что-нибудь из своих героических строф о войне низших божеств.

* * *

Ди-Сор на мгновение сосредоточился, затем начал на минорный лад:

— Там, вверху, они воют, здесь они подстерегают нас,

Они гигантские черви, сорвавшиеся с неба, Мощные черви, чьи вопли разносятся над городом, Они опрокидывают потоки воды с неба, Они сыновья, вышедшие из чрева земли, Они венком обвиваются вокруг колонн,

Они движутся из дома в дом,

Дверь не останавливает их, засов не отталкивает;

Они, точно змея, проползают под дверь,

Они проникают, как воздух, сквозь щели в ставнях,

Они отвлекают супругу от объятий супруга,

Они срывают дитя с колен матери,

Они выманивают простаков из дома,

Они — это угрожающий, преследующий повсюду глас!

Поэт умолк. Луну закрыло облако. В небольшой комнате потемнело. Внезапно волхва словно бы сотрясло судорогой. Его тело дрожало, а изо рта, очерченного покрытыми пеной губами, обрывками разнеслось:

* * *

— У пятерых ануннаков земли тела львов, тигров и змей.[67]

Шестой был ураганный ветер, который неподвластен ни богу, ни царю.

Седьмой — это вихрь, злобный порыв, сокрушающий все.

Их семеро, разрушителей небес!
Семь! Семь! Их семь в глубине пропасти,
Они ни женского, ни мужеского пола,
Они не плодятся.
Они не слушают ни молитвы, ни мольбы.
Семь! Семь! Их семь в глубине пропасти.
Словно дикие лошади, они увидели свет в мрачных горах.
Они недруги Эа[68],
Они злые, злые,
И их семь, их семь
В глубине пропасти, их семь!

* * *

— Успокойтесь, милейший жрец, — сказал ему Ма-Шан, — успокойтесь.

Вид волхва и впрямь сделался ужасным. Черты его исказились. Его члены содрогались в такт его словам. Придет ли он в себя?

Но он внезапно вытащил из складок одеяния небольшой ларчик, достал из него какую-то пилюлю и проглотил.

— Ничего страшного, — молвил он. — Можете продолжать.

И верно, благодаря волшебному снадобью его лихорадка, ко всеобщему удовлетворению, прошла.

* * *

— Полагаю, это число семь играет значительную роль в вашей божественной иерархии?

— Как правило, высшие боги имеют в своем распоряжении семерых других, низших. На первом уровне, впрочем, их всего трое, ведущих свое происхождение от верховного бога Илу. Эти трое — Ану, Бел и Эа — боги солнечного неба, земли и воды. Другие определяют их по-иному, но меня устраивает такая иерархия. То, что мы считаем божеством, является также эманацией других божеств. В Беле мы почитаем жизнь, а следовательно, дающее всякую жизнь на этой земле солнце; мы поклоняемся также системе планет и звезд, назначение которой

исследовали наши ученые; мы также почитаем то, что поглощает светила, начало и конец.

* * *

— А какова эта рыба Оаннес[69], имя которой я столько раз слышал?

— Рыба Оаннес — это воспитательница людей. Она жила в Персидском заливе, выходила по утрам и беседовала с теми из своих собратьев, которые уже перестали быть земноводными. Именно она, чудесно образованная, привила людям тягу к литературе, искусству, науке, геометрии, культуре — в общем, всему тому, что мы зовем цивилизацией. По вечерам она возвращалась к себе и засыпала под водой. Да, мы были воспитаны рыбой.

Оаннес была обожествлена, она покровительница Ниневии. Однако я полагаю, что этот миф, относящийся к далеким от нас тысячелетиям, означает, что наша человеческая раса вышла из моря. Первая жизнь, которую породил Бел, наше всемогущее солнце, — это жизнь в океанских глубинах. Она развилась, рыба стала земноводным, а земноводное — человеком. История об Оаннесе — это символ.

* * *

— Ну, как дела? Все в порядке? — Ди-Сор похлопал волхва по плечу. Тот, казалось, все еще находится во власти дурных мыслей.

— Совсем не в порядке.

— А почему?

— Времена трудные. Вы же знаете, что происходит. Мы в осаде, и каждый день приносит мне все худшие предзнаменования относительно участи Вавилона.

— Неужели осада плохо кончится? — вежливо поинтересовался Виетрикс.

— Увы! Дурные сны. Ко мне непрерывной цепью тянутся люди, желающие пожаловаться и попросить магические пакетики, чтобы вечером положить их под подушку. Вы, разумеется, знаете основные неблагоприятные сновидения?

— Нет. А поскольку я сам порой страдаю кошмарами, я был бы счастлив…

* * *

Жрец на некоторое время задумался, затем начал протяжно и монотонно напевать, а Ма-Шан и Ди-Сор отбивали ритм, хлопая в ладоши:

— Если во сне увидеть собачье мясо под своей правой ногой…

Если во сне увидеть звериный коготь под своей правой ногой…

Если во сне увидеть собачье мясо под своими обеими ногами…

Если увидеть дохлую собаку…

Если приснится, будто падаешь со столба…

Если женщина во сне увидит пса, приближающегося к ней, чтобы завладеть ею…

Если мужчина во сне увидит пса, собирающегося помочиться на него…

Если увидеть во сне входящего в царский дворец желтого пса…

* * *

— Все это плохо, очень плохо, — добавил волхв, похоже, вошедший в транс и все ускоряющий ритм своего перечисления.

— Честно сказать, все эти псы не говорят мне ничего стоящего, — не отставал Ма-Шан.

— Я рассмотрел внутренности некоторых животных. Прискорбно, милейший Ма-Шан, прискорбно! Кишки осла закручены вправо, черные с синим отливом! Женщины производят на свет детей без ушей! Дым над пламенем тянется в противоположную сторону! Наконец, я налил воды в пророческую чашу, я воздел над ней руки — и ни единого мирного шепота не вознеслось к моим ушам! Ах, берегитесь! Берегитесь! Вавилоняне! Над вами рок!

После этих печальных слов визитеры ретировались. Виетрикс был очень взволнован. Но он не получил никаких новых сведений относительно своей знаменательной свастики! А в столь смутное время заваленные работой жрецы не имели ни минуты на поиски утраченных толкований.

Но странное дело, с некоторых пор он уже не имел такого острого желания искать родившуюся под знаком свастики женщину. Дома порядок, кухарка, несколько друзей — и так неплохо…

Глава XXII
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ БЕЛУ

На крепостной стене. — Прогулка сладострастных рабынь. — Храм Бела. — Возлюбленные бога. — Главный зал храма. — Инвеститура царей. — Статуя Бела. — Появление Валтасара. — Жертвоприношение животных. — Мужчины и женщины. — Отбор мальчиков и девочек. — Жертвоприношение девственности.

Шли месяцы осады. Валтасар, долгое время сохранявший беззаботность, наконец, понял, что дело приняло серьезный оборот и что Кир не откажется от своих замыслов. В городе уже давал себя знать голод, распространялись заболевания.

На самом деле, за крепостными стенами день и ночь велись работы. Поговаривали даже, будто Кир предпринял попытку изменить течение Евфрата, повернув русло к старому озеру, чтобы его войска могли войти в город, не замочив ног.

К осаде привыкли. По вечерам вавилоняне прогуливались по городским стенам, обмениваясь с осаждавшими шутками или оскорблениями.

Только что начался праздник Сакака. Валтасар принял решение придать ему особенный характер. Известно, что во время этого праздника рабы в течение пяти дней живут с иллюзией свободы. В каждом дворце, в каждом роду одного из них даже нарекают господином и ненадолго коронуют. На пятый день, правда, по обычаю несчастного, которого непрекращающиеся оргии успевали убедить в собственной власти, убивают.

На сей раз в городе праздновали эти дни, как никогда великолепно. Жители торопились развлекаться. По приказу Валтасара каждый вечер прекрасные обнаженные девушки с песнями и плясками прогуливались по крепостным стенам, возбуждая бессильную похоть давно лишенных комфорта, пропитания, а главное, любви солдат Кира. Им даже был приказ убрать оружие, так что они были вынуждены тайно пускать стрелы в бесстыжие создания, которые с высоты укреплений обращались к ним с непристойными жестами.

Виетрикс много времени проводил у себя дома. Два или три раза он попытался сломить сопротивление Ануке, но безуспешно. При этом из самолюбия ему не хотелось брать ее силой. Либо он забудет, как ее зовут, либо, в конце концов, она добровольно отдастся ему!

Тем временем он решил взглянуть на торжественное

жертвоприношение в храме Бела и великий пир, который Валтасар давал в последний день праздника Сакака. На этот пир Виетрикса пригласили по просьбе Меретсара.

* * *

Храм Бела, бога всемогущего, эманации Анона, Бела, бога солнца, дающего жизнь, Бела, символизирующего оплодотворение, Бела, мужского божества, располагался в центре Вавилона. Виетрикс посетил его, едва приехав в столицу.

Посреди широкой ограды, куда вели бронзовые ворота, возвышались башни. Внизу, с каждой стороны квадрата, можно было насчитать не меньше четырехсот шагов. Семь этажей и вершина вознеслись на колоссальную высоту. Наверху, в безмятежности небес, на площадке, которую было видно по всей долине Евфрата и куда вела винтовая лестница, находилась небольшая часовня. А в ней — золотой стол и ложе.

Там должна была провести ночь женщина, обещанная Белу, кем бы она ни была. Иногда эта обязанность возлагалась на жриц. В ожидании, что бог соблаговолит явиться, они молились, распростершись обнаженными в любовных позах возле стола. В этом месте было запрещено зажигать свет, и женщина должна была отдаваться сакральным ласкам, не пытаясь разглядеть черты божественного возлюбленного, таким образом оказавшего честь ее ложу. И лишь когда он уходил, она поднималась, совершала омовение, а затем, стоя на коленях под огромным усеянным звездами небом, благодарила бога-породителя, соблаговолившего свершить над ней акт жизни.

На самом деле всем было известно, что жрецы, представители Бела, каждую ночь проникали в маленькую часовню. Хулители общественного порядка не упускали возможности уличить их в подлоге. Самые резкие критические высказывания появились, когда верховный жрец храма Бела попросил заменить храмовых рабынь на замужних горожанок, по возможности самой привлекательной наружности. Ди-Сор, в то время исповедовавший атеизм, по этому случаю даже сочинил сатиру, имевшую некоторый успех: черт побери, эти господа жрецы потрепанной плоти затасканных жриц любви предпочитают свеженькие тела замужних женщин!

* * *

Но сегодня церемония предполагалась на втором этаже, в главном зале.

Стены этого просторного зала с высоким потолком со всех сторон были отделаны золотом, инкрустированы эмалями и драгоценными камнями. В нише в полумраке возвышалась статуя Бела. Бог с надменным и сердитым лицом был в тиаре, но с каждой ее стороны торчало по паре бычьих рогов. Статуя была отлита из чистого золота и инкрустирована искрящимися самоцветными камнями: сардониксом, ониксом, изумрудами и гиацинтами. Несмотря на гигантские размеры, она изображала бога лишь до пояса. В одной руке Бел держал большой скипетр, означающий справедливость; другая рука была свободна. Именно к ней с незапамятных времен, с тех пор, как возникли тысячелетние династии, следовало прикасаться всем царям вавилонским в момент коронации. Таким образом они принимали верховную власть от самого Бела.

* * *

Над богом были представлены три основных символа, украшенных золотом и каменьями: полумесяц бога Сина[70], светящийся солнечный диск бога Шамаша[71] и звезда богини Иштар.

Подле статуи Бела стоял золотой алтарь. На этом алтаре приносились в жертву только новорожденные, то есть абсолютно чистые животные. С другой стороны стены, на алтаре больших размеров, расположенном ближе к залу для хранения даров, совершались жертвоприношения быков, телок и козлов.

Но главная процедура совершалась перед самой статуей. Между рук статуи разверзалась настоящая пропасть, пропасть, в глубине которой бушевал костер, в несколько мгновений поглощавший жертвы, совершенные во искупление.

Помимо этого, в помещении находились статуи других, второстепенных богов. На стенах можно было видеть также многочисленные благодарственные таблички, золотые диски, изображения фаллических символов. Виетрикс даже заметил несколько крестов, напоминающих свастику.

* * *

Тем временем храм заполнила огромная толпа. Жрецы, совершающие ритуальные заклания или ритуальные возлияния,

находились на своих местах. Жрецы-факелоносцы рассеялись по всему залу с высокими факелами в руках, отбрасывающими яркие отблески на статуи из цельного золота. Храмовые рабы — мужчины, женщины, евнухи и дети — были разделены по принадлежности к тем божествам, которые им покровительствовали. Ради такой небывалой церемонии все служительницы Иштар явились в храм Бела.

Верховный жрец в золотой тиаре встречал на паперти Валтасара с царицей. У обоих на головах были широкие драгоценные обручи, а на плечах — длинные мантии с золотой бахромой. Царь уселся в кресло на возвышении, а царица устроилась перед ним на скамеечке.

* * *

И начались обычные жертвоприношения животных. В храме воцарилась благоговейная атмосфера. Слышалась музыка, исполняемая на арфе. Множество жертвенных быков, телок и козлов были зарезаны и брошены в костер.

— Бел! Создатель, властелин мира, царь духов! — молитвенно повторяла толпа.

Но верховный жрец рассматривал внутренности жертв и не был доволен.

Война, голод, болезни угрожали Вавилону. Подобными жертвоприношениями не усмирить гнева Бела. Нужно было, чтобы свершился великий обряд смерти. Бел требовал наиболее достойных почестей, он требовал человеческих жертв.

* * *

Верховный жрец подал знак. Привели скованных цепью обнаженных мужчин. Это были узники-чужеземцы, многие, в частности, из персов, осаждавших город. Их одного за другим уложили на жертвенник. Дрожь пробежала по телам присутствующих. Жрецы-убийцы вознесли свои ножи. Послышались стоны, но скоро их перекрыл гул молитвы:

— Бел! Создатель, властелин мира, царь духов! — молила коленопреклоненная толпа.

Неожиданно один из приносимых в жертву, сильный бородатый мужчина, воспротивился.

— Финикиец! — произнес кто-то возле Виетрикса.

Галла ждал сюрприз. Он узнал лицо жертвы. Черт побери! Это

был его бывший недруг Канабаль! Каким ветром? Он вполголоса рассказал историю Канабаля стоявшему рядом Ма-Шану.

— Меня совершенно не удивляет, что он сопротивляется экзекуции, столь полезной для общины, — заметил философ. — Все эти моряки язычники!

«Вот дело и улажено! — подумал Виетрикс. — Боги сами взялись отомстить за меня».

Верховный жрец тем временем разглядывал внутренности воинов — лоб его по-прежнему оставался нахмуренным. Он приблизился к царю, и они перекинулись несколькими словами.

Тут привели женщин, чужеземных рабынь. Они были подарены жрецам гражданами. Были среди них и рабыни из царского гарема. Они были красивы, хотя в большинстве своем немолоды. Дарители, разумеется, в первую очередь в отношении них сделали свой выбор.

Обнаженные женщины простерлись на спине, выставив груди, с выпирающими животами, скованные золотыми цепями, заканчивающимися у золотых бычьих рогов Бела. Помощники держали их, а верховный жрец вскрыл им животы, разложил внутренности и внимательно изучил их. После чего все женщины, так и не освобожденные от цепей, были сброшены в костер. Некоторые были еще живы, несмотря на вспоротые животы, и какое-то время присутствующие слышали доносящиеся из пропасти жуткие вопли.

* * *

Верховный жрец был по-прежнему озабочен. Посоветовавшись со старшим из волхвов, стариком, возраст которого уже перевалил лет за двести, он произнес несколько слов, но общий шум поглотил их.

— Что происходит? — спросил Виетрикс Ма-Шана.

— А происходит то, что волхвы требуют вавилонских жертв для изгнания демонов и великого искупления. Тогда Бел будет удовлетворен. Если предзнаменования остаются дурными, это значит, что силы всех объединившихся злокозненных демонов могущественнее силы самого Бела. И необходимо искоренить зло в каких-то специально избранных людях, тогда отпущение будет даровано всем. Сейчас зарежут нескольких наших сограждан.

Среди присутствующих воцарилась тяжелая тишина.

В этот момент Ди-Сор тронул Ма-Шана за локоть.

— А что, если я прочту одну из моих хроник, способных вызвать презрение к смерти и поднять дух трусоватых вавилонян?

Вот уже несколько месяцев Ди-Сор корпел над своими хрониками, как ему столь сердечно порекомендовал Ма-Шан. И сочинил несколько великолепных; к несчастью, ему все никак не представлялось случая показать их Валтасару или другим влиятельным сановникам, которые могли бы ему за них заплатить. Меретсар дал ему рекомендацию, однако он оказывался во дворце всегда не вовремя, когда Валтасар пробуждался после дурного сна или когда он из свирепости только что убивал своего фаворита или фаворитку. Невезучий Ди-Сор никак не мог пристроить свои хроники.

И теперь, когда необходимо было подогреть мужество присутствующих, он решил, что его содействие будет оценено.

— Молчи, дурак! — грубо ответил ему Ма-Шан. — Верховный жрец выбирает. Если ты привлечешь к себе его внимание, тебя прирежут!

С глубоким вздохом Ди-Сор спрятал свою табличку в складки одеяния.

«А я-то иностранец, так что могу быть спокоен за себя», — подумал Виетрикс.

И вскоре все трое совершенно успокоились: Бел требовал девственности.

— Это не про меня, — заявил Ди-Сор.

— И не про меня, — подхватил Поладамастор.

— И не про меня уж тем более, — поддержал их Ма-Шан.

Верховный жрец, пройдя среди присутствующих, отобрал троих мальчиков и четырех девочек, принадлежавших к разным слоям общества, но из известных семейств. Надо сказать, родители немедленно согласились. Честь жертвоприношения воссияет над всем родом.

* * *

Мальчики в туниках встали на колени перед Белом, а девочек обнажили и распластали на жертвеннике. Золотая столешница была вымыта, очищена и накрыта льняной скатертью сверкающей белизны.

— Мальчики в раннем детстве были обрезаны в храме, — объяснил Виетриксу Ма-Шан. — И крайняя плоть благоговейно поднесена божеству. По обычаю девственная плева у девочек сегодня будет также нарушена.

Верховный жрец взял золотые ножницы и подставил их под огонь костра. К нему подошли факельщики. Храмовые рабыни поочередно раздвигали девочкам ноги, а жрец ножницами

разрывал нетронутую плеву. Девственная кровь текла на алтарь.

Верховный жрец склонился перед Белом, прося его принять первинки юных вавилонянок.

— Бел! Создатель, властелин мира, царь духов! — вторила ему толпа, более сосредоточенная и исполненная страха.

Глава XXIII
ВЕЛИКОЕ ЗАКЛИНАНИЕ И САКРАЛЬНАЯ ОРГИЯ

Потусторонний глас. — Заклинание судьбы. — Жертвоприношение супружеских пар. — В огненной пропасти. — Храмовые рабы в помешательстве. — В опьянении, любви и крови.

Виетрикс и сам ощущал беспокойство, тревогу. Почти все факелы погасили и спрятали за колоннами. В зале потемнело. Валтасар, бесстрастно наблюдавший за церемонией, преклонил колена. Не было слышно ни голосов, ни каких-либо иных звуков.

— Сейчас начнется великое заклинание изгнания демонов, — прошелестел Ма-Шан на ухо Виетриксу.

В этот момент, действительно, раздался голос, далекий и бесцветный. Откуда он шел? Из глубины зала, из-за статуи бога, с высоты сводов, из глубины пропасти? Понять было невозможно. От этого необыкновенного, не имеющего ничего общего с живой реальностью звучания Виетрикс ощутил, как по его телу от затылка до пят пробежала дрожь… Да, это, конечно, был потусторонний голос, голос мрака, монотонно, но с внезапными паузами, выводящий свою мелодию.

Заклинание было поделено на строфы, и толпа, суровая и молящая, хором подхватывала дважды повторяющееся финальное молитвенное обращение к подземным силам. Большинство присутствующих теперь пали ниц.

— Злой бог, злой изначально,
Демон пустыни, демон горы,
Демон моря, демон болот,
Злой дух, гибельный уруку,
Злой ветер
И демон, который вселяется в тело
И который сотрясает тело,
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!

— Дух небес, вспомни о нем! Дух земли, вспомни о нем! — вторили присутствующие.

— Болезненная лихорадка, жестокая лихорадка,
Лихорадка, никогда не покидающая человека,
Злобная лихорадка,
Дух небес, вспомни о нем!

Дух земли, вспомни о нем!
Тот, кто кует облака,
Тот, кто дарует волшебство,
Зловещий лик,
Зловещее око,
Зловещие уста,
Зловещий язык,
Зловещие губы,
Зловещее слово,
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!
Болезненная чума, жестокая чума,
Чума, что не уходит,
Злобная чума,
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!
Истома яда, влитого в рот,
Превращающего плоть в прах,
Чумной ветер, что дует в пустыне,
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!
Тот, кто умирает от голода в оковах,
Тот, кто умирает от жажды в оковах,
Тот, кто голодает во рву,
Тот, кто, моля о пище, вынужден питаться пылью,
Рабыня, которой не обладал ее господин,
Свободная женщина, у которой нет супруга,
Тот, кто оставляет позорную память по своему имени,
Тот, кто не оставляет никакой памяти о своем имени,
Тот, кого сражает болезнь в начале неполного месяца,
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!
Священная наложница с нечистым сердцем, покидающая ложе,
Наложница бога Ану, не исполняющая своих обязанностей
В вечер первого дня неполного месяца,
Храмовый раб, который украдкой не идет на свое место,
Который вовсе не кромсает свою грудь,
Храмовый раб, который пользуется рукой,
Симулируя акт любви,
Пока не лопнет его мошонка,
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!
Во всех четырех углах храма застонали храмовые рабы. На

мгновение все прекратилось. Жрецы приблизились к трем мальчикам, приказали им снять одежды и напоили их магическим настоем, приготовленным по рецепту служителей подземных сил.

— Это всего лишь афродизиак, — пояснил Ма-Шан, склонившись к самому уху Виетрикса.

«Что же будет дальше?» — подумал обеспокоенный галл.

И в то же мгновение он увидел, что статуя Бела и его атрибуты, в том числе стоящий слева от него огромный фаллос, стали раскаляться под действием пылающего внутри костра…

— Призрак дитя неба,
О котором вспоминают боги,
Упырь, набрасывающийся на человека,
Пусть они никогда их не схватят,
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!
Воды Тигра,
Воды Евфрата,
Безводная пустыня,
Мрачная гора,
Что встает на востоке,
И подвижная гора,
Пусть скроют они свои пропасти,
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!

Тут верховный жрец приказал отвести трех юношей от полыхающей статуи Бела, а затем приказал им простереться подле трех девственниц. Четвертая, самая юная, была уложена на пол. Они совокупились, юноша с девушкой, и, когда самая тесная любовная поза была ими принята при помощи жрецов, их в таком виде связали золотыми цепями. Теперь в четырех углах храма раздавалось глухое завывание храмовых рабов. Они тоже приняли настой. Однако не могло быть и речи о профанных жертвоприношениях любви, прежде чем бог не будет удовлетворен, а женское божество Баалтис[72] оплодотворена.

— Зловещий демон, зловещий алал, гигим зловещий, [73]
Зловещий телал, зловещий маским,
Фантом, упырь, призрак,
Зловещее колдовство, настой,
Текучий яд,
И все болезненное,
И все, что движется,
Инкуб и суккуб,
Но не слуга,

Голова к голове,
Тело к телу,
Член во влагалище,
Ноги к ногам,
И никогда они его не схватят,
И никогда они не вернутся.
Дух небес, вспомни о нем!
Дух земли, вспомни о нем!

Тела девственниц на жертвеннике сотрясали болезненные судороги. Внезапно жрецы схватили последнюю девочку, и Виетрикс увидел, что ее на золотых цепях перемещают прямо на добела раскаленный медный фаллос. Это продолжалось какое-то мгновение, потому что все цепи вместе с семью детьми рухнули в огненную пропасть; таким образом свершился акт.

— Бааltис оплодотворена! Бааltис оплодотворена! — кричали храмовые рабы.

* * *

Заклинание было закончено, и, если боги услышали, злые духи должны быть изгнаны, Бел — удовлетворен.

Произошла бурная разрядка. Храмовые рабы, женщины и юноши, отбросив свои покрывала, смешались с толпой. Теперь, согласно обычаю, они предлагали свои тела — уже плоть сливалась с плотью, после всех этих человеческих жертв верующих охватил настоящий гон.

— Слава Лилит! Слава Лилит!

Это было имя богини Иштар-Милитты, когда она не хотела, чтобы любовь была плодоносной. Лилит — богиня-детоубийца, это был призыв к сакральной оргии.

Храмовые рабыни испускали радостные возгласы, переходящие в завывания. Обнаженные и увешанные цветочными гирляндами, они, пританцовывая, бегали в толпе. У одних были тамбурины, у других — инструменты в форме фаллоса. Некоторые из них, кем одновременно овладевали двое или трое мужчин, впадали в транс. Одна, самая прекрасная, любимая жрица Иштар, предложила себя Валтасару, и он взял ее на глазах у царицы. Затем, содрогаясь, с остановившимся взглядом, не отдавая себе отчета в том, что делает, она прошла сквозь толпу и была брошена в жаркий костер, по-прежнему пылавший в провале перед Белом. Валтасар в это время покинул храм.

Виетрикс и Ма-Шан скрылись от посторонних глаз, благодаря своему другу волхву, который устроил Виетрикса на плечах бога

войны, а Ма-Шана — на верхушке одного из самых величественных золотых фаллосов в зале. Сидя по соседству на своих наблюдательных пунктах, они, не опасаясь подвергнуться насилию или попасть под удары хлыста, могли следить за сумятицей.

Это продолжалось добрых два часа. Мужчины и женщины раскачивались, охваченные духами Бела и Иштар. Храмовые рабы кромсали себя ударами ножа, здоровенные детины, вооруженные хлыстами с железными шипами, в четыре руки секли обнаженную толпу мощными ударами, ускоряя ритм сакральной оргии. Принесли бурдюки с вином, смешанным с афродизиаками. Зазвучала исступленная музыка. Странные едкие ароматы фимиама мешались с запахом поджариваемого человеческого мяса.

Исступление достигло предела. Мужчины принялись добровольно оскоплять себя и бросать драгоценные атрибуты своего мужества в пропасть Бела. Женщины бросались на них и, словно фурии, совершали чудовищное подобие любовного акта с этими добровольными евнухами. Толпа, кружась и сливаясь в объятиях, утопала в крови и безумии.

* * *

Но внезапно наступил день. Прозрачный солнечный луч проник сквозь свод храма. И, словно по волшебству, оргия прекратилась. Мужчины и женщины покрыли головы и один за другим покинули храм. На плитах пола осталось лишь несколько убитых и раненых. Когда все вышли, жрецы со своими помощниками навели некоторый порядок и уже без всяких церемоний побросали все, что валялось на полу, в еще пылающую топку.

Виетрикс и Ма-Шан вышли вместе.

— Если Бел не успокоился, — промолвил молодой галл, — значит, у него скверный характер.

И продолжил:

— Верховный жрец хотел сохранить лицо. Но я совсем не уверен, что Бел удовлетворен. Жертвы были совершенно бесполезны. Все плохо! Все очень плохо!

Глава XXIV
ПИР ВАЛТАСАРА

Уличная оргия. — Подготовка к пиру. — Туалет женщин. — Шествие грандов. — Валтасар и его фаворитка. — Услуги. — Вина. — Женское кокетство. — Возбуждающие и дурманящие. — Возмущение женщин. — Сакральные сосуды. — Видение Валтасара. — «Мене, Текел, Фарес». -Толкование волхва. — Появление царицы. — В поисках Даниила. — Свастика. — Пояснение Даниила. — Сильное опьянение. — Продажные девки и продажные юноши. — Ворота рушатся. — Появление армии Кира.

В последний день праздника Сакака оргия в Вавилоне достигла своего предела. Беснующиеся толпы носились по городу. По приказу Валтасара крупным виноторговцам пришлось бесплатно открыть для горожан свои подвалы. Господа и рабы вперемешку спешили забыть о дурных предзнаменованиях и о том, что осада Кира уже стала приносить свои плоды.

Даже Виетрикс пришел в замешательство. Подобная оргия была отвратительна его уравновешенному галльскому характеру. Он проникался презрением к этим бедным азиатам, постоянно впадающим то в одну, то в другую крайность, неспособным сохранить власть, жестоким на войне, женоподобным в мирное время.

— Ты знаешь, Ануке, — обратился он к девочке, прежде чем отправиться на очередное празднество, — что сегодня рабы свободны? Таков обычай праздника Сакака. Ты дважды принадлежишь мне, потому что я дважды купил тебя. Ну что же, я отпущу тебя на волю. Но немедленно по возвращении с пира я хочу, чтобы ты была не только ровней мне, но моей повелительницей. Понимаешь?

Девочка покачивала головой, таинственно и насмешливо глядя на Виетрикса.

— Если захочу, — наконец проговорила она.

— Ну уж хватит! Персы вот-вот войдут в город! Ты отказываешься подчиниться мне. Я не хочу бить тебя, а уж тем более принуждать силой. Это совершенно не в моих привычках. Так что я оставляю тебя на волю случая. Мне есть чем заняться и помимо маленькой рабыни вроде тебя. Я тебя продам, дитя мое! Продам тебя какому-нибудь другому Канабалю. А сам отправлюсь на поиски женщины со свастикой, которую уготовала мне судьба.

Ануке расхохоталась, затем помрачнела, и, когда она

выходила, Виетриксу показалось, что девочка плачет.

* * *

Приготовления к пиру велись в парадной зале дворца, выходившей на Северную улицу. Так что приглашенным было дозволено прибывать на своих великолепных колесницах.

Этот праздник должен был продемонстрировать неслыханную роскошь, поскольку Валтасар хотел, чтобы он стал самым пышным из всех. Он знаменовал его примирение с народом и богами-покровителями Вавилона. Царь сам установил церемонию его проведения.

Белые, зеленые и голубые драпировки были прикреплены к мраморным колоннам при помощи шелковых и пурпурных лент, продетых сквозь серебряные кольца. Между колоннами были развешаны белые ткани. Так приказал царь, чтобы придать церемонии характер серьезности, подходивший к осадному положению. Для того чтобы задрапировать широкие стены, повсюду были реквизированы простыни, многие из которых, неоднократно за последние дни послужив владельцам, утратили белизну. Это средство должно было призвать сотрапезников к определенному поведению — во время собственно ритуальных трапез зал драпировали красным.

* * *

Множество слуг накрывали столы. Их было поставлено три сотни, из клена, инкрустированного серебряными пластинами. От пяти до шести тысяч кушеток и диванов окружили столы и заняли углы залы. Украшение кушеток было строго регламентировано в соответствии с иерархическим положением тех, кто должен занять эти места. Одни были с золотым значком, другие — с серебряным, третьи были украшены порфиром, мрамором, перламутром или черным камнем. Диваны покрывали шкуры диких животных.

Ма-Шан, Ди-Сор, Поладамастор и Виетрикс пришли заранее, чтобы отыскать свои места. Они должны были прибыть одними из первых, поскольку вход в зал регламентировал строгий иерархический порядок: сначала рассаживались незнатные гости, затем царские вельможи, военные и гражданские, советники при троне, великий визирь, принцы и, наконец, сам царь. Было решено, что каждый приведет с собой законную супругу или

нескольких красивейших наложниц из гарема.

Вавилонянам совсем не нравилось водить на подобные сборища любимых жен. Несмотря на напускное безразличие, они испытывали к своим супругам нечто вроде ревности. Тем более что декольте, точно определенное циркуляром главного церемониймейстера, главы протокола, было из самых откровенных: грудь должна быть полностью обнажена, а ноги открыты до середины бедра. Однако допускались и почти прозрачные шелковые туники. Ах, в тот день вавилонские матроны, новобрачные и любовницы из гарема провели долгие часы, массируя себе грудь, укрепляя ягодицы и при помощи тоненькой кисточки подкрашивая себе жилки небесно-голубой краской, а соски — пурпурной, сооружая прическу и отбеливая ноги.

* * *

В действительности, если приглашенные опасались чрезмерного кокетства своих жен, то были спокойны относительно испытываемой мужчинами жажды завоеваний. Законные супруги и любимые наложницы — все женщины, присутствия которых на пиру требовал Валтасар, были из тех, кто в течение пяти дней праздника воздерживались выходить на улицы города и мирно пребывали в своих домах. Мужчины же, напротив, в это время отнюдь не чурались соблазнов всенародной оргии. К их услугам было вдоволь храмовых рабынь, все замужние женщины из сословия мелких торговцев, ремесленников и простонародья, к тому же они без труда могли совратить рабынь соседа. В эти дни все аристократы и должностные лица заботливо запирали на ключ покои своих жен и развлекались в храмах и на общественных праздниках. Так что силы их были на исходе, поясницы ныли, лица поблекли, глаза погасли, разум помутился, а спинной мозг, казалось, пребывал в сонном разладе с общей работой организма.

* * *

Удары хлыста и взвизги свистка сопровождали устные команды военачальников, руководивших сотнями марширующих в колонне рабов. На столах были расставлены амфоры, продолговатые блюда, золотые и серебряные чаши.

Это отражало древнюю азиатскую веру в то, что никакое

совершенное действо не гарантирует результата само по себе, если при этом не был безукоризненно соблюден ритуал. Если во время великого заклинания волхв ошибется в перечислении злых духов, жертвоприношение утрачивает всякое значение. В подобных делах любая церемониальная мелочь играет не менее важную роль, чем общий смысл действия. Так непременным условием подобной трапезы являлась строгая необходимость того, чтобы напитки для жертвенных возлияний приготовлялись в чашах, предназначенных исключительно для этого случая. Возлияние медом, произведенное тысячей сотрапезников, не может считаться действительным, если чаши не были изготовлены специально для того. И напротив, характер такого возлияния становится серьезнее, а произнесенное предписанными словами пожелание — действеннее тогда, когда использована чаша более совершенной формы, более древней эпохи, с более редкостными инкрустациями. Да и сами напитки дегустируются в строго соблюдаемом порядке. Свобода воцаряется лишь после того, как пройдена последняя ступень ритуала.

Вот о чем Поладамастор рассказывал Виетриксу, пока они с друзьями усаживались на свои места неподалеку от двери для прислуги.

— По множеству причин я предпочитаю это место любому другому, — сентенциозно заявил Ма-Шан Полада — мастору и Ди-Сору, которые казались оскорбленными непосредственной близостью к челяди.

Подле них поместили каких-то просвещенных чужеземцев, находящихся в Вавилоне в тех же условиях, что и Виетрикс; это был путешественник из страны южных ариев и другой — из дальних пределов Катая. Последнего отличала изысканная вежливость, он ежеминутно совершал тысячу мелких церемониальных движении, даже приветливому Ма-Шану показавшихся слегка чрезмерными.

Этот угол также предназначался холостякам. Те, кто умеет ловко играть словами, как правило, предпочитают чужих жен тем, кто мог бы по закону принадлежать им. У них совершенно нет средств и охоты содержать роскошный гарем. Они полагают, что хорошо обеспеченные особы женского пола обязаны принести им в жертву свое тело. Хозяйка, имеющая счастье принять их в своем доме, обязана также пригласить их посетить ее альков. Так оплачиваются изысканные речи художника и артиста. И те и другие всегда считали это справедливым.

* * *

Тем временем вельможи заняли свои места. Советники царя, чиновники высокого ранга, полководцы, несколько знатных чужеземцев и всякая мелкая сошка, вроде придворных и должностных лиц. Их сопровождали прекрасные знатные дамы, прически которых украшали драгоценные камни и гребни с бриллиантами. Это были законные супруги или фаворитки гарема, выбранные для представления, а не те жалкие существа, нежные и игривые, созданные лишь для любовных утех. Виетрикс заметил Сусанну Диносор в сопровождении супруга. Начальник управления регистрации двигался мелкими шажками и вид имел слегка обмякший, с мутным взором и приоткрытым ртом.

Виетрикс тайком поприветствовал любовницу. Она лишь шепнула ему на ухо:

— Во время десерта, когда Диносор уснет, приходи вон туда, за шестую колонну, где ты видишь шкуру зебры.

«Однако эти дамочки не намерены скучать, — подумал Виетрикс, который чувствовал себя далеко не в форме. — Боюсь, я сильно разочарую целомудренную Сусанну».

Наконец, за столами разместились принцы крови. Отойдя от свиты, Меретсар ненадолго присоединился к приятелям.

— Не знаю, что происходит, — признался он, — но Кир ускорил работы на реке. ЭДэовень воды в Евфрате падает. Никто не тревожится, но мне неспокойно. Будем проявлять осторожность!

И он удалился.

— На сей раз, — сообщил Ди-Сор, — мне кажется, я смогу прочесть одну из своих хроник. Вы слышали, господа, что сказал принц, — быть может, сражение близко. В этом зале, где собрались все вавилонские вельможи, все полководцы, будет уместно воодушевить присутствующих моей хроникой!

— Царь, похоже, в дурном расположении духа, — возразил Поладамастор. — Советую тебе подождать, пока вина не рассеют тревожные мысли. Знаете, что мне только что сообщили: царица отказалась присутствовать на пиру! Она остается в своих покоях. Взгляните, а вот и Валтасар!

* * *

Царь был одет с большой торжественностью: в платье с золотой бахромой, с мечом и кинжалом на поясе и в высокой тиаре. Он ступал величественным шагом, однако напряженное выражение лица не могло скрыть необыкновенной тревоги. Под покрывавшим кожу слоем грима угадывалась бледность щек.

Его сопровождала нынешняя фаворитка: черноглазая персияночка с исполненным неги телом, чьи умелые ласки сумели пробудить усталую и увядшую плоть властелина. Ей удалось противостоять влиянию наложников в гареме. Среди собравшихся пронесся едва различимый ропот. Своим отсутствием царица нанесла оскорбление царю, всем царским вельможам; почему на месте высокомерной законной властительницы это ничтожное создание, эта наложница, эта дочь враждебного народа?

Однако Валтасар не допустил ни малейшего осуждения. Он растянулся на подготовленной для него великолепной львиной шкуре, положив свою голову на огромную и жуткую голову дикого зверя, а полуобнаженная фаворитка, присев, устроилась перед ним.

* * *

Перемены яств были многочисленны и обильны. В течение трех часов, пока продолжалась общая беседа, слуги с поразительной сноровкой приносили и уносили блюда. Все фрукты, все овощи, любое мясо — все, что можно было раздобыть в осажденном Вавилоне, в свой черед появлялось на столах. Аппетит у большинства гостей был хороший, по меньшей мере у мужчин. Изысканная еда лучше любовных трудов способствует появлению голода. Виетрикс был порядком удивлен, когда под конец трапезы, после разнообразной птицы и мяса, увидел, как с двух сторон зала один за другим, гуськом проследовало шесть рабов, неся около пяти десятков серебряных подносов, на которых были уложены целиком зажаренные быки. С этого момента он и его друзья капитулировали и терпеливо стали ждать сладости и ликеры на десерт.

Рекой текли вина: виноградное, пальмовое, нектар, мед. Понемногу настроение улучшалось. Возлияния переносились от стола к столу, следуя примеру возлияний Валтасара, возле которого находился распорядитель, определявший общий порядок церемонии. Напряжение начинало спадать. Мужчины шумно и яростно обсуждали события. Полководцы защищали свою стратегию. Политики укоряли себя за дипломатические ошибки, приведшие Кира под городские стены. Ма-Шан и его друзья попросили ученых чужеземцев объяснить им некоторые положения философии.

Ди-Сор по-прежнему держал в руке табличку, на которой записал свою самую прекрасную хронику. Но как он заставит

услышать себя в этом оглушающем гаме? Лучше было еще подождать.

* * *

А вот женщины выглядели обеспокоенными. С самого начала трапезы они принялись состязаться в кокетстве. Одни, буквально выпадая из декольте, старались как можно лучше продемонстрировать крепость своих грудей, другие, приподнимая платье, показывали линию своих ног. Они надеялись, что трапеза очень быстро превратится в оргию. Любовники большинства из них находились в зале, кое-кто рассчитывал сегодня завести себе новых. За неделю, проведенную взаперти, женщины истосковались по любви; из внутренних покоев гарема они слышали ликующие крики совокупляющейся толпы, бушующей на улицах города. Они тоже стремились к безудержной страсти, к безумству любви, к опасной любви, влекущей к преступлению. К тому же они знали, что кольцо осады сжимается, знали, что Кир в ожесточении готовит последний штурм. Если смерть близка, как никогда важно насладиться жизнью.

Они возбуждали и ласкали мужчин всеми возможными способами. Но те нисколько не были склонны к распутству. Напротив, оно им наскучило. Они делали вид, что не замечают чувственные авансы своих жен, томные взгляды любовниц. Они пребывали в чисто умозрительном настроении, все более погружаясь в шумные и витиеватые пьяные разглагольствования.

* * *

Вялым жестом Валтасар призвал к порядку. Верховный жрец, стоявший возле него, отошел после короткого спора — властелину пришлось напомнить ему о повиновении.

Жрец вернулся; за ним рабы несли множество чаш на подносах. Все тотчас узнали их: это были жертвенные чаши, некогда унесенные Навуходоносором из Иерусалимского храма. Вид чаш вызвал легкое возбуждение. Несколько присутствовавших на пиру евреев не скрывали своего замешательства. Целомудренная Сусанна побледнела, перестала смотреть на Виетрикса и с этого момента с тревогой следила за происходящим.

— Как бы далек я ни был от религии, все же я не сторонник такого кощунства, — заметил Ма-Шан.

Все согласились.

Тем временем Валтасар церемонно раздал чаши своим ближайшим соседям, оставив себе самую прекрасную. Ее наполнили густой коричневой жидкостью. Он совершил возлияние в память о великом Навуходоносоре, завоевателе еврейского народа, после чего протянул чашу своей фаворитке, со смехом осушившей ее одним глотком.

Этот же ликер рабы одновременно разлили всем присутствующим. Поднеся чашу к губам, Ди-Сор внезапно замер.

— Будем осторожны, — сказал он. — Там целый букет наркотиков. Я в этом понимаю.

Арий с юга подтвердил наличие конопли, а человечек из Катая — экстракта цветов мака.

— Валтасар умеет проводить оргии, — заметил Поладамастор. — Так сочетать возбуждающее и дурманящее! Если это лишает мужчин мужественности, то по меньшей мере сознание испытывает чередование спада и восторга довольно странного свойства…

— Это разновидность того эликсира, что в моей стране называют непентес[74], — промолвил оказавшийся возле них чужестранец.

* * *

Как бы то ни было, похоже, жидкость подействовала мгновенно. У одних опьянение приняло характер лихорадки; другие, ставшие молчаливыми, казалось, готовы были погрузиться в странные сны. В женщинах же побочные действия смеси, напротив, вызвали взрыв любовного томления. В зале постепенно начался полный хаос. Друзья набрасывались друг на друга, женщины, отвергнутые своими супругами, принялись домогаться любовников. Они осыпали себе головы устилающими столы цветами, но тщетно!

Тогда они собрались на широких диванах и, следя за движениями мужчин, стали советоваться. Они-то сохранили ясность ума — что для ожидающей любовной неги женщины радость опьянения? В глазах большинства из них горел огонь ненависти. Они с презрением разглядывали мужчин, своих мужчин, ставших неспособными воздать их красоте желанные почести, поскольку одни растратили свои ласки в других местах, а иные напились, как рабы, и противные природе страсти сделали их женоподобными. А Валтасар — что он делает подле этой порочной девчонки, чьи ласки лишь готовят его к объятиям

наложников? Благородная и чистая женская плоть, здоровая и возбужденная, всей своей наготой противилась сомнительному слабоволию мужчин.

Большинство дам скинули свои легкие платья и совокуплялись, разбившись на пары. Та, у которой были пышные груди и круглый зад, искала ту, у которой небольшая грудь и длинные нервные ноги, а белокожие блондинки подчинялись капризам брюнеток.

Звуки арф стали нежнее; в огромном зале витали ароматы фимиама и росного ладана. Свет огромных факелов, вертикально воткнутых в треножники, приобрел синий оттенок…

* * *

Неожиданно Валтасар выпрямился. Его мутный взгляд прояснился, глаза уставились на полотнище, в полумраке свисавшее между колоннами.

— Кто начертал слова, которые я вижу? — произнес он.

Все теснились вокруг царя. Его пытались успокоить. Без сомнения, он был жертвой наваждения.

Однако царь продолжал настаивать, и его сделавшийся страшным взгляд требовал ответа от верховного жреца.

К полотнищу поднесли факел. И действительно, увидели на ткани поблекшую надпись. Верховному жрецу и стоявшим поблизости удалось прочесть три слова:

МЕНЕ ТЕКЕЛ ФАРЕС[75]

— Кто начертал эти слова? — повторял Валтасар.

— Должно быть, это чья-то дурная шутка, — отважился ответить распорядитель церемонии, опасавшийся, как бы обнаружение надписи не отразилось на его карьере.

— И чья же?

— Мы никого не видели, — хором ответили верховный жрец и придворные.

В этот момент подошел глава волхвов.

— Кто начертал эти слова? — повторял Валтасар, чьи расширенные зрачки выражали теперь настоящий ужас.

— Слова не могут начертаться сами, — промолвил волхв, очень довольный, что может поспорить с верховным жрецом, с которым часто соперничал. — Слова никак не могут начертаться сами. Их написала чья-то рука.

— Рука! Рука! — подхватил Валтасар. — Да, я видел ее, она только что была здесь, на драпировке.

— Я тоже ее видел, — подтвердил распорядитель.

— Мы ее видели, — наперебой закричали придворные. Новость стремительно распространилась по всей зале.

На стене только что появилась таинственная рука!

МЕНЕ ТЕКЕЛ ФАРЕС

По правде сказать, каждый понимал смысл надписи. Это была популярная поговорка, фраза, которую кумушки частенько бросали на базаре обвешивающим их торговцам.

— Вы должны были ее слышать, — заметил Ма-Шан. — Она переводится следующим образом: «Дважды два не всегда четыре!»

— На самом деле, это не имеет никакого значения.

— По моему мнению, кто-то из сотрапезников в шутку нацарапал ее углем по льну…

Однако царь, похоже, все глубже погружался в свои размышления. Его преследовала навязчивая идея.

— Я хочу знать, почему рука начертала эти знаки. Каков их скрытый смысл, верховный жрец?

— Надпись явно не сакрального характера — это язык простонародья. Я полагаю, ваше царское величество, что объяснение вам даст многознающий волхв. Он сможет сказать вам, какое пророчество скрыто в этой на первый взгляд столь безобидной фразе.

— Говори! Говори, волхв!

Все в зале, столпившись вокруг царя, следили за странным допросом. Женщины разжали объятия, встали на диваны, на звериные шкуры, прижались к стенам и слушали. Убежденность царя постепенно проникала в сознание: этому способствовало опьянение мужчин и легковерие женщин. К тому же время было смутное, и ничего удивительного не было в том, что на ткани сами собой возникли какие-то знаки.

Казалось, волхв в сильном затруднении.

— Это предсказание победы, — наконец выдавил он из себя, — доброе предзнаменование, превосходное предзнаменование. Какая бы тревога ни царила на лицах сотрапезников, пусть она рассеется! Вот мое толкование. Сегодня вечером мы пили из священных сосудов евреев. Когда Навуходоносор забрал их из храма, еврейский первосвященник сказал: «Это преступление не останется безнаказанным. Твое могущество сияет над миром, Навуходоносор, но божественная

кара тяжким бременем ляжет на тебя и твоих детей. Ибо Иегова, наш Господь, сказал, когда был заключен союз: Я Бог ревнивый и сильный, и моя месть будет преследовать врагов моего народа до четвертого колена».

Так говорил этот отважный священник. И верно, у Навуходоносора и его наследников были определенные неприятности. Евилмеродах[76] и Нериглиссор[77] правили почти одновременно, один вел войну, другой управлял страной. Ты сам долгое время был регентом при Лабосоардахе[78]. Вы правили страной по двое. Ты четвертый, Валтасар! Слабые духом могли бы попытаться напугать тебя. Говорю тебе: продолжай спокойно пировать. Рука появилась, чтобы опровергнуть злое предсказание еврейского первосвященника, которым восхищались даже эти сосуды. Дважды два не всегда четыре!

Сотрапезники вздохнули с облегчением. Слова волхва вернули им присутствие духа. Пока после тяжелых трудов он утирал пот со лба, к нему приблизились слуги, возложили на его плечи пурпурную мантию и обвили шею золотым ожерельем. А царь объявил волхва третьим человеком в государстве.

* * *

Только сам волхв да еще кое-кто из собравшихся не выглядели совершенно убежденными. Среди челяди ходили тревожные слухи. Меретсар стремительно прошел мимо Ма-Шана и его друзей.

— Меня срочно вызвала царица, — сообщил он им. — Из города ей принесли какие-то дурные вести. Она знает, что здесь происходит. Ее одолевают мрачные предчувствия…

Тем временем к большей части присутствующих вернулось радостное настроение, и оргия продолжилась с новой силой. Женщины опять попытались пробудить в мужчинах любовную страсть. Некоторые любовники, чувствуя неловкость момента, попытались под сенью колонн ублажить своих возлюбленных. Но по большей части потерпели неудачу и были подняты на смех.

…Внезапно все увидели, как открылась золотая дверь, ведущая на мраморную лестницу в покои царицы. Взоры гостей обратились к властительнице, которая медленно спустилась на несколько ступеней. Поверх своего длинного платья она накинула лиловое покрывало. На мгновение ее строгая красота затмила красоту всех женщин на этом пиршестве.

Однако лицо ее выглядело изможденным, темные круги окаймляли ее большие светлые и ясные глаза.

Всех, даже самого Валтасара, охватило чувство ужаса и стыда. Присутствующие старались привести себя в порядок, обнаженные женщины прятались за колоннами и под звериными шкурами. За воплями внезапно последовало почтительное молчание.

В тишине слышался единственный голос — это был голос персияночки, судорожно дергающейся на теле Валтасара и хохочущей во все горло.

Ее триумф был недолог. Неожиданно Валтасар выхватил большой кинжал с усыпанной изумрудами рукоятью и точным движением целиком всадил его в грудь своей фаворитки! Она упала замертво, скрестив руки и раздвинув ноги, а из раны не вытекло ни капли крови.

Валтасар повернулся к царице и с трепетом стал ждать, чтобы с ее губ слетело хоть одно слово, хоть одна фраза.

Она отбросила покрывало.

— О царь, — воскликнула она, — живи вечно! Да не тревожат тебя твои мысли, да не изменяется в цвете твое лицо!

Неведомая рука начертала на драпировке таинственную надпись. Но не верь тому, что сказал тебе волхв. Я знаю, что события приняли очень дурной оборот.

Послушай: есть в твоем царстве один человек, вдвойне святой. Он обладает умом и мудростью. Поэтому царь Навуходоносор поставил его во главе всех астрологов и прорицателей Халдеи.

Необходимо без промедления узнать смысл надписи. Прикажи привести еврея Даниила. Он легко сможет разгадать смысл загадки!

Царица вновь накинула на голову лиловое покрывало, после чего поднялась по ступеням, и золотые двери затворились за ней.

* * *

Немедленно в еврейский квартал были посланы гонцы. У них был приказ привести пророка, хочет он того или нет.

Возобновились разговоры. Царь был тревожен. Он размышлял, опершись на подушки и поставив ногу на тело своей мертвой наложницы; порой его губы подергивались в нервической улыбке.

— Если эта надпись действительно была начертана божественной рукой, в чем я все же продолжаю сомневаться, — заговорил Ма-Шан, — то, разумеется, смысл ее важен. Толкование мага, бесспорно, оригинально. Вы слышали, что только что говорил главный стольник: персы непременно войдут в город!

Бронзовые ворота здесь заперты на тяжелые железные засовы, но, что касается меня, я собираюсь сбежать через черный ход, через эту дверь для прислуги. И не скрываю от вас этого.

— В самом деле, — подхватил Поладамастор, — существует зловещий пример царя Сарданапала, заживо сожженного в собственном дворце вместе со всеми придворными… В подобных обстоятельствах лучше находиться снаружи. Если пророк сейчас же не явится, я иду с вами.

Тем временем Виетрикс продолжал вести с учеными мужами из страны ариев и Катая беседу, которая представлялась ему очень интересной.

— Все есть символ, — говорил человек из страны ариев, — слова, начертанные на этой стене, представляют собой символ, а прямое значение вовсе не важно. Вот почему я тоже полагаю, что волхв ошибся. Искать следует не здесь.

— Быть может, даже где-то на стороне, — поддакнул желтый человечек.

— Ах, насколько приятнее трактовать науку чистых знаков! Мы представили все великие традиции наших древних религий в простейших графических изображениях. Например, вспомним свастику.

— Свастика! Вам известен смысл свастики? — в сильном возбуждении вскричал Виетрикс.

— Существует много знаков, представляющих одно и то же. Свастика с ее двумя словно бы крутящимися крыльями — да ведь это же само движение, вы разве не поняли? Что может быть проще? Это все — и это часть. Это все, ибо каждая частица материи вибрирует под воздействием солнечной массы, тоже находящейся в состоянии вибрации. Это божество и гармония вселенной. Наши философы уже давно ощутили это вибрирующее движение космоса. И я полагаю, что математические расчеты, когда разовьются точные науки, которыми теперь увлечены в Греции и у вас, господин из Катая, в один прекрасный день определят причину и закон этого вибрирующего движения.

Вибрация происходит от вибрации. Свастика — это еще и часть, первоначальное движение, изначальный двигатель, жест Ану, Вишну, тех, чье имя запрещено произносить. Да, движение — это божество, ибо остановка движения — это смерть всего, даже самого бога.

— Но вы говорите, что существует много знаков?

— У нас, — отвечал человек из Катая, — крест был слегка искривлен. У нас извилистое сознание.

— У других, — подхватил житель страны ариев, — он был вписан в круг. Это столь древний символ, что он, я полагаю,

относится к древнейшим племенам нашего мира. У третьих, чтобы лучше показать движение, он представлен тремя ногами, крутящимися по кругу в одном направлении.

— Как?! — воскликнул Виетрикс. — Знак трех ног идентичен знаку свастики?!

— Он применяется в основном для передачи человеческой жизни, продолжения рода. Вот почему в прежние времена существовал обычай татуировать на лобке у девочки, там, где приготовляется плод будущей плоти, защитительный знак. Царские дома, те, из которых происходили герои, при помощи жрецов постепенно обеспечили себе монополию на этот знак. В то время, когда женщина предназначалась прежде всего для мужского потомства, было совершенно естественно, что девичье чрево таким образом помещали под покровительство сакральных знаков. Такие женщины рассматривались как предначертанные. И блаженны те, кто мог стать их супругом!

Внезапно в сознании Виетрикса точно воссиял свет. Черт побери! Он понял! Да ведь обещанная ему девушка — это его маленькая рабыня, рожденная под знаком свастики! Теперь все казалось ему определенным, логичным.

А персы входили в город! Еще час назад Виетрикс об этом бы не задумался. Но теперь он дорожил своей маленькой рабыней. Как распорядиться судьба с его полной приключений жизнью? Теперь все изменилось. Ему следовало поскорее вернуться домой, чтобы в случае необходимости защитить ту, которая суждена ему в жены. Ах, несмотря ни на что, он поздравлял себя с тем, что явился на этот пир. И больше не думал о загадке Валтасара, поскольку его собственная была решена.

— Я иду с вами, — сообщил он Ма-Шану.

— Минуточку, — возразил тот. — Вот Даниил, когда он скажет, мы улизнем.

*к * *

И верно, в залу вошел старик и остановился прямо перед Валтасаром.

— Ты и есть тот самый Даниил, — спросил тот, — один из иудейских пленников, которых привел Навуходоносор, мой славный предок?

— Я тот самый Даниил, — отвечал пророк.

— Я узнал, что в тебе находят ум, мудрость и прозорливость, — одним словом, дух богов. Ни один волхв Халдеи не смог дать мне объяснение надписи, только что начертанной таинственной рукой прямо передо мной на этом полотне:

Если ты сможешь открыть мне ее подлинный смысл, то будешь облачен в пурпур, который я приказал снять с плеч моего лживого волхва, шею твою обовьет золотое ожерелье, и ты станешь третьим по могуществу в царстве.

Даниил взглянул на надпись. Неожиданно лицо старца осветил божественный свет, и он заговорил сильным голосом, который услышали все:

— Сохрани свои дары и отдай свои подношения другому. И все же я дам тебе толкование фразы.

О царь, Небесный Царь дал Навуходоносору власть, величие, славу и великолепие — все народы, все племена, люди всех наречий пребывали в страхе и трепетали перед ним. Он предавал смерти, кого хотел, и оставлял в живых, кого хотел. Он возвышал тех, кого хотел, и принижал тех, кого хотел. Но когда его сердце возвысилось и дух его очерствел до высокомерия, он был свергнут со своего царского трона и лишен своей славы; он был изгнан от детей своих, от людей, его сердце стало подобно сердцу животных, и жилище его было с дикими ослами. Ему, точно быку, давали траву, и тело его орошала небесная роса, пока он не признал, что только Бог владычествует над царством людей и дает его тому, кто ему мил.

Ты, Валтасар, его сын, ты не смирил своего сердца, хотя все это тебе известно. Ты восстал против Царя Небесного: сосуды из его дома несли перед тобой, и вы воспользовались ими, чтобы пить вино, ты и твои вельможи, ваши жены и ваши наложницы.

Так ты возвеличил богов серебра, золота, бронзы, железа, дерева и камня, которые ничего не видят, ничего не слышат и ничего не знают, и оскорбил Бога, в руке которого твое дыхание и который управляет твоими путями.

Вот почему он послал руку, что начертала эту надпись:

МЕНЕ ТЕКЕЛ ФАРЕС

И эти слова в их скрытом смысле означают, что подсчет сделан, но после взвешивания полагается раздел благ.

— Но чаша из святая святых, — произнес Валтасар, в растерянности вставший с ложа, сжав один кулак, а в другом держа священную чашу из Иерусалимского храма, — снова наполнена нечистой влагой.

— Это означает, о царь, что Господь исчислил твое царствование и положил ему конец, это означает, что ты был

взвешен на весах и признан легким, это означает, что твое царство без промедления будет поделено между мидянами и персами!

* * *

Смешок, разнесшийся по всей зале, был ответом на жуткое предупреждение, уверенным голосом произнесенное Даниилом. Царь залпом осушил священную чашу и с издевкой швырнул ее к ногам пророка.

— А пока, — молвил он, — назначаю тебя третьим лицом в моем царстве. Пусть принесут пурпурную мантию и золотое ожерелье! Сегодня, — и в его голосе на мгновение послышалась свирепость, — последний день праздника Сакака. Не будем забывать об этом. При твоем высоком покровительстве и моими стараниями Вавилон погибнет. Что же, пусть свершится судьба! Откуда столь подавленный вид, господа? Выпьем, выпьем еще! Ваши жены требуют ваших ласк… Нет! Вам это ни к чему, раз так, пусть войдут продажные девки, которые сумеют пробудить ваши уснувшие чувства, и продажные мальчишки, менее усталые, чем мы. Рабы! Пусть принесут свежих роз, вина, и пусть двери моего гарема будут раскрыты нараспашку!

* * *

Обессиленный, царь рухнул на диван, прикрыв глаза. Его слова отнюдь не пробудили веселья. Все чувствовали, что пророк Даниил говорил не просто так…

— Готов поспорить, — сказал Ма-Шан, — что у этого еврея были веские основания для подобных слов. По его уверенности…

— Черт возьми, — отвечал Поладамастор, — ему пришлось пройти через весь город. Не иначе, персы пробили брешь в стене. Возможно, он их встретил, вероятно, сейчас они идут к дворцу. Как только царский гарем прибудет сюда, закроют все двери и, видимо, подожгут здание. Это в духе Сарданапала. Уходим.

И Виетрикс, Ма-Шан и Поладамастор выскользнули через дверь для челяди. Как раз в этот момент в зал входили обнаженные девушки из гарема и юноши, так что уход друзей остался незамеченным. Что же касается Ди-Сора, он во что бы то ни стало захотел остаться. Он считал, что сейчас или никогда должен при появлении вражеского войска воспламенить сердца на битву.

* * *

Однако призыв Валтасара остался без ответа. Царские рабыни, сразу оценив состояние полного опьянения, в котором пребывали мужчины, не имели ни малейшего желания принимать их в таком виде. Тем не менее они, кому царь столь редко оказывал честь своей любовью, охотно воспользовались бы этой неожиданной свободой. Царские наложницы собрались вокруг других женщин. Так что теперь и те и другие напряженно вслушивались, что происходит за большой дверью, ожидая какого-нибудь таинственного вмешательства…

Валтасар лениво поднялся со своего ложа и, поддерживаемый торопливо бросившимися к нему любовниками, с трудом произнес следующие слова:

— Ну что ж! Смелей! Разве я не приказал, чтобы все совокуплялись? Разве двери уже открыты? Но что это за глухие удары?

И точно, вот уже некоторое время страшные удары сотрясали стены.

— Что это за удары? — вторили ему хмельные мужчины, с трудом поднимая отяжелевшие веки.

И тогда женщины, подошедшие еще ближе к двери, ответили:

— Рабы по твоему приказу, о царь, запирают и замуровывают двери. Очень скоро мы осыплем своими ласками твоих воинов.

— Моих воинов! — простонал Валтасар. — Мои отважные воины спят! Смелей! Смелей!

* * *

В этот самый момент Ди-Сору удалось подобраться к царю, перелезая через распростертые тела.

— Я как раз, — начал он, — сочинил одну поэму, из тех, что называют хрониками, призванную поднять дух воинов. Позвольте, ваше величество…

— Разумеется, — согласился Валтасар. — Момент настал. Читай свою хронику, поэт.

И налил себе полный кубок.

Сияющий Ди-Сор вытащил табличку, которую носил под платьем и уверенно начал:

— Вступительное послание в память о великом Навуходоносоре…

Но не смог продолжать. Раздался мощный удар, от которого дворец покачнулся, и с громоподобным грохотом огромные

створки бронзовых дверей парадного зала рухнули.

Вдруг протрезвевшие мужчины вскочили на ноги. Сначала они увидели толпу обнаженных женщин, сбившихся возле главных дверей. Однако, вытянув руки, выставив вперед груди и сталкиваясь задами, они, похоже, вовсе не пытались бежать: они с протяжными криками предлагали себя…

Мужчины пригляделись: в дверном проеме уже появилось целое войско вооруженных луками и копьями солдат, грязных, с запущенными бородами; словно стадо зверей, они беспорядочно, с рычанием ломились со стороны Северной улицы, откуда напирало несметное войско, а впереди, на коне, между двумя крылатыми драконами, стоя в стременах, с обнаженным мечом в руке, находился Кир!

Эпилог

Коней, Вавилона. — В еврейском квартале. — Возвращение в Лютецию.

Когда солдаты Кира удовлетворили свой любовный пыл, Валтасар, его наследники, его советники и женщины были убиты. Вавилон предали огню и залили кровью. Те, кто пытался сопротивляться, подверглись пыткам, были раздавлены под железными колесами колесниц, распилены на части пилой, искромсаны ножом, а затем брошены в кипящую воду.

Никогда еще Кир не прибегал к столь жестоким расправам. Но было необходимо, чтобы рухнула эта надменная мощь четырех- или пятитысячелетнего города и он уже не оправился от удара.

* * *

Виетрикс нашел приют у своих друзей в еврейском квартале. Богоизбранный народ и впрямь пользовался расположением завоевателя. Нафтали посоветовал галлу из осторожности на время сменить имя.

— Теперь тебя зовут, например, Девий, — подсказал ему добрый старик. — Это ни к чему не обязывает, но, возможно, поможет тебе в это смутное время совершить кое-какие добрые дела.

Вечером его рабыня Ануке, которую Виетрикс спас, но которая весь день пребывала в трепете, склонив головку к нему на плечо, сказала:

— Я твоя, возьми меня…

— Нет, — отвечал Виетрикс.

И он повез в Лютецию маленькую иберийку, принадлежавшую, как выяснилось, к знатному роду. Обоих совсем не печалило бегство с развращенного и кровожадного Востока. Виетрикс сожалел лишь о своих друзьях: фантазере Ди-Соре, эрудите Поладамасторе, нежном Ма-Шане.

Между тем кельты распространились по всей Галлии. Так что папаша Виетрикс заметно расширил свое дело…

* * *

…Друид взял свой кривой нож и посвятил союз молодости Виетрикса и Ануке светлым божествам воды, долин и лесов. Ветки омелы сплелись венками над их головами. О, это были уже не мрачные ритуалы Вавилона-мертвеца!..

* * *

Здесь заканчивается история Виетрикса. И он, и Ануке — оба были счастливы, у них родилось много детей, которые чудесным образом несли на своих телах и передали своим потомкам, кое-кто из которых до сих пор живет в департаменте Сены и Уазы, сакральный знак — древнюю свастику.

notes

Примечания

1

Доклад был прочитан Аполлинером в театре «Старая голубятня» 26 ноября 1917 г. Опубликован в литературном журнале Mercure de France 1 декабря 1918 г.

2

Аполлинер Г. Новое сознание и поэты / / Писатели Франции о литературе. М., 1978. С. 53, 58, 62. Перевод В. Козового.

3

Первая публикация стихов Вильгельма Костровицкого состоялась 15 сентября 1901 г. в газете La Grande France.

4

Аполлинер Г. Три Дон Жуана. СПб.: Лениздат, 2014. Перевод Аси Петровой.

5

Паризии — небольшое кельтское племя, с середины III в. до н. э. жившее на реке Сене. Самым большим их поселением (оппидумом, городом-крепостью) была Лютеция.

группа островов в Средиземном море у побережья Южной Франции (Прованс).

историческая область на северо-западе Франции; входит в состав современной Бретани.

8

Лигурийцы — собирательное название древних племен, населявших в середине 1-го тыс. до н. э. северо-западную Италию и юго-восточную Галлию.

древнее кельтское название Ирландии. Название восходит к имени богини Эриу.

древнее поселение кельтского племени паризиев на месте современного Парижа, давшее первоначальное название самому городу.

11

Фокея — один из двенадцати ионических городов на западном берегу Лидии в Малой Азии. Жители Фокеи были известны как искусные мореплаватели и основатели множества колоний и факторий. Они основали Массилию (600 г. до н. э.) в устье Роны, где ныне находится город Марсель.

12

Рассказ почерпнут Аполлинером из книги историка и писателя Проспера Кастанье (1865 — ? гг.) «История древнего Прованса от четвертичного периода до V векан. э.» (Марсель, 1896) (I, 1415).

земельное владение, которое получал вассал от своего сеньора по ленному праву.

общее название стран восточной части Средиземного моря.

греческий вариант имени богини любви и власти Иштар, заимствованной греками из шумероаккадского пантеона через культуру финикийцев.

низшие божества, отвечавшие у финикийцев за безопасность мореплавателей.

восклицание, означающее по-финикийски «Владыка неба!».

18

Кимвры — крупное племя, заселявшее первоначально север Ютландского полуострова. По мнению большинства античных авторов, кимвры были древнегерманским племенем, однако современные историки допускают высокую вероятность того, что кимвры были кельтами.

в греческой мифологии нимфы лесов и лугов.

20

Дальнейший рассказ о разрушении Иерусалима почерпнут автором из Четвертой книги Царств Ветхого Завета.

старший сын иудейского царя Иосии, брат и преемник по иудейскому престолу (607–597 гг. до н. э.) царя Иоахаза. На иудейский престол был возведен египетским фараоном Нехао, переименовавшим его, в знак своей власти, из Елиакима в Иоакима. Выражением той же зависимости Иудеи от Египта должна была служить и наложенная на страну дань в количестве 100 талантов золота и 100 талантов серебра.

сын и наследник египетского фараона Псамметиха (610–595 гг. до н. э.). В 612 г. до н. э. союзные войска вавилонян и мидийцев завоевали Ниневию и окончательно сломили могущество Ассирии. Тогда фараон Нехао двинулся на север, пытаясь поддержать ослабевшее Ассирийское царство, а заодно установить власть Египта над Сирией и Палестиной.

23

царь Вавилонии с 23 ноября 626 г. по 15 августа 605 г. до н. э. Основатель Нововавилонского царства и X Нововавилонской (халдейской) династии, отец Навуходоносора II.

израильский царь. После ранения в сражении с сирийцами царя Иорама Елисей при еще живом царе помазал на царство над Израилем Ииуя (4Цар. 9:6). Затем Ииуй собственноручно застрелил из лука царя Иорама (4Цар. 9:24) и иудейского царя Охозию (4Цар. 9:27). По его приказу была сброшена со стены и растоптана конями Иезавель (4Цар. 9:33).

25

Здесь и далее Аполлинер пересказывает отрывки из Ветхого Завета по Книге пророка Иеремии (гл. 1-13).

в Древней Греции тяжеловооруженные воины.

сын Иоакима, библейский ветхозаветный персонаж: один из последних иудейских царей.

сын и преемник Аммона, шестнадцатый царь иудейский.

третий сын царя Иосии (1Пар. 3:15), двадцатый и последний царь Иудеи (597/596-587/586 гг. до н. э.) перед Вавилонским пленом.

в Древнем Израиле домашние божества, идолы, почитавшиеся оракулами.

31

Здесь и далее идет пересказ отдельных глав Ветхого Завета по Книге пророка Иезекииля (гл. 26–28).

32

фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 589–567 гг. до н. э., из XXVI династии египетских правителей Позднего царства.

33

В Ветхом Завете и в Евангелии рассказывается о купальне Силоамской в Иерусалиме, вода которой обладала чудесным свойством исцелять больных.

город на реке Оронт в земле Емаф недалеко от нынешнего Баальбека.

35

начальник телохранителей вавилонского царя Навуходоносора II, сыгравший главную роль при разрушении иудейского Иерусалима (587 г. до н. э.).

вавилонская мера площади, равная 3528 м2.

царь Ассирии, сын Саргона II. Царствовал приблизительно между 704/705-681 гг. до н. э.

38

Псалом 136; 1–6.

39

Согласно французским комментаторам, под этими именами выведены соответственно Жак Диссор (1880–1952 гг.) — друг Аполлинера, поэт и журналист, сотрудник журнала «Парижские вечера», в котором публиковался Аполлинер; писатель Поль Адан (1862–1920 гг.); и еще один близкий друг Аполлинера — датский художник Карл Мадсен (1855–1938 гг.).

40

Имеется в виду писатель и критик Реми де Гурмон (1858–1915 гг.) и его «Письма к Амазонке» (1914).

41

Жак Диссор был известным журналистом и хроникером, на что Аполлинер не раз обращал внимание. В частности, в одной из своих заметок (18 мая 1918 г.) он отмечал, что «Жак Диссор возродил жанр “новость в трех строчках” по капельке отмеривая свой талант, столь же насмешливый, сколь и лирический» (I, 1417–1418).

42

Аллюзия на роман Поля Адана «Тайна толп» (1904).

43

Книга пророка Иеремии, 29; 5–7.

боги из шумеро-аккадского пантеона.

в аккадской мифологии бог писцового искусства и мудрости.

царь Шумера и Аккада, правил приблизительно в 2316–2261 гг. до н. э., основатель династии Аккада. В современной историографии он обычно называется Саргоном Древним или Саргоном Аккадским.

47

В древнейших государствах Шумера патеси — титул жреца-правителя.

царь Ассирии в 669 — около 633 гг. до н. э. Воевал с Египтом, Эламом, Вавилонией. Вошел в историю и как собиратель древних письменных памятников: библиотека Ашшурбанипала найдена в 1849–1854 гг. на месте Ниневии (холм Куюнджик).

царь Вавилона, правил приблизительно в 1793–1750 гг. до н. э., из I Вавилонской (аморейской) династии.

имеется в виду Тиглатпаласар I, царь Ассирии приблизительно в 1115–1076 гг. до н. э.

боги аккадского пантеона.

имеется в виду Ашшурнасир-пал II, царь Ассирии в 883–859 гг. до н. э., наиболее значительная фигура последнего периода истории Ассирийской державы.

имеется в виду Саргон И, царь Ассирии приблизительно в 722–705 гг. до н. э. Саргон II, младший сын Тиглат-паласара III, вступил на престол после смерти своего старшего брата Салманасара V в 722 г. до н. э.

54

Книга пророка Исайи, 3; 16–22.

55

Книга пророка Исайи, 37; 16–17.

бог войны, бог-воитель, главное божество древних ассирийцев, вошедшее затем в пантеон шумероаккадских богов.

царь Ассирии, правил приблизительно в 680–669 гг. до н. э.

имя последнего ассирийского царя у многих древних авторов. По Диодору (II, 21 сл.), передающему рассказ Ктесия, он был 30-м преемником Нина и завершил его династию после 1360 лет ее существования.

царь Ассирии, правил приблизительно в 629–623 гг. до н. э. Сын Ашшурбанипала. В 629 г. до н. э. Ассирия была поделена на два царства. Ашшурэтельилани правил в Ниневии, а его отец Ашшурбанипал — в Ашшуре, причем Ашшурэтельилани считался главным царем.

60

Книга пророка Наума, 2; 1–2, 5 -11.

греческое наименование семитической богини Белит, культ которой особенно процветал в Вавилоне и оттуда перешел к ассириянам и персам. Она была отожествляема с греческой Афродитой Уранией и почиталась праматерью мира, женским производительным началом, рядом с которым Бел или Ваал представлял мужское производительное начало.

название Китая, данное ему в Европе в Средние века. По отношению к событиям романа — явный анахронизм.

прислужник в храме.

64

Имеется в виду известный библейский сюжет о Сусанне, старцах и суде Даниила, изложенный Аполлинером по апокрифической Книге пророка Даниила.

65

Духи и демоны в мифологии шумеров и других народов Междуречья.

женские божества, покровители дома.

67

Аполлинер приводит один из вариантов молитвы против злых духов, зафиксированный в ассиро-вавилонской поэзии. Вариант русского перевода — см.: Всходы вечности. Ассиро-вавилонская поэзия //В переводах В. К. Шилей-ко. — М., 1987. С. 89. Ануннаки — в шумеро-аккадской мифологии группа родственных между собой божеств.

в шумеро-аккадской мифологии один из трех великих богов (наряду с Ану и Белом).

69

В шумеро-аккадской мифологии первочеловек в образе полурыбы-получеловека, культурный герой, вышедший из вод Персидского залива.

бог луны в шумеро-аккадской мифологии.

бог солнца в вавилонской и ассирийской мифологии.

женский род от Бела или Ваала («госпожа», «прекрасная»), богиня плодородия и чувственных наслаждений.

73

Духи и демоны в мифологии шумеров и других народов Междуречья.

наркотик, известный под названием «индийская конопля». Название взято из древнегреческой мифологии — непенфом в ней называли траву забвения.

75

Согласно Ветхому Завету (Книга пророка Даниила 5; 25–28), эти слова, возникшие на стене во время пиршества царя Валтасара и поругания его над священными сосудами, принесенными из Иерусалимского храма, означали: царство твое Бог исчислил (мене), ты взвешен на весах (текел), и твое царство разделяется (фарес). Аполлинер придает известному толкованию юмористический характер.

сын и наследник вавилонского царя Навуходоносора, правил в 561–560 гг. до н. э. и был свергнут своим шурином Нериглиссором, возглавившим заговор против него. Заняв царский престол, Нериглиссор распорядился убить Евилмеродаха.

муж сестры царя Евилмеродаха, возглавивший дворцовый переворот, свергнувший и убивший Евилмеродаха. Оставил престол своему сыну Лабосоардаху.

сын Нериглиссора, царь Вавилона. Убит Набоннидом, сыном Евилмеродаха; Валтасар — сын На-боннида, следовательно, правнук Навуходоносора.